

169

ГРАНИ

GRANI

Г
Р
А
Н
И

1993

169

1993

Verlagsort: Frankfurt/M., Juli-September

“ГРАНИ”

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; почти полвека журнал способствовал публикации произведений, которые не могли быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в “Гранях” были опубликованы произведения:

А. Ахматовой, Д. Андреева Л. Бородина,
М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова,
В. Войновича, А. Галича, З. Гиппиус,
В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого,
Б. Зайцева, Е. Замятина, Н. Коржавина,
В. Корнилова, А. Куприна, С. Левицкого,
Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама,
В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы,
Б. Пастернака, К. Паустовского, А. Платонова,
Г. Подъяпольского, Р. Редлиха, А. Ремизова,
Ф. Светова, А. Солженицына, В. Солоухина,
В. Тарсиса, М. Цветаевой, И. Шмелева,
В. Шульгина и многих других отечественных и
эмигрантских авторов.

И в новых условиях уже в самой России журнал будет следовать прежним принципам, в первую очередь способствуя публикации произведений, помогающих освобождению от остатков тоталитаризма в душах людей и восстановлению прерванных им традиций российской культуры.

Журнал основан в 1946 году
Основатель журнала Е. Р. Романов

Редактировали:

1946 Е. Р. Романов, С. С. Максимов, Б. В. Серафимов

1947 - 1952 Е. Р. Романов

1952 - 1955 Л. Д. Ржевский

1955 - 1961 Е. Р. Романов

1962 - 1982 Н. Б. Тарасова

1982 - 1983 Р. Н. Редлих, Н. Рутыч

1984 - 1986 Г. Н. Владимов

Главный редактор
Е. А. Самсонова-Брейтбарт

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XLVIII

№ 169

1993

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Андрей ОКУЛОВ Экстерриториальность (Повесть)	5
Леонид ЗАТУЛОВСКИЙ "На чем стоять земле..." (Стихи)	72
Ирина МУРАВЬЕВА Отрывок из правды (Рассказ)	80
Анатолий МАРКОВ Хроника № 6 (Рассказ)	88
А. ДУГАНОВ Женщина и луг. (Рассказ)	100
Сергей ВОЛЬФ "Улетел мой журавль..." (Стихи)	109
Фридрих ОПАЛЬНЫЙ Этюд о ненависти (Маленькая повесть)	115

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Валерий СЕНДЕРОВ Как лгут о Константине Леонтьеве (Опыт несоветских фальсификаций творчества)	137
---	-----

ПИСЬМА ИЗ ПРОВИНЦИИ

Борис ЧЕРНЫХ Озими (Начало. Окончание в след. номере)	148
--	-----

ИСТОРИЯ

Юрий ЛИННИК В большевистском инферно	190
---	-----

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. КУЛЬТУРА

Иеромонах ДАМАСКИН (Орловский) Святитель Василий Кинешемский	225
Петр ПАЛАМАРЧУК Россия и монастырь	253

ПУТЬ К БУДУЩЕЙ РОССИИ

Соломон КРЫМ Сельское хозяйство в Крыму	261
---	-----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Юрий ЦУРГАНОВ

Можно ли понять дореволюционную Россию? (Раев М. "Понять дореволюционную Россию...")	285
Катынь (Свяневич С. "В тени Катыни")	291
Книга о Белом движении (Матасов В. Д. "Белое движение на юге России")	295

Виталий ПУХАНОВ

Вторая юность (О журнале "Новая юность")	300
--	-----

Олег ЮРЬЕВ

Это он – Эдичка (К тринадцатилетнему юбилею русского издания)	302
---	-----

Ольга МАРТЫНОВА

С комсоргами не стреляются (Рецензия на рецензию В. Куллэ в № 165 "Граней")	306
---	-----

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ	311
---------------------------	-----

Обложка работы художника Н. Мишаткина

Андрей ОКУЛОВ

Экстерриториальность

Повесть

Здесь нет ничего придуманного. Но любые выводы могут оказаться неверными.

* * *

Я понял, в чем ваша беда – вы слишком серьезны. Умное лицо – это еще не признак ума, господа. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица.

*Цитата из фильма
"Тот самый барон Мюнхгаузен", "Мосфильм", 1979 г.*

Этот магазин "Игрушки" всегда выглядел для меня загадочно. То есть не всегда, а с тех пор, как мы переселились в четырехэтажный дом по улице Орджоникидзе. Длинный проспект одинаковых строений, полутемная аллея одинаковых тополей, что вела к пустырю, за которым – снова серые новостройки, а в конце аллеи – светящаяся надпись: "Игрушки". Других магазинов вокруг не было, дома жилые.

Часто, когда бабушка или дед вели меня за руку по проспекту, я подолгу смотрел на горящие семь букв, пока угол дома не скрывал надпись.

Одного меня тогда далеко не отпускали, а бабушка, вероятно, была очень усталой по дороге с работы, а дорога шла тем самым проспектом... Так я до магазина и не добрался.

Когда подросток, делать там было уже нечего –

лишь один раз, во втором классе, забежал – купил пять жестяных пистолетов, чтобы вооружить дворцовую банду для какой-то сногшибательной затеи – пистоны расстреляли, пистолеты сломали во время колки орехов рукоятками, магазин бывшего чарующего впечатления не произвел.

Дом на пустыре был интереснее, потому что в нем я так и не побывал. Он стоял неподалеку от магазинчика, на углу огромной изрытой проплешины, обрамленной не то улицами, не то – дорогами. Дом шестизэтажный, старый, колодцем, как в центре. Вокруг был совсем не центр – новостройки в стиле тупой геометрии запоздалого соцреализма. А дом – с наружными лестницами, бельем на балконах, только людей я в нем не помню.

Можно подумать, что остался он от другого города, который снесли или разбомбили. Вторую версию подтверждали два бетонных ДОТа на пустыре. На медной раме амбразур – впечатанные контуры ударивших боком пуль, внутри – обломки лыж и разная дрянь периода талого снега.

*

Был август, я готовился идти в первый класс деревенской школы, что стояла на берегу квадратного пруда, и старательно расспрашивал взрослых – что там нужно делать, и чего – не стбит. Позднее я выяснил всё, что надо, и лет девять делал и то, и другое.

Лето стояло жаркое, но не душное. Мы купались в песчаном карьере и рисовали расплавленной на солнце смолой нехитрые картинки на перегороженной ржавым шлагбаумом военной дороге. Смолу извлекали цепкой из щелей между бетонными плитами.

Мы знали, что год был – шестьдесят восьмой. Больше мы не знали почти ничего.

Ночью я проснулся от шума в соседней комнате – радио говорило по-русски, но с другими интонациями и с легким акцентом. Встревоженные голоса родителей.

“Чехословакия, Чехословакия...”

Где это?

Наивные деревенские старушки начали закупать в магазине соль и спички.

Это делают “наши”. С красными звездами, в “наших” мы играем, и никак не хотим быть немцами. Чтобы не было недоразумений, мы иногда делились на нейтральных англичан и французов и с упоением расстреливали друг друга из деревянного оружия. Но там, в Чехословакии, – “наши”. Они делают что-то несправедливое. Это единственное, что я понял из разговоров.

Но разве могут “наши” быть плохими?

*

Окоп на краю вязкого картофельного поля. Моросил дождик, грязь липла к рукам и к магазину автомата. Солдаты в бурой форме перебежками приближались к нам с опушки серого леса. Сколько нас было, я увидеть не мог – моя позиция находилась в конце окопа, в двух метрах от меня кто-то из наших быстро выбрасывал вперед руку с пистолетом через бруствер – хлопок, и он снова нырял на дно. Форма на нас другая, неопределенного цвета и покроя, но без звездочек, как на касках нападавших.

Сначала они прятались за кочками, потом им надоело валяться в грязи, и цепочка вразвалку пошла на нас в полный рост. Я выпустил полмагазина в краснозвездного детину, а тот только рассмеялся в ответ.

Напарник скрючился на земле, отбросив пистолет в сторону.

- Почему они не падают? И не стреляют...
- Потому что у нас патроны холостые, а у них - настоящие. Если ты не проснешься, нам - хана!
И я проснулся.

*

Любое государство, со всеми своими законами, конституциями, армиями и правительствами есть вещь придуманная. Просто люди договорились, по каким правилам им легче играть, чтобы не вымереть и не перестрелять друг друга без надобности.

Наше государство было придумано с похмелья. Как написал один советский школьник в своем сочинении: "партия нас наставляет и озадачивает".

Ладно бы просто придумали - они миллионы играть заставили.

Надоело тебе в прятки или казаки-разбойники, сказал "я больше не играю" и пошел домой. Попробуй скажи: "Не хочу играть в социализм!", домой уже не скоро попадешь.

Не помнят, кто игру начал, а выйти из нее - или через границу, или на кладбище.

Но самое главное - принимать игру всерьез. Можешь даже притворяться. Переминайся с ноги на ногу, подкрикивай что-то в такт, подсвистывай, валяй дурака. Но делай вид, что играешь, как все. Полстраны так делает, а тебе что - больше всех надо?

У тех, кто водит и следит за соблюдением правил, глаза пустые, но серьезные и усталые. Одно время почти все поголовно ходили в серых пиджаках, но без галстуков.

*

Сразу за 214-й школой на улице Маяковского - садик. Мы его так и называли: "Школьный". Через него можно выйти прямо на Невский. Туда в мае

иногда привозили бочку с квасом, бывало, на перемене, успевали выпить маленькую кружку за 3 копейки. В центре садика – старый обшарпанный фонтанчик без воды. Не старинный – старый, напоминающий о гипсовых статуях пионеров сталинских времен, того и гляди – развалится, не вызвав сожаленья. Горка с песочницей, несколько скамеек, тополя. Тополинный пух, скапливавшийся маленькими сугробчиками на асфальте, мы иногда поджигали к неудовольствию местных старушек. Вот и всё.

Знаете, где находится город Лион? Правильно – во Франции. Вот пусть он там и стоит, потому что к Лионскому королевству никакого отношения не имеет, а садик – имеет, и самое прямое. В нем-то всё и началось. Году в семидесятом или семьдесят первом, в третьем классе. У нас вся хронология детства-отрочества с классами увязана.

Почему "Лиония"? У страны было несколько названий: сначала – "Орден черной звезды" (вдохновила сказка Кристиана Пино о рыцаре черной звезды), потом – "Королевство черной звезды", но сокращение КЧЗ похоже на КПЗ. Черная звезда осталась в гербе – восьмиконечная роза ветров на груди одноглавого коронованного орла.

В пятом классе мы по несколько раз смотрели американский фильм "300 спартанцев", приятель предложил назвать придуманную страну в честь спартанского царя Леонида – "Леонидией".

Но почти каждый день с экранов телевизоров и страниц газет на нас смотрел другой Леонид. В такой бровастой Леонидии, занимавшей 1/6 часть суши, мы уже жили!

Методом сложения, вычитания и замены букв получилась "Лиония".

Более чем через десять лет в Англии я прочел о затонувшей стране Лионесс, по полям которой не-

когда скакали рыцари короля Артура. Согласно легенде, находилась она возле побережья Корнуэлла, между мысом Лендс-Энд и островами Силли. Рыбаки часто вытаскивали сетями в этих местах куски деревянных дверей и оконных рам. Просто совпадение.

*

Все мальчишки играют в пиратов, индейцев, мушкетеров, рыцарей. Придуманная страна – тоже не ново. Чего особенного в Лионском королевстве?

В него играли почти десять лет.

*

Сначала сражались на палках, потом старательно вырезали деревянные мечи, копья. Появились луки и даже арбалеты. Гербы на фанерных щитах становились изысканнее. Трое, четверо – вот нас уже и десять.

В крупном сражении за Школьный садик принимало участие до двадцати человек. Зимой правый его угол, что ближе к Невскому, перегораживался снежным валом, и защитники крепости оборонялись до последнего синяка.

Во время одной из битв несколько пацанов из другого двора изъявили желание испытать судьбу вместе с нами. Им предложили вооружиться. Через несколько минут они вернулись с выломанными из забора рейками и крышками от мусорных бачков. Презрению блистательного лионского рыцарства не было предела!

Но верховный главнокомандующий Лёник нашелся: "Пусть они будут варварами!"

Пришельцы с радостью согласились и во время боя оглашали нашу вотчину поистине варварскими криками.

*

На варварах далеко не уедешь. Заниматься бесконечной междоусобицей – только подрывать мощь державы.

Где достать врагов?

Коварных, многочисленных и, главное, – постоянных!

Мой оруженосец Витька учился классом младше. Его друзья, не охваченные игрой, представляли собой отличный материал для рекрутского набора.

План был прост: Витька проводит среди одноклассников пропагандистскую кампанию, организует вражеское войско и с чувством выполненного долга возвращается в родную Лионию с шансами на повышение.

Операция прошла на удивление быстро, и через неделю пятеро рыцарей вечно враждебного нам Черного ордена стояли под тополями Школьного садика и нервно ковыряли мечами мерзлую землю.

Я поздравил оруженосца с благополучным возвращением на Родину.

Витька только хмыкнул: "Я же теперь магистр! А у тебя выше оруженосца все равно не дослужусь".

Так. Измена.

"Разберемся. Для начала – поединок. Король против ору..., прости – магистра!"

Уже лежал снег, когда мы, уворачиваясь от ударов мечей, бегали вокруг фонтана, я поскользнулся и чуть не угодил в плен (пришлось бы откупаться). Слава Богу, меч не выронил и в последний момент успел "раскрыть изменнику череп". Даже шишки не осталось.

*

В пятом классе мне пришлось пережить несколько государственных переворотов и республику. Забыл сказать, что со дня основания и до самого

растворения Лионии в суматохе конца семидесятых, я работал королем. Так получилось.

Для наибольшей легитимности и показательной демократии раз в месяц на большой перемене собирался парламент, который и переизбирал меня на новый срок с приятной регулярностью. Пару раз прошли другие, но без поддержки основателя и держателя финансов их правление было чисто номинальным.

Заговор – это серьезнее.

Мне они сразу не понравились – слишком сосредоточенные. Конкурент не добрал несколько голосов. Я уже было успокоился, но во втором туре за меня не проголосовал никто! В чем дело, кого же на царство?

Тут заговорщик-республиканец Вовка подал голос: "Кто за парламент?" И все, кроме меня, дружно подняли руки.

Прощай, корона! Ты к ним – всей душой, а они тебе – республику.

"Довольны? Только не выйдет у вас ничего без сильной центральной власти в моем лице. Порезвитесь покамест – сами трон предлагать будете, а я еще подумаю".

Так и вышло. Сначала у меня на парте начали приземляться наскоро составленные декларации независимости вновь созданных государств, не более одного человека в каждом. Потом – настойчивые требования признания и заманчивые торговые предложения.

По Лионии промчался вихрь сепаратизма.

Я игнорировал всю эту пачкотню – смутное время нужно переждать. В каждом замке должно быть привидение. Но если количество духов переваливает за десяток и они начинают выяснять между собой "кто в доме хозяин?", получится не готический роман ужасов, а съезд народных депутатов.

Через месяц меня полностью восстановили в правах на престол. Заговорщиков амнистировал — каждый имеет право на ошибку.

*

Какое государство без финансов?

Обрезки свинцовых кабелей из питерских проходных дворов и подвалов заменили серебро рудников Иоахимстала. Не одну ложку в доме испортил — плавил в них свинец и отливал монеты в гипсовых формах. Дело нудное, и соседи по коммунальной квартире ругаются, ассигнации печатать куда как проще.

Берешь стиральную резинку, вырезаешь на ней герб и номинал в зеркальном изображении, линуешь школьную тетрадку на квадраты. Обмакнул печать в чернила — шлеп-шлеп, пожалуйста к кассе и не говорите, что король у вас жадный!

Растут накопления, повышается благосостояние, душа не нарадуется за подданных. Друг у друга всякую ерунду покупают, на уроках капиталы подсчитывают, ленточками пачки перевязывают.

Стоп! Первые миллионеры появились — прямая угроза финансовой стабильности государства, в котором торговать особенно нечем. Организовал "Королевский банк", зазывал народ высокими процентами. Они не поняли, что это такое, если промышленности нет — откуда дивиденды?

Ладно, были у нас "талеры", будут — "дукаты"! Новую печать вырезать недолго, талеры обменяем один к десяти.

Школьная уборщица узнавала о реформе первой, когда разноцветные бумажки начинали сыпаться в лестничный пролет с верхних этажей. Шваброй грозила, но королевский эдикт — сильнее.

После дукатов были "пистолы" и "кроны". Только рублей не было. "Лионский рубль" - не звучит. Это все равно, что "монгольский фунт стерлингов".

Почти все в королевстве - дворяне. После нескольких лет повышений остались одни герцоги.

Кроме палача - ему дворянство не положено. Он угрюмо сидел на первой парте и сочинял многотомный "Трактат о пытках и казнях". Предлагал испробовать на республиканцах, но я отказался.

Игорю дворянство досталось с трудом - он был рыжий. Я ему посоветовал добиваться положения в обществе через скупку недвижимости.

На уроках физики (я в ней никогда ничего не понимал) он передавал мне пол-шоколадки, за что к перемене получал рисунок собственного замка с названием, указанием точного месторасположения и правом владения за подписью монарха. Живи - мне не жалко. Скупив десяток замков, он нарисовал план табачных плантаций, которые собирался развести в колониях, и вопрос о дворянстве был решен.

Кардинал Александр, источенный завистью к славе Ришелье, был на несколько лет старше нас.

Изменилась Лиония. Появились ее контуры на обороте забытой настольной игры: холодные моря - на Севере, вечные враги - на Юге, горный хребет, мятежные колонии и ненадежные союзники.

Блистательной стала столица, город Лион (да нет, не французский, я уже говорил). Несколько видов с птичьего полета, вычерченных рукой кардинала, подтверждали это.

Готические башенки королевского дворца Вудрея, что стоял посреди парка на острове, омываемом безымянной рекой. С самой высокой башни виден мрачный замок Ирлингов (последнего короля этой династии отравили завистливые придвор-

ные за 150 лет до моей коронации). Позади замка - Нижний Город, известный своими игорными и прочими притонами. Не раз королевская стража притаскивала оттуда загулявшего кардинала в цивильном платье - "Они опять бузят, Ваше величество!". Кардинал божился, что общался с народом, или, того хуже, выслеживал сторонников мятежного принца Артура и вообще смотрел насчет крамолы.

Кто ему поверит, когда вся крамола в королевстве начиналась под чутким кардинальским руководством и им же потом подавлялась! Мятежный принц, в лице моего брата, действительно плел мелкие заговоры и обвинял меня в жестокости и властолюбии.

Я виноват, что у меня работа такая? За это Артур был сослан в колонии, где тут же поднял мятеж. Тогда я отыскал на карте маленькое графство, окруженное лионскими вассалами, где братец и просидел до конца игры. А кардинал тотчас написал "Воззвание к лионскому народу":

"Герцоги, крестьяне и солдаты!

Не верьте мятежному принцу Артуру - он прокаженный и сумасшедший. При встрече обливайте его помоями и прочей дрянью. Этим вы можете снискать благоволение великого короля Лионского Генриха и добрейшего кардинала Александра!".

Тамбовский волк тебе "добрейший", а кто братца подначивал? Повесить бы тебя, но нельзя в хозяйстве без кардинала. Ведь он работал в маленькой заштатной типографии, где под шумок напечатал два тома с золотым тиснением: "История государства Лионского". Печатал он и еще кое-что, но об этом - потом.

Александру прощалось многое, даже сумасшедшая сестра Кырла (словотворчество - одна из кардинальских слабостей). Кырла с растрепанными

волосами бегала по коридорам Вудрея, где царапала и кусала придворных.

*

Санкт-Петербург - город особенный. В семнадцатом году надели на него красный фанерный намордник из лозунгов и транспарантов, в двадцать четвертом картавую кличку дали. Дворцы, площади, особняки, и вдруг всё это называется "Ленинград"! Однажды на гостинице одноименной в светящейся надписи погасла буква "р", скандал получился.

Город-призрак как будто затаился, но оскорбления не забыл - отольются еще вам, клопы красные, питерские слезы.

Фантазия разыгрывается на улицах Питера просто неудержимо. Михайловский замок очень похож на замок Ирлингов, вот у этого моста наемный убийца застрелил из мушкета моего отца, чем обеспечил мне быструю коронацию. На самом деле отец позволил себе несколько язвительных замечаний насчет игры в Лионию, после чего я ему заявил, что буду чтить его светлую память, но к мнению покойников не прислушиваюсь. Когда матушка, в свою очередь, начала давать советы по части развития культурной жизни королевства, кардинал быстро составил указ, после которого королева-мать получила возможность заниматься культурной деятельностью в четырех стенах одного из лионских монастырей. Нелегка жизнь наша монаршья!

Мы шли большой компанией по набережной и горланили на мотив марша "Прощание со славянской":

Коммунисты поймали мальчишку,
Притащили в свое КГБ.
Расскажи нам - кто дал тебе книжку
"Руководство в подпольной борьбе"?

Почему ты клеветешь на Ленина,
Обличаешь общественный строй?
- С..ть хотел я на вашего Ленина!
Отвечает им юный герой.

Некоторые прохожие оборачивались, но большинству все равно - белые ночи, весь город на ногах, каждый поет, что хочет. День с ночью перемешан, и Петропавловская крепость в такой серо-розовый цвет покрашена, что ни на одной палитре не подобрать.

*

Абстракционизм в искусстве - штука сложная. Один черный квадрат нарисует и в историю попадает. Другой красную точку в углу холста поставит и ждет признания всю оставшуюся жизнь. Неровен час - сопьется с горя.

В нашей стране с абстракционизмом проще - нельзя. Нет, закона такого нет, но есть Союз художников, он и рисует как надо. А "как надо" ему говорят. Кто надо. Вот - строители БАМа в касках, та, что с цветочком, - строительница. Вот - колхозное стадо из восемнадцати коров и двух доярок. Вот - Ленин в плотном кольце окружения народом.

В 1970-м, к столетию вождя, была выставка достижений советской живописи в свете юбилея. Идет комиссия, проверяет, одобряет...

- Постойте, вернемся к той картине! Кто здесь изображен?

- Ленин.

- Что он делает?

- Перед народом выступает.

- А почему он, мать вашу, перед народом выступает, стоя на собственном мавзолее?!

Досталось, наверное, организаторам.

Но абстракционистам доставалось больше. Еще Хрущев начал громить. В семидесятых самодее-

тельную выставку под Москвой бульдозерами раздавили. В Питере новости с художественного фронта – сводка боевых действий. Арестован, задержан, избит на улице неизвестными, уволен с работы, эмигрировал...

Помню выставку в одном Доме культуры на окраине. Очередь здание опоясала, народ чует, что здесь – что-то не совсем легальное, значит интересно.

Одна картина запомнилась. Тюльпанов, "Ящик воспоминаний". Старинный комод с выдвинутыми ящиками, в одном – березовый лес, в другом – блестящие шестеренки, а на переднем плане – радужная лягушка с серьезной мордочкой. Читал, что у одного индейского племени есть обычай – носить с собой "мешок воспоминаний". Он состоит из множества кармашков, в которых – сосновые иголки, сухие листья, горсть земли, подобранные в тех местах, где с хозяином мешка произошли знаменательные события. Время от времени он открывает мешок и нюхает содержимое кармашков – запах лучше всего помогает вспоминать.

Мне – пятнадцать. Прибегает один такой абстракционист к нам домой и – к телефону. "За мной слежка. Я должен позвонить американскому корреспонденту!" Набирает номер – корреспондента нет. Снимает трубку через пять минут – телефон отключен. Мать ему – "Уходи проходными дворами. Они скоро будут здесь". Убежал.

Они явились минут через пятнадцать. Двое – в милицейской форме, остальные – серые, в штатском. Пока мать устраивала им скандал насчет ордера на обыск, один зашел в мою комнату. Серьезный.

- Ты здесь художника не видел?
- Сюда только художники и ходят.
- Ну, худой такой.

- Они все худые.
- С бородой.
- Они - все бородатые.
- - Так, - гебист потерял терпение. - С этим всё ясно. Молодой парень, а уже портишь себе будущее. Ушли.

*

Весной 1976-го в мастерской активиста организации выставок Евгения Рухина среди ночи вспыхнул пожар. Он и еще два художника задохнулись в дыму. Кто мог среди ночи поджечь мастерскую?

Этим летом магнитофон в соседней комнате играл песню Бачурина:

Если падают рядом и голову гнут
От нужды или денежной жажды,
Оставляйте их сзади - пускай подберут
Их другие, упавшие дважды!

Мы живем в ожидании вишен,
В ожидании лета живем.
А за то, что одной лишь надеждою дышим,
Пускай нас осудят потом.

Еду в троллейбусе по Литейному, смотрю - возле Большого дома - двое автоматчиков. Странно, никогда раньше у здания ленинградского КГБ наружной охраны не было.

По городу слухи поползли - августовской ночью неизвестные расписали центр антисоветскими лозунгами: "КПСС - враг народа!", "Долой партийную буржуазию!", "Слушайте Голос Америки!". Самый большой - 50 метров длиной, был написан на Государевом бастионе Петропавловской крепости: "Вы душите свободу, но душа народа не знает оков!". КГБ вполосился:

Осенью их взяли: двух художников, мою ма-тушку и крестную мою. Подвел их профессиона-

лизм: буквы лозунгов были выписаны чуть ли не каллиграфически. Гебистам сразу стало ясно, что здесь "искусство замешано". Круг подозреваемых сужался, и вот – все четверо оказались в Большом доме.

Моя матушка сразу отказалась от дачи показаний. Упрямая. Следователь ей ласково так говорит: "Юлия Николаевна, прямых улик против вас нет. Но во время обысков на вашей квартире мы нашли достаточно нелегальной литературы. Не хотите садиться по этому делу – посадим по другому!"

С художниками было проще. Им пообещали, что, если они расскажут, – выпустят женщин. Они поверили и раскаялись. Попали в лагерь. Мою матушку отправили в ссылку еще раньше поделщиков.

Взрослые, а не понимают, что нельзя с серыми по их козлиным правилам играть. Есть такая лагерная мудрость: "Крапленые карты не помогут, если играешь с блатными".

Из Воркуты мать бежала – хотела попасть на суд тех двух художников, успеть сказать им, чтобы не каялись. Не успела – поймали. Отправили назад в Воркуту, быстренько новый суд устроили. Заменяли пять лет ссылки на два года лагерей. Под Иркутском. Местечко Бозой. Уголовный лагерь.

Мы с братом у нее на свидании были. Смотрю – у матери шрам через лоб.

"Это одна уголовница. Мы с ней повздорили немного. Когда повели нас на работы, я подошла к бочке с водой, чтобы умыться, нагнулась – увидела отражение, нож блеснул. Хорошо, что успела голову поднять – она прямо в шею целилась. Но по лбу скользнул. Другие женщины ее сразу скрутили, нож отняли. Шрам затянется, на нас всё заживает как на собаках".

Учитель физики несколько лет назад приехал с "острова свободы" Куба, где помогал братскому кубинскому народу строить социализм и зарабатывал на машину. На Кубе он получил солнечный удар, вернулся в нашу школу и стал парторгом.

Ставит мне физик очередную двойку и начинает: "Некоторые говорят, что одна партия – это не демократия! Вот две партии – это да! Те, кто так говорят, скоро окажутся в психушке. Солженицын тоже хотел вернуть власть помещикам и капиталистам, а теперь в Америке коров разводит. Гы-гы-гы... Слушайте партию и правительство, и тогда всё будет хорошо!" Он знал, что моя мать – в лагере.

Самые интересные люди в школе – это военруки. Везет нас один такой военрук на полигон, сдавать зачет по стрельбе из автомата и напутствует: "Видите фанерную фигуру? Ты по ней стреляешь, а она – упадет-встанет, упадет-встанет... Как у молодого! Я – ваш руководитель, и курить при мне нельзя, но если тебе, дураку, приспичит – отойди вон за тую березу и кури, покуда у тебя дым из жопы не пойдет!". Остроумный народ, отставные военные.

Собирают нас в военкомате на приписку – кому в каких войсках служить через два года. Потом все это забудут и перемешают, но порядок должен быть. Сидим, скучаем, а капитан нам политинформацию читает: "Кто скажет, для чего нам нужна армия?" Приятель, от скуки одуревший, подымается и говорит бодрым голосом: "Давить гидру мировой контрреволюции!" – "Правильно!" – капитан доволен, все ржут.

Изречения одного военрука двое моих друзей, Троцкий и Ханурик, даже в записные книжки заносили. Рассказывает он про ужасы вьетнамской войны и приводит пример: "А во Вьетнаме водятся и произрастают такие птицы, что ты сидишь, а она

сзади подойдет, цап – и крови нет!” До сих пор не пойму – про что это он?

Цинизм переполнял огромное туловище Троцкого доверху. На народного комиссара Лейбу Бронштейна он был не похож, кличку получил из-за схожести фамилий. Одной из его любимых забав было сбивать голубей на лету плевком. Иногда получалось. Зимой он носил пальто с меховым воротником и массивную цепочку от часов через пузо.

Манеры – тоже купеческие. Заходит Троцкий в гастроном, достает из кармана четыре мятых рубля и небрежно грассирует через прилавок: “Барышня, нам бы пол-литровочку!”

Продавщица недоверчиво смотрит на его школьные брюки: “Рано тебе еще водку пить!” – “А что вы волнуетесь? – удивляется 16-летний купец. – Я же деньги плачу”.

Отец его занимал низкий пост на крупном предприятии, кажется, по партийной линии. Сынок считал себя убежденным монархистом.

На письменном столе – трехцветный российский флажок. Один раз я пришел к нему в гости. На тетрадном листе нарисовали Ленина в жилетке и с галстуком кис-кис, сверху написали по старой орфографии: “Поганый большевик” и расстреляли вождя мирового пролетариата из пневматической винтовки. Отец его дверь приоткрыл, зубом цыкнул: “Развлекаетесь? Ну-ну...”.

Во время молодежных попок у него на квартире заводили пластинку с речами Брежнева. Причем вращали ее пальцем в обратную сторону. Сначала – аплодисменты, а потом до боли знакомый голос генсека серьезно так говорит: “Мамзынь! Нурегубо...”.

Разворачивают ребята праздничный выпуск “Правды”, а там – призывы, штук семьдесят. Например: “Да здравствует нерушимое единство рабо-

чего класса Советского Союза и республики Бангладеш!” Ну как за это не выпить? За каждый призыв – по стакану. До конца редко доходили – призывов больно много.

Висит Троцкий после одной такой правдинской передовицы на ванне, а на голову ему вода тоненькой струйкой льется – отмокает. В это время другой участник прибегает и начинает в эту же ванну блевать.

”Сильнее струю!” – шепчет Троцкий. Сосед по ванне удвоил усилия.

”Да не эту...” – бессильно шевелит пальцами хозяин квартиры.

На уроке истории училка спрашивает: ”Чем отличился Черчилль во время подписания Версальского мирного договора?” Троцкий руку тянет: ”По его инициативе вокруг Советской России был создан ”санитарный кордон”, чтобы предотвратить проникновение в Европу большевистской заразы”.

”Садись, пять!”

Еще он любил заниматься антисоветской деятельностью – писал протесты, читал их мне наедине, а потом собственноручно уничтожал. Политика – политикой, а жить тоже хочется.

Ханурик получил свою кличку более сложным путем – прогулял субботник. Преподаватель труда после этого в классе выступает: ”Все честно трудились, и только такие ханурики, как Волков...” Так он Хануриком и остался. Ханурик с Леником любили делать ”фурру”. Знаете, что такое ”фурра”? Берется газета ”Известия”, сминается в пышный комок и засовывается в водосточную трубу в проходном дворе. Потом поджигается – тяга сильная, в трубе раздается вой и грохот. Местные жители высовываются из окон с недоумением и беспокойством на лицах. Вот и вся ”фурра”.

Предыдущие поколения удивляются: "Почему вы все - такие циники? Мы были другими...". Вы лучше посмотрите - в каком виде вы нам страну оставили, и перестанете задавать глупые вопросы.

*

На квартире у Кардинала чуть ли не каждый вечер собиралась одна богема да оппозиция. Иногда - подписи под протестами собирали, иногда - об индийской философии беседовали. А когда начиналось застолье, появлялся рыжебородый священник отец Лев. Он разглаживал бороду, поправлял очки и басом произносил первый тост: "За освобождение Матери-родины нашей от кровей сосущих коммунистов!"

Один раз захожу - вся компания вдоль стен расселась, глаза закрыты и молчат. Что это с ними? Местный экстрасенс Тараканов мне шепчет:

- Мы медитируем! Это очень просто - поднимаешься над подсознанием и разглядываешь его сверху. Присоединяйся!

- Спасибо. Чего я в этом подсознании не видел?

Квартира у Кардинала - коммунальная. Идет по коридору соседка тетя Вера. Настоящая соседка: на плечах - халат, на голове - бигуди, в зубах - сигарета, в руках - кастрюлька. Сашка ее за рукав хватает и в комнату тащит:

- Тетя Вера, скажите, пожалуйста, кто мы такие?

Тетя Вера сигарету изо рта вынимает, обводит ей всех собравшихся и заявляет трескучим голосом:

- Вы все - контрики! И работаете на ЦРУ!

- Спасибо, тетя Вера, можете идти.

Когда гебисты у них обыск устроили, первым делом - на кухню, где помойные ведра стоят. "Какое из них, - спрашивают, - ваше?" Кардинал не сплеховал - на соседское показал. Гебист манжеты

белые отдернул, газетку расстелил, мусор на нее высыпал и копается. Нашел бумажку, на которой только одна фраза написана: "Витамин Б получили..." И сразу ее в протокол. Будет работа для дешифровщиков.

Сашка неплохо рисовал. Особенно - комиксы. Например, замечательную историю в картинках о том, как два английских шпиона украли из мавзолея набальзамированного Ленина, распилили на куски и продали на аукционе "Сотеби".

Второй комикс мы рисовали вдвоем. Плыло Политбюро ЦК КПСС через Море кризисов к сияющему Солнцу коммунизма, а диссиденты-пираты взяли их кораблик на абордаж, сварили всех и съели.

Это творение гебисты назвали в протоколе так: "Восемь рисунков иносказательного содержания, на одном из которых имеется надпись коммунизм".

Свод законов Лионского королевства визитеров в сером заинтересовал: "Так, Закон о бунтах ... повесить... четвертовать... Оч-чень интересно!".

Одновременно прошел обыск у нас на даче - кроме всякого барахла, забрали пачку лионских денег последнего выпуска. "С этого начинается фальшивомонетчество!" - серьезно заметил лейтенант моей бабушке.

*

Вижу - Кардинал что-то придумал, ногти грызет.

- Ну, - говорю, - что скажешь?

- Дело, - говорит, - нужно делать!

- Правда?

- Нет, я серьезно, у меня идея есть - мы сделаем листовки! Я уже начал - текст подходящий имеется. Все это потрясающе просто: мы вырежем буквы на стиральных резинках и напечатаем листовки чернилами!

— Это слишком похоже на лионские деньги...

Он полез в камин, не топлённый со времен Кронштадтского мятежа, и извлек из его недр несколько резинок с вырезанными на них гигантскими буквами.

— Да, таким шрифтом театральные афиши печатать не стыдно — за версту прочитать можно. Какой же величины будут эти листовки?

— Зря иронизируешь, текст будет короткий и радикальный, вот! — Кардинал положил на рояль листок с образцом текста.

Он был действительно недлинный: там предлагалось, не откладывая дела в долгий ящик, покончить со всякой коммунистической нечистью. Приступать — сразу же по прочтении листовки, которая начиналась словами: "Граждане! Решительный час настал!"

— А ты уверен, что он настал?

— Я тебе повторяю: настоящая листовка должна быть именно такой!

Мы проспорили несколько дней, прежде чем он согласился изменить текст на более умеренный и выбросить свое резиновое творчество.

За составление текста и техническое исполнение взялся я, распространять договорились вместе. Текст получился — в правозащитном духе, озаглавлен: "Свободу политзаключенным!" Вкратце говорилось о том, что в стране, которую "кремлевские лицемеры" называют самой демократической в мире, в лагерях и спецпсихбольницах томятся тысячи политзаключенных только за то, что осмелились открыто высказывать мысли, неугодные правительству.

"Свободу Осипову, Огурцову, Марченко, Буковскому, Твердохлебову, Гинзбургу, — говорилось в конце. — Свободу всем 2000 политзаключенных в СССР!" Что их было больше — мы не знали.

Достали банку типографской краски, набор "Юный гравер" тогда еще был в продаже. Текст я вырезал на линолеуме.

За стенкой, в большой комнате, взрослые снова спорили о политике. Говорят - "Нельзя в этой стране ничего изменить. Уезжать надо!" - "Нет, - отвечает другой, - нельзя уезжать, но и менять ничего не надо, а то еще хуже будет". - "Вот-вот, - включается третий, - давайте лучше помедитируем!"

В соседней, маленькой комнате я резал клише, а Сашка стоял на стреме. Чуть кто заглянет - клише газетой закрываем, сверху - бутылку вина и два стакана. Спивается молодежь в условиях развитого социализма.

В ноябре клише было готово. Вместо валика для нанесения краски мы использовали медную трубку. Раскатывали тонкий слой краски на куске оконного стекла, наложенный на клише лист бумаги просто проглаживали рукой с обратной стороны.

Вскоре Александр вполне овладел техникой печатания и начал производить листовки в огромных количествах. Многие из них почему-то получались с неровной черной каймой по краям. Клише стирались и буквы теряли четкость.

Всё идет по плану, но однажды встречаю Кардинала в сильном душевном расстройстве:

- Ты слышал? Буковского на Корвалана обменяли. Неактуально получается.

Он всю ночь сидел над кипой готовых листовок и шариковой ручкой вычеркивал оттуда фамилию "Буковский", о чем с гордостью сообщил мне в мой следующий приход.

- Ну, это на тебя похоже, ты мне лучше скажи, что это такое? - Я поднес к его глазам два скомканных черновых оттиска.

- В углу нашел. Ты забыл, что квартира коммунальная, а всего три месяца назад здесь обыск был?

- Это я по рассеянности.

- Знаешь, во сколько лет нынче обходится рассеянность?!

Этот случай повторился еще несколько раз при разных обстоятельствах. Мы ухитрились нарушить чуть ли не все правила конспирации, какие существовали. Может быть, поэтому нас и не поймали.

Летом 1977-го меня не было в городе, когда Кардинал вместе со своей 14-летней сестрой расклеили наше творчество по проходным дворам и раскидали по почтовым ящикам. Если "сумасшедшая Кырла" не врёт - одна листовка была приклеена к стене Большого дома.

"Всемогущий КГБ" нас не обнаружил. Но набор "Юный гравёр" исчез из продажи.

*

Есть такая напасть в России - тамбовские интеллигенты. Конечно, интеллигент, может быть, совсем и не из Тамбова, а из Урюпинска. Чувствует свое интеллектуальное превосходство над земляками, всю жизнь мечтает вырваться из болота провинции и весь смысл его жизни состоит в изобретении *теории*. Маленькой, но своей.

Смысл этой *теории* в том, как спасти человечество от всех современных напастей. Или - почему это человечество от этих напастей спасти невозможно и как можно вычислить, когда это вышеуказанное человечество окончательно погибнет. Более скромные ограничиваются масштабами страны - как ее спасти или почему ее спасать не нужно.

Когда *теория* готова, тамбовский интеллигент облакает ее в форму рукописи и везет в столицу, где представляет столичным интеллигентам. Те за голову хватаются: "Уже шестая тамбовская теория за неделю! Так нам никакого времени не останется на медитацию и бурный алкогольный протест с по-

следующим непротивлением злу силою!" Зазнались, гонят провинциалов со двора. Не страшно, потому что истинная цель тамбовского интеллигента - переправить свою *теорию* на Запад, лучше - вместе с автором.

Тамошние советологи в восторге: "Инкредибл! Такая глушь, и вдруг - *теория!*" И давай докторские работы по тамбовским теориям писать, лекции читать, президентам советовать. "Как известно, согласно теории Блямского..." Но перед этим тамбовскому интеллигенту нужно с кем-то поскандалить, чтобы советологи заметили, что он за *теорию* страдает. Это не так уж сложно - среди советологов своих тамбовских интеллигентов хватает.

Главное в *теории* - оригинальность, а то не заметят. Один такой теоретик вот что надумал: "За семьдесят лет большевики так испортили Россию, что ее дальнейшее пребывание на нынешней территории - неуместно, а посему страну нужно перенести на другой континент!"

Другой привез к нам в Питер свою *теорию* в трех томах. В первом он в литературной форме доказывал, что русских вообще не существует, от чего и происходят все наши российские беды. Все мы - случайное смешение разных народов, испокон веку промышлявших грабежом. Вот откуда, к примеру, в русских сказках - Баба Яга в избушке на курьих ножках? Это - воспоминание о финских племенах, с которыми наши предки воевали и в полон продавали. Сидит старушка-финка в своем домике на сваях, кашу варит. А коварный Иван-царевич все норовит к ней в избушку влезть, пограбить и продать бабушку в турецкий гарем.

Второй том - фантазия о том, сколь ужасен русский бунт "бессмысленный и беспощадный" - устроили в провинциальном городке революцию, а вместо свободы получили кровавый хаос и террор.

”Вообще-то, - говорит теоретик, - от России скоро ничего не останется, вымрут все. А вместо русских заведутся на территории СССР огромные крысы. Метр длиной и смышленные - куда русским до них!”

Третий том этим крысам и был посвящен. Попросил интеллигент свою *теорию* на Запад переправить, матушка согласилась. А теория - по дороге потерялась. Расстроился интеллигент. А я - нет.

Спросишь у такого теоретика: ”Как жизнь в Тамбове? Чем там люди живут, чего желают?” А он в ответ фыркнет: ”Не живу я в этом Мухосранске, а только нахожусь. Я общаюсь исключительно с избранным кругом людей и работаю над своей теорией”.

Лет пять назад наткнулся я в крупной английской газете на еще одну теорию такого тамбовского интеллигента - из Оксфорда. Знаете, что он там пишет? - Русским всегда была свойственна тяга к секретности. А происходит это от того, что секретность - старая практика Православной церкви. Посмотрите - во время богослужения православный священник большую часть службы проводит за закрытыми Царскими вратами, появится ненадолго, скажет что надо и снова - назад. От этого всё и пошло - русские правители скрывают за секретностью свою некомпетентность.

Другая теория еще лучше: русские всегда будут нацией рабов, потому что в младенчестве их туго пеленают. Вот они и привыкают к скованному состоянию и проносят эту привычку через всю свою нелегкую жизнь!

Читает такую *теорию* в глянцевой обложке номенклатурщик на своей даче. Тянет рюмочку ”Смирновской”, икоркой отечественной закусит, секретаршу-комсомолку ущипнет и головой закивает: ”Верно этот пишет - нация рабов ! И без нас

ей никак нельзя – разбалуется, анархию разведет, войны разные гражданские... Одна уже была – и хватит!”

Вообще-то тамбовский интеллигент может жить в Москве, Питере или Нью-Йорке. А просто интеллигент – в Тамбове. Если он просто своим делом занят и меняет мир вокруг себя по мере возможности. Но о них меньше слышно – они *теорий* не изобретают, все больше практикой занимаются.

*

Дедушка в поле гранату нашел,
Поднял ее – к сельсовету пошел.
Взял да и бросил гранату в окно!
Дедушка старый – ему всё равно...

Евгеньич рассказывает: ”В спецпсихбольницах не только сумасшедшие и диссиденты сидят. Туда вообще часто сажают людей за неординарные поступки. Например, во время очередной отсидки встречаю я мужичка. Вроде – нормальный, на диссидента тоже не похож. ”За что?” – спрашиваю.

”Да, – говорит, – побили меня в милиции, я и осерчал. Взял ночью канистру с бензином и подпалил отделение! Получилось – удрал. Мне понравилось, я решил продолжать. Девять штук спалил, пока поймали!”

Отправлять старика под суд – значит признать, что народ чем-то недоволен, получается – ”акт терроризма”, скандал. Его – в психушку.

Вышел я из спецпсихбольницы, занялся диссидентским движением. Через некоторое время забирают меня снова. В психбольнице встречаю старого знакомого: ”Неужели до сих пор сидишь?” ”Нет, – говорит, – выпускали. Но уж больно мне это дело с отделениями понравилось. Двадцать семь сжег, снова взяли”.

Другой старик шутку почище устроил. Прихо-

дит он к председателю колхоза и просит материала – крышу починить, прохудилась. Тот отмахивается: "Много вас таких! Некогда...". Старик просил, просил, потом надоело ему. А в тех местах, где во время войны фронт проходил, на руках у населения немало оружия осталось – по огородам закопано. Старик выкатил из сарая пушку-сорокопятку, навел, поплевал на пальцы и первым же снарядом снес с сельсовета крышу. Не серди народ, председатель!

Еще один случай рассказал мне свидетель – человек из той деревни, где всё и произошло, в начале шестидесятых.

Хрущев тогда кукурузой увлекся, ему все равно, что она в русской средней полосе не вызревает – сейте, и всё тут! Кукуруза в полях гниет, под рожь и пшеницу посевных площадей не хватает, а зерно государству все равно сдавать надо. Забирали всё, вплоть до семенного.

Одному колхознику всё это здорово надоело. Откопал он на огороде винтовку, пришел к председателю колхоза и спросил:

– Какой калибр?

Тот отвечает, хотя и побледнел:

– Семь, шестьдесят два!

– Правильно. Так вот, если снова всё зерно сдашь, а мужикам не оставишь, первая пуля – твоя! Я пока в лесу буду, если наказ не выполнишь – навешу.

И ушел в лес. Делать там особенно нечего, мужик – в соседний колхоз пошел, тот же номер повторил с тамошним председателем. Короче – обошел все колхозы района.

Через некоторое время в области всполошились – район поставок не сдает. Председатели боятся, что если раздадут зерно колхозникам – попадут под суд, а сдадут государству – придет мужик с винтовкой.

Прислали спецгруппу КГБ, чтобы поймать партизана. Но лес – большой, а мужик – один. Долго ловили, пока дознались, к какой бабе в какой деревне он под вечер иногда наведывается. Там и схватили. Что дальше с ним было – история умалчивает.

Сам Евгенийч провел в спецпсихбольницах почти девять лет. Из них год – в одиночке. Занимался диссидентским движением, создавал независимый профсоюз. Попытался отстроить независимую печатную базу – изобретал множительную технику. Однажды создал портативное печатное устройство с валиком из презерватива. КГБ на обыске забрало. Ему говорят – "Делай снова!" Он отказывается: "Эту систему копировать уже не интересно. Нужно новую придумать!"

Евгенийч никогда ничего до конца не доделывал.

Еще он любил учить всех соблюдению конспирации: как прятать литературу, как уходить от слежки, как вести себя на допросах. Но сам он эту конспирацию нарушал при каждом удобном случае.

Евгенийча, Альку, Левку и еще одного их товарища в КГБ называли "Ленинградская банда" и очень опасались.

Почему? Они были *непредсказуемы*.

Диссиденты – люди честные и смелые. Напишет такой человек протест, потом еще один и попадет в лагерь. Другой напишет протест в его защиту и тоже попадет в лагерь. Потом первый выйдет из лагеря и будет писать протест в защиту второго. Здесь КГБ всё понятно.

С "Ленинградской бандой" неприятностей гораздо больше.

Во время одного из многочисленных арестов в кармане у Евгенийча обнаружили горсть шариков от подшипников.

- Зачем это вам? - удивился милиционер.

- Знаете, - говорит Евгенийч, - я увлекаюсь йогой. Эти шарики очень помогают для концентрации внимания. Берешь его и смотришь, смотришь...

- Как же, как же, - хмыкнул гебист, стоявший за спиной, - вы поищите получше - у него должна быть рогатка!

Евгенийч считал, что рогатка - самое страшное оружие, не подпадающее ни под одну статью Уголовного кодекса. Стальной шарик, выпущенный из рогатки умелой рукой, пробивает фанерную дверь.

Однажды ночью вырывает "Ленинградская банда" на машине на Лубянскую площадь и открывает из рогаток беглый огонь по окнам здания КГБ. Говорят, окна там бронированные, вреда большого быть не может, но ощущение - приятное.

Решил Евгенийч с компанией денег подзаработать и подрядился в подмосковном колхозе строить не то - сарай, не то - барак. В Москве за диссидентами слежку организовать - два пальца замочить. А как в деревне, где все друг друга знают? Скоро дознались друзья, что через два дома от них поселился еще один москвич, никому в деревне не знакомый. С людьми общается неохотно, чем занимается - тоже непонятно.

Тогда Евгенийч с Левкой отправились в лес и срубили там дерево с развилкой. Притащили во двор своего дома и вкопали в землю. Раздобыли резиновый шланг, укрепили, и получилась у них самая большая в мире рогатка. Когда стемнело, направили они рогатку на дом подозреваемого, вложили кирпич, натянули вдвоем и выпалили.

Смертоносный снаряд пролетел сто метров и с грохотом пробил крышу дома гебиста. Потерпевший выскочил из дома в расстроенных чувствах и начал искать виновников повреждения крыши в ближайшей канаве - кто мог представить себе, что кирпич пролетел столь длинную дистанцию?

Через полчаса незнакомец успокоился и снова отправился спать.

Евгеньич с Левкой нашли второй кирпич и повторили эксперимент.

Бедного гебиста чуть не довели до нервного припадка.

"Ленинградская банда" играла с серыми не по правилам.

*

Лето кончалось. Ловить черных карасей на торфяных прудах надоело. Прочел все книги в доме и уже собирался отправиться в Питер, как вдруг обнаружил за шкафом старую книжку без обложки - "История Мексики".

Читать всё равно больше нечего. Через двадцать страниц я понял, что окончательно запутался. Какой президент какого сверг? Для подсчета государственных переворотов потребуется калькулятор. Воюет один "освободитель" против другого, видит - деньги кончаются. Тогда он продает кусок страны Соединенным Штатам и на вырученную сумму воюет дальше.

Меня заинтриговал такой эпизод. Группа заговорщиков решает избавиться от мексиканского правительства, чтобы самой стать таковым. Снайпер-злоумышленник убивает одного из министров. Весь кабинет собирается на похороны, не ведая, что соседние со свежей могилой склепы плотно набиты динамитом. В результате небольшого кладбищенского фейерверка у Мексики - новое правительство!

Я вспомнил мужиков-террористов из рассказов Евгеньича. Почему всё это кончилось ничем? В 1969-м в Москве, у Боровицких ворот, лейтенант Ильин стрелял в Брежнева - ошибся и выскочил не на ту машину. В народе тогда шутка ходила: "Пуля

попала Брежневу в лоб и рикошетом ранила шофера”.

Потому что здесь – не Мексика. Ухлопают диктатора в Латинской Америке – ему на смену придет другой, с либеральными намерениями – от страха. Или революция случится. Или... иностранная интервенция. Много вариантов.

Но если даже всё Политбюро во время ноябрьского парада прихлопнет рухнувшей Кремлевской стеной – ничего не изменится! Номенклатура автоматически выдавит из себя новое Политбюро с одинаковыми лицами, дикцией и двойными подбородками. Заодно проведет ”усиление дисциплины”, под шумок пересаждает всех неблагонадежных.

Когда диктатор – сильная личность, его смерть может многое изменить. А если диктаторов выпускают конвейерным способом, хотя и с небольшими недоделками?

С чем можно сравнить номенклатуру? Наверное – с мафией. Тоже круговая порука, неразборчивость в средствах, свои внутренние законы, строгая иерархия.

Но мафия обычно чем-нибудь торгует: наркотиками, оружием. Номенклатура только потребляет и производит себе подобных. У мафии есть мозг, ”Крестный отец”, у номенклатуры – только Центр.

Скорее всего она похожа на примитивное животное, обладающее большим количеством нервных окончаний и сильно развитым инстинктом самосохранения. Он ей мозг и заменяет.

Номенклатура может перекрашиваться до бесконечности и придумывать себе новые названия, но сути своей не изменит никогда и, безошибочно почувяв опасность, автоматически выбросит вперед свое защитное щупальце.

Это они – серые. Их бесполезно ненавидеть. Оловянные солдатики под командой одноклеточно-

го организма. Тоже – заменяемы сверху донизу. Им хотелось бы быть похожими на Джеймса Бонда, гордо говорить, что "защищают государство" или, еще нелепее, – "служат Родине", слепо выполняя приказы животного, которое довело страну до ее нынешнего состояния.

По законам жанра, джеймсы бонды на Лубянке не живут.

*

Ствол сухого дерева неясно выделялся на фоне серого неба. Я передернул затвор и прицелился в разветвленную вершину. Выстрел – приклад немецкого карабина ударил в плечо. Промахнулся... Пуля оказалась трассирующей и огненной змейкой пронеслась над болотом. Рядом грохнула трехлинейка брата.

Хозяин лагеря ткнул шомполом в землю и достал из тайника полиэтиленовый пакет с патронами.

– Это – тебе, немецкие. Для нашего карабина сейчас поищу. В ту сторону можете стрелять сколько хотите – там селений нет. Вправо не надо – дорога.

Стреляли долго, пока патроны не кончились. Ничего, еще наберем – здесь их больше, чем ягод. Некоторые перезарядить надо. Подсушить порох, заменить капсюли.

*

Автобус на Новгород. Евгений договорился с водителем, и тот высадил нас недалеко от границы района. На будущее мы условились – если Евгений будет на "базе", он засунет между металлическими буквами "Новгородский район" пустую пачку из-под папирос "Север". Он только их и курил.

Недалеко от "пограничного камня" – тропинка.

- Вы из Ленинграда? - спросил парень в черной куртке. - Вас ждут на поляне.

Их было двое - Хозяин и Второй. С Евгеньичем они знакомы, мы - представились. Третий подошел попозже.

- Ну, ребята, дорога короткой не будет. Пошли!

Сколько было километров от шоссе до лагеря? Кажется, девять.

Осень. Заденешь куст - попадешь под холодный душ. К концу путешествия промокли основательно.

- Где-то здесь. Не прозевать бы поворот... Вот - ориентир! Теперь направо.

На развилке тропинок из земли торчала лошадиная кость. Это и был "ориентир".

Прогалина. Низкая зеленая поросль. Над ней возвышалась фанерная табличка - "Внимание! Местность заражена, ваше пребывание здесь - опасно!".

- Что это?

- Не обращай внимание, это я поставил, - роняет на ходу Второй, - чтобы грибники и охотники не мешали. Скоро вторая будет: "Мины". Тоже моя работа. Не совсем вранье, дорога, по которой идем, - и вправду заминирована.

Я автоматически посмотрел под ноги.

- Не бойся - мины противотанковые. Чтобы сдетонировало, твоего веса точно не хватит!

Речушка называлась Кереть. Мелкая: можно прямо вброд перейти, хотя и рискуя зачерпнуть холодной осенней воды сапогом; можно через островок - там речные рукава уже, перепрыгнуть несложно.

На островке валялась ржавая немецкая каска. Я поднял ее, а Хозяин - через плечо:

- Оставь, здесь этого добра достаточно!

Мы пришли. Мелкое озеро, потухший костер, в стороне, за деревьями - ветхая избушка без дверей, пол - земляной.

Проводники на несколько минут исчезли. Когда вернулись, у одного на плече оказалась трехлинейка, у другого – немецкий карабин.

– Ты хотел пострелять? – Хозяин передал мне оружие.

Костер из сырых веток – необходимость, но мучительная. Все хотят высушить одежду и согреться, а костер – дымит, не греет. Да еще ветер – только нашел бездымное место, а он переменится и гонит дым в новом направлении.

Наконец разгорелся. Я повернул карабин к свету и разглядел на темном металле фабричное клеймо: "Чехословацка Зброевка".

– Чешский?

– Да, – Хозяин подбросил в огонь подсохшую ветку. – Во время оккупации Чехословакии там выпускали оружие по немецким образцам. Видишь – ложе и приклад как будто выщерблены? Качество дерева хуже, чем у немецких. Настоящий карабин "Маузер 98К" – с ложем из бука. Тот сколько хочешь в воде пролежит – не сгниет.

*

Село Мясной Бор. В январе 1942 года войска Волховского фронта прорвали здесь оборону немцев. Но втянувшись в горловину прорыва, 2-я Ударная армия оказалась в гигантском мешке – 19 марта противнику удалось закрыть проход у Мясного Бора. 20 марта в окруженную армию прибыл генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов, 16 апреля он принял командование 2-й Ударной армией.

Не хватало боеприпасов, два месяца армия находилась на голодном пайке. В пищу шли древесные почки, березовая кора, кожаные части амуниции.

В течение месяца Власов командовал обречен-

ной армией, пока, наконец, 14 мая 1942 года не получил директиву Ставки: "...Отвести 2-ю Ударную Армию из занимаемого района". Поздно. От армии почти ничего не осталось. Здесь, неподалеку, когда-то был сарай, в котором прятался Власов. Когда немцы подошли близко, он вышел и сказал: "Не стреляйте! Здесь - Власов...". Потом - плен. Согласие возглавить "Русскую Освободительную Армию". Почти миллион добровольцев. Немцы боялись и оттягивали создание РОА до самого конца войны. Потом, в 1945-м, добровольцы Власова освобождали Прагу от тех самых немцев, которым должны были служить. Американцы же выдали генерала подшедшим советским частям. Военный трибунал и казнь в подвале...

А началось всё здесь - в Мясном Бору.

- Если тебя история интересует, вот, возьми! - Хозяин достал из записной книжки рассыпающийся желтый листок. - Немецкая листовка, ребята в блиндаже нашли.

На одной стороне изображен красноармеец, воткнувший винтовку штыком в землю и "радостно идущий сдаваться". Подпись: "Вы окружены со всех сторон! Ваше положение безнадежно. Спасайся кто может!"

На обороте: "ПРОПУСК. Немецкие офицеры и солдаты окажут перешедшему хороший прием, накормят и устроят на работу. Пропуск действителен для неограниченного количества переходящих на сторону германских войск командиров и бойцов РККА. (Перевод на немецкий смотри рядом.)".

История...

*

Мы у трофейщиков. Так называют себя те, кто занимается незаконным промыслом выкапывания из земли и реставрации оружия на местах боев

Второй мировой. На их жаргоне это называется просто - "копать".

Живет в Ленинграде или Новгороде парнишка, учится или уже работает. Раз или два в год выезжает сюда, один или с группой таких же "трофейщиков". Часто группы собираются уже на месте. У каждой - свой лагерь, часто - свой участок. Из-за права на участок, бывает, разгораются нешуточные столкновения, вплоть до перестрелок. Стреляют, однако, поверх голов - для устрашения. Но не это - главная опасность.

Раз-два в год здесь проходят саперы. Ищут и вывозят мины, снаряды и всё, что может взорваться. Хуже - если саперы вместе с милицией устраивают на трофейщиков облавы.

Но в лесу трудно доказать, что парнишка виновен в "незаконном владении оружием". Идет он по лесу с автоматом на плече. Хватают, хотят акт составить. А он им - "только что нашел, нес вам сдавать, не успел. В чем проблема?"

Хозяин рассказывал, как одним летом приехали сюда саперы с грузовиком. Дорога узкая, далеко в болото не заедешь. Нагрузили они машину железом, едут назад. А местные трофейщики заложили на дороге две противотанковые мины и взорвали. Подъезжает грузовик к воронке - дальше не проехать. Из леса кричат: "Если еще мешать будете, устроим шутку похуже!"

Летом над "трофейным лесом" летают пожарные самолеты. У каждого под крыльями - две картонных бочки с водой. Заметит летчик в лесу дымок - и сбрасывает на возможный очаг возникновения пожара свой мокрый груз. Однажды группа трофейщиков развела костер - отдыхают, кашу варят. А самолет-пожарник костер заметил, спикировал, и стоят трофейщики все мокрые у потухшего очага. Один парень не стерпел, схватил винтовку

- и прилетел летчик на аэродром с пулевой пробойной в крыле.

Раскопала трофейная группа немецкий блиндаж с СС-овским обмундированием. Оно неплохо сохранилось. Нарядились, каски подобрали и вышли на шоссе. Едут машины, вдруг - из леса выходит отряд СС-овцев и строем идет по дороге! Водители чуть с ума не сошли. Интересно, что они потом дома рассказывали - что встретили заблудившихся с войны немцев?

Основные инструменты трофейщика - "щуп" и крюк. Щуп - это деревянная жердь с привязанным на конце шомполом. Крюк - тот же шомпол, только согнутый. Подходит трофейщик к воронке от снаряда, видит - грунт глинистый. Значит - можно искать. В глине металл сохраняется хорошо, она воду не пропускает. Трофейщик начинает втыкать щуп в края воронки и слушать - по звуку нужно определить, дерево или металл? И какой металл. Если звук подходящий, в воронку запускается крюк, которым извлекается - винтовка, автомат, каска и так далее.

Редкая, но ценная вещь в этих местах - маленький переносной насос. Им можно откачивать воду из воронки, и тогда работа облегчается. Но достать насос и спрятать его так, чтобы не нашла конкурирующая группа или саперы - непросто.

Блиндаж - это поросший кустами холм. В случае обнаружения есть два способа добраться до содержимого: раскопать слой земли, а он может быть не один метр толщиной, или - взорвать. Второй способ проще - мин и снарядов вокруг достаточно. Но если в блиндаже окажется склад боеприпасов и они сдетонируют, осколки, комья земли и камни могут накрыть взрывавшего на довольно далеком расстоянии. В таких случаях "взрывники" надевают на голову каски и выискивают трос для инициации взрыва подлиннее.

Зачем всё это? Для некоторых - романтика: съездить в лес, пострелять из боевого оружия. Для некоторых - заработок. Они могут стать настоящими экспертами по оружию. Хорошо сохранившийся немецкий пистолет "Вальтер" или "Парабеллум" на черном рынке стоил в то время до 70 рублей. Столько же - пулемет. Повезет, если удастся найти знаменитый "МГ-42". Брат Евгеньича, сам - старый трофейщик, рассказывал, что очередью из него подстригал кусты. "Только лента руку царапает - слишком высокая скорострельность". Другие - торгуют нашивками, значками и прочей военной атрибутикой. Самый мерзкий вид - мародеры-гробокопатели, эти за золотыми зубами охотятся.

Наши проводники как будто - оружейники. Но много о себе не рассказывают, нас не расспрашивают. Здесь, в лесу, - свой кодекс поведения.

Мы сюда приехали совсем за другим.

*

В конце семидесятых наметился конец диссидентского движения. Многие эмигрировали, другие - в лагерях. Шеф КГБ Юрий Андропов, чувствуя скорую смерть Брежнева и свое вступление на партийный престол, чистил страну от оппозиционных элементов с особым усердием. "Разрядка" кончалась, на протесты Запада обращали всё меньше и меньше внимания - скоро начнется Афганистан и новая "холодная война".

Капитан КГБ Виктор Орехов, тайно помогавший диссидентам, предупреждал о предстоящих арестах, было известно даже, в каком порядке кого будут арестовывать. Не избежал этой участи и он сам.

- Сколько это продлится? - спросил я у Евгеньича.

- Один год.

- Не может быть, почему?

- Экономика разваливается. Правительство отказывается проводить реформы, наоборот - наступает новый "зажим". Скоро всё это кончится хаосом. Нам нужно только переждать этот период. Для этого необходима БАЗА, где можно будет отсидеться, наладить типографию...

- Год? Не верю. Спорим на рубль, что ЭТО продлится дольше?

Мы поспорили.

Но базу нужно было строить.

*

Когда улеглись спать на полу избушки, я положил карабин рядом.

Проснулись. Первым делом стер с него рукавом росу и вышел наружу. Утро обещало еще один мокрый день. Не вставать же в "трофейном лесу" по будильнику. Березу - на мушку. Огонь!

Возле тропинки через болото, покосившись, стоял вросший в мох ржавый миномет. Проходя мимо я толкнул его рукой. Он скрипнул суставами и устоялся жерлом в сторону лагеря.

Привал - возле колодца. Его немцы вырыли. Неподалеку - брошенная ими походная кухня. В стороне, за деревьями - немецкое кладбище. Ряд обложенных кирпичом могил. Они собирались своих после войны в Германии перезахоронить - немецкий порядок...

Отправились с Хозяином взглянуть на окрестности. Поляна изрыта воронками. Вокруг, между чахлах кустов, на кочках, в траве - черепа, черепа, черепа...

Это - наши. Семьдесят девятый год. Тридцать семь лет они лежат здесь незахороненные. А Брежнев переиздает книгу своих военных воспоминаний.

Я поднял на краю воронки черную летучую мину: "Может, пригодится?"

- Осторожно, она в хорошем состоянии! Уронишь...

Я бережно положил ее на землю.

*

Место для базы выбирали так, чтобы никто случайно не набрел. Краем озера идти до толстой березы на мыске, потом - направо, и свернуть напрямик, через густой еловый лес. Мертвый. Почти все деревья сухие.

Выбрали пять елей и начали прибывать жерди прямо к ним. База получалась пятиугольная, смахивала на Пентагон.

Прежде чем разжечь костер на новом месте, Хозяин несколько раз ткнул в землю шомполом.

- Это здесь не лишнее. Бывало так, что разожгут неопытные трофейщики костер без проверки грунта, а там - снаряд или граната. Земля разогреется, и ужинать будет некому.

Мои знакомые обезвредили восемь мин-летучек, просверлили дырки и положили в костер, чтобы тол выплавить - он от огня не взрывается, только горит. Но одна из мин была с дополнительным детонатором - проглядели. Рванули все восемь. Так что ты думаешь? Никого даже не ранило, хотя все сидели вокруг костра и сушили одежду. Они попали в "мертвую зону" взрыва - всех контузило и разбросало по кустам как семечки. Одежду - в клочья. А другие четверо - отправились "копать", один ткнул щупом и попал, видимо, прямо во взрыватель - всех наповал. Кому как повезет...

Спрятались хорошо. Со второго раза сам Хозяин базу не нашел! Ходим по лесу, ломаем ветки, а ее - нет нигде.

- Постой, напротив выхода к нашему месту из воды три гнилых дерева торчало!

Точно. Вышли на берег, добрались до трех деревьев и быстро нашли "Пентагон".

Хозяин в знак уважения к моей находчивости подарил два патрона. Братец повесил на сук свою кожаную куртку и сказал, что в виде сувенира желает носить на спине пулевые пробоины.

Одну организовал я, вторую - мать. Она стреляла не хуже сыновей.

*

Казалось, что даже солнце над этим лесом светило бледно. Я перебросил брезентовый ремень карабина через шею, одну руку положил на ствол, вторую - на приклад. Удобно. Почему серые сюда за грибами не ходят? Спросить бы сейчас у кого-нибудь из них: "Какой калибр? Кстати, ты тут ху-дожника с бородой не видел?"

Тут советской власти нет. Она - там, возле шоссе начинается. Здесь - "независимая лесная территория". Полная экстерриториальность, существующая по причине того, что власть о ней просто не знает. Если узнает - карабин не поможет.

Но у нашей экстерриториальности был и другой недоброжелатель.

После моего отъезда домой оставшиеся обнаружили, что неподалеку от базы живет самый обыкновенный медведь. Днем он близко подходить боялся - чуял запах металла и пороха. Зато ночью, когда жители лагеря ложились спать, лохматый злодей начинал ломать кусты вокруг. Ребята хватались за винтовки, но медведь - тоже не дурак, поугаает и уйдет: "Спокойной ночи, малыши!". Новую базу решили назвать "Медвежьей".

*

Разговорились с Хозяином о военной символике. Он рассказывал, что приходилось находить полуистлевшие немецкие знамена. И вдруг спросил:

- А какой он, русский флаг? Не советский, а - русский?

- Бело-сине-красный.

- Может, сшить да и повесить над лагерем?

Мне пора. С карабином расставаться жалко. Ничего, я уже подыскал трехлинейку - один металл, все деревянные части давно сгнили. Спилил березу и начал мастерить ложе и приклад-рукоятку пистолетного образца, с вырезами для пальцев. Евгений обещал доделать мой "именной обрез".

Хозяин проводил до поворота, дальше найду дорогу сам.

- Значит, бело-сине-красный?

На шоссе я поймал попутную машину.

*

В чем нас можно обвинить?

Терроризм - бред. Даже не планировали. В кого стрелять - в гебистов? Так они все одинаковые - от Андропова и до последнего стукача. И соревноваться с ними в терроре бесполезно, у них опыта больше. Да и патронов, кстати. Может, сразу - в Брежнева? Я вчера его выступление по телевидению видел, но совсем не уверен, что он жив.

На нашей совести - несколько простреленных деревьев и немного сомнительной экстерриториальности.

Еще - недостроенная база и неосуществленные планы. Может быть, именно в этом - наша главная вина.

*

В последний раз я был на "Медвежьей" в ноябре 79-го, в день моего девятнадцатилетия. Алька меня потащила Евгеньича искать - пропал куда-то.

На придорожном указателе знака не было, но она все равно настояла на девятикилометровом марафоне по болоту.

Кое-где лежал мокрый снег, озеро замерзло. Береза, три дерева, мы - на месте.

Пятиугольник не достроен и до половины. Евгеньича нет. Под жердями я отыскал полиэтиленовый сверток. Старый трофейщик из "Ленинградской банды" не обманул - обрез сидел в руке как влитой. Я открыл затвор - один патрон. Это был мой последний выстрел в серое небо над Мясным Бором.

С днем рождения!

Пора назад. Просеку возле берега уже припорошило. На снегу - огромные следы медвежьих лап. Вот он - истинный хозяин базы!

*

Вы видели когда-нибудь живого "врага советской власти и ленинского общественного строя"? Вон - один, по Невскому идет. Почему именно он? Посмотрите повнимательнее: у него из кармана рукоятка пистолета торчит. Потому что конспиратор - хреновый. Мог бы и получше спрятать.

Пришел домой, сунул пистолет за диван. Вдруг - телефонный звонок. Это наш участковый милиционер беспокоит, говорит: "Зайди, разговор есть". Ладно, думаю, отчего не зайти? Может, кто из соседей поскайдалил или еще какая бытовая мелочь.

Пришел. Он сразу:

- Где мать?

- К родственникам, - говорю, - уехала, в Одессу.

- В Одессу? С какого вокзала?

- С Московского.

- Ну? - "Страж порядка" довольно ослабил-ся. - Так ведь не ходят с Московского поезда на Одессу. Как же так?

- Она через Херсон поехала.

- А-а...

Что, думал - поймал? Что мать забыла в твоей Одессе, на "Медвежьей" она.

Участковый разговор "за жизнь" продолжает: прописалась ли мать после возвращения из лагеря и когда думает это делать. И прочую канитель. А сам все пишет что-то. Потом говорит:

- Ну, раз так, на - подпиши!

Читаю. Это был донос на мою мать, от моего лица написанный.

- На основании чего?

- Вот, - он потряс в воздухе стопку листков из календаря, - у меня все документы на этот счет имеются!

- Можно посмотреть?

- Нечего тебе на них смотреть!

- Тогда и подписывать не буду.

- Щенок! Нашел где правду искать!

Удар. Я кубарем вылетел на улицу. Сам виноват - нужно было без официальной повестки не являться. Ударил не сильно. Приятеля моего Толика в отделении милиции до полусмерти избили. Другому приятелю хуже пришлось - его свернутым в жгут мокрым полотенцем стегали по голой спине. Это на милицейском жаргоне "морковка" называется. Синяков никаких, а боль - адская.

Значит, не оставят они нас в покое, если и милицию подключили.

*

Невский, 59... Двор... Знаменитый "59-й двор". Чем он знаменит?

Во-первых, овощным магазином. Во-вторых, ящиками, то есть тарой, которую из этого магазина выбрасывают во двор.

Идут по Невскому трое. У всех на уме одно - немного уединения и уюта, потому что бутылка

уже в кармане. Гостеприимство "59-го" славится во всех прилегающих районах. Ворота двора всегда открыты, метро недалеко.

Один ящик - в центр, газетку расстелили. С трех других смахнули снег или пыль - в зависимости от сезона, расставили по вкусу. У грузчика из магазина можно огурчик-помидорчик выпросить. Осмотрелись - милиции не видно? Тогда можно начинать.

И разговор потечет, почти по Достоевскому: есть ли на свете правда и где ее искать, умер Брежнев или только притворяется, а то еще сложнее - соберем мелочи на продолжение разговора или нет? Может, на огонек местный житель Профиль заглянет. Это его за физический облик так прозвали. Худющий - анфас в темноте можно не заметить. Он одну песню очень любит, из кинофильма. Взмахнет рукой в фуфайке и затынет: "Русское по-о-оле! Мать вашу..." Строчка мата - и дальше поет.

На Невском - туристы, приезжие, фарцовщики, просто прохожие - суета. А тут - оазис душевного покоя в море городской толчеи.

Я уже заканчивал обучение ювелирному делу. Насколько его можно изучить за три года. Сделал для приятеля серебряный перстень с двуглавым орлом. Несложно - орла выпилил из дореволюционной серебряной монеты. Остальным друзьям такие же захотелось.

Деньги с них брать неудобно, договорились: перстень с орлом - бутылка коньяка.

Этот "двуглавый" перстень Толик впоследствии сломает в драке, но тогда - надел на палец. Подошел. Бутылку коньяка - на стол, народ собрался.

Коньяк кончился. Что бы такое придумать?

- Ну, - говорю, - берите машинку, бумага - вот, декларацию писать будем.

- Какую декларацию?

– Независимости!

Диктую, печатают:

”В соответствии с ленинским принципом о праве нации на самоопределение вплоть до отделения, мы, граждане ”Республики 59-ый двор”, считая себя вполне сформировавшейся нацией, имеющей:

– свою территорию,

– свой язык, не схожий ни с одним другим из известных лингвистам,

– неудержимое стремление к свободе,

заявляем о своем отделении от Советского Союза и провозглашении независимости ”Республики 59-ый двор”!

Требуем: немедленного вывода с территории республики всех оккупационных войск и приема нас в действительные члены Организации Объединенных Наций!”

Далее шли подписи членов правительства. Я стал министром иностранных дел, мой брат – министром сельского хозяйства, вечно нетрезвый Ханурик изъявил желание возглавить министерство путей сообщения. Лёник тоже приобрел какой-то пост и подписался на английский манер: ”Леон Рэлтон”. Копии Декларации поделили между министрами и разошлись.

Толику с Артуром коньяка показалось мало. Они добавили на стороне и хотели поймать такси, чтобы добраться до дому. Вместо такси им попалась милицейская машина. Двух малолетних алкоголиков привезли в отделение, обыскали. На пол упала Декларация.

Милиционеры вполостились:

– Здесь политикой пахнет! Кто такой ”Леон Рэлтон” – иностранный резидент?

На следующее утро. Мать сидит и разбирает посылку с Запада. Через ”канал” переправили пакет нелегальной литературы.

Братец открыл дверь своим ключом.

- А, вернулся! - Мать подняла голову и собиралась спросить, где его носило до утра, но тут все прояснилось само собой: вслед за Артуром в комнату вошли офицер милиции и серый в штатском. Матушка быстро прикрыла полами халата литературу и не вставала с дивана до окончания разговора.

- Мало того, что сынок ваш пьет, так он еще и декларации распространяет! Здесь видна направляющая рука кого-то из взрослых: видите, как всё гладко сформулировано? Сынок ваш министром сельского хозяйства решил стать, а сам, наверное, думает, что молоко на полях прямо в бутылках растет!

Вскоре вызывают мать в Большой дом:

- Юлия Николаевна, уезжать надо! У нас инструкция - чтобы до Олимпийских игр в городе таких, как вы, не осталось. Не хотите на Запад, поедете на Восток!

Под конец разговора выкладывает на стол нашу Декларацию:

- Что это такое?

- Это - шутка.

- Мы понимаем, что это - шутка. Но в нашем городе, Юлия Николаевна, так шутят только ваши дети!

*

Кольцо сжимается. В училище моем странные вещи начались. То - в отличниках ходил, а то - двойки посыпались, хотя до диплома оставалось совсем недолго.

Поднимаюсь по лестнице, один из учителей за рукав хватает:

- Никому не говори, но в учительскую из КГБ звонили, про тебя что-то рассказывали такое, что завуч охала и за сердце хваталась!

Всё ясно - серые опять пако́стят.

Вызывают меня к завучу. Типичная классная дама советского образца - губы поджаты, на носу - очки.

- Придумывать ничего не буду - учишься ты хорошо. Но нам прислана бумага, согласно которой мы обязаны тебя исключить. Причина тебе известна?

- Догадываюсь.

- Тогда дело упрощается. Твои документы - здесь.

Все оказалось очень просто. Пока учился, у меня была отсрочка от армии. После исключения - могут призвать в любую минуту. Афганистан уже начался...

*

По возвращении из лагеря матушка увлеклась феминизмом! Еще оправдывалась. Смысл, дескать, в том, что "наш феминизм" - совсем другой. Это на Западе тамошние обалдевшие бабы борются за право мочиться в мужском писсуаре. Мы должны поднять вопросы о положении женщин, о состоянии родильных домов, о занятости женщин на неженских работах...

Вроде всё правильно. Они с подругами начали самиздатский журнал выпускать, этим самым проблемам посвященный. Серые всполошились.

По ходу дела выяснилось, что "русский феминизм" каждая из основательниц понимает по-своему. Одна пытается на первое место поставить социальный аспект, другая - религиозный, третья - ...

Муж одной заболевшей феминистки прибежал на заседание их клуба. Его не пускают - "только для женщин".

Он вспылил:

- Нельзя же отвергать человека из-за маленького физического недостатка!

А матушка ему отвечает:

- По поводу вашего маленького физического недостатка передайте наши соболезнования вашей жене!

Другая феминистка прислала статью в эмигрантскую газету. Заканчивалась она такими словами: "По всей Европе стоят памятники неизвестному солдату. Но нигде нет памятника девушке, изнасилованной неизвестным солдатом!"

Всё правильно, тётеньки. И власти на вас обозлились - тоже правильно, потому что вы с ними не по правилам играть вздумали. И сажали вас, и высылали...

Только если бы вы тогда занялись оппозиционной филателией, вас бы тоже посадили!

*

Этот последний обыск мы назвали в честь скучнейшего советского телесериала - "Семнадцать мгновений весны". Он длился ровно семнадцать часов.

Я ночевал у бабушки. Утром - звонок в дверь. Открываю - стоит отец, с ним - два типа в меховых шапках. Отец смеется:

- За тобой!

Они и вправду за мной.

Пока одеваюсь, один серый спрашивает:

- Что, Андрей, придется тебе на Запад отъезжать. Чем там заниматься собираешься?

- Не знаю.

- Ну, смотри, будь осторожнее. Не забывай, что отец твой здесь остается. Будешь хорошо себя вести, с ним ничего не случится.

Ну, думаю, не на того напал.

- Ладно, отец. Придется тобой пожертвовать!

Отец смеется:

- Жертвуй!

Гебист шутки не оценил, торопит.

В нашей квартире на Жуковской – обыск идет полным ходом. Всё вверх дном перевернули. Над подносом с песком, что для рыжего кота в углу поставлен, – портрет Андропова висит. Гебисты сняли своего шефа, перевернули и читают “дарственную надпись”: “Юлии Николаевне Вознесенской за нашу совместную работу в общем деле № 62”, и подпись: “Юрий Андропов”. Вертят они портрет в руках и не знают – что с ним делать. Решили конфисковать, хотят в протокол занести, а мать им говорит:

– Так и запишите: “Конфискован портрет шефа КГБ”?

Они задергались, портрет в сторону отложили. Я стою на кухне. Выходит из комнаты еще один серый и – к посудному шкафу. Открывает, а там – гора кастрюль и пакет полиэтиленовый. Гебист брезгливо потряс одну кастрюлю – звенит, потряс другую – тоже звенит, пакет – такой же звон. Он шкаф закрыл и ушел в комнату. Их интересовало то, что шуршит, – бумаги искали.

Можно дух перевести: в пакетике том звонком – летучая мина, запчасти к автомату и винтовочные патроны. Сувениры из Мясного Бора. Хорошо, что КГБ работает, как и вся советская экономика, а то бы для них сейчас повод найти и обвинить нас всех в терроризме – лакомое дело.

Рыжеватый подполковник протокол пишет: “Конфискован листик машинописного текста, озаглавленный “Донос в КГБ”. Текст данного документа гласил:

“Я, нижеподписавшийся, считаю своим долгом сообщить, что некие Артур и Альбина решили написать протест “В защиту всех униженных и оскорбленных”. Прошу Вас не допустить этого акта вандализма и засадить обоих в тюрьму “Кресты”,

вместе с моей соседкой Гранькой, за то, что она, падла, свет за собой в уборной не гасит. А холодильник мне ни к чему, так как я плавать не умею”.

Наибольшую озабоченность вызвал у серых найденный за диваном сверток написанных от руки тетрадных страниц. Это мы в пьяной компании друзей играли в подобие ”чепухи”: пишешь фразу и передаешь соседу, тот дописывает свою, загибает лист так, чтобы первой не было видно и передает следующему. Так – пока лист не кончится. Можно себе представить художественный уровень этих литературных произведений, если творили подвыпившие подростки, а главными действующими лицами были ”Мент поганый” и ”Гебист посратый”!

Подполковник пишет: ”Обнаружено несколько листков рукописи непристойного содержания, озаглавленной...” И замер: все заголовки – матерные, как же обозначить эту (!) антисоветчину?

Лейтенантик сидит на диване и разбирает гору папок – страниц по сто в каждой. Ему, бедному, каждый листик записывать! Он быстренько посмотрел на начальника своего – тот в протокол углубился. Тогда ленивый лейтенант папку на пол роняет и ногой ее – под диван. Потом вторую – туда же. Не сидеть же еще десять часов над этой грудой? Ему тоже домой хочется.

Делать нечего – во время обыска с квартиры не отпускают. От скуки затеял политическую дискуссию с одним из мелких чинов. Тот через пять минут сдался и устало так говорит:

– А, что с вами спорить? Всё равно у вас подготовка лучше!

Набрали мешок бумаг и ушли.

*

Мать прибегает к знакомым и говорит:

- Домой не возвращайся. За тобой с солдатами приходили. Я была в Большом доме, они требуют, чтобы мы уезжали, в противном случае меня - в лагерь, тебя - в Афганистан.

Какой Афганистан с моей биографией? Это они для устрашения. Призовут в армию, направят в строительные части и устроят соответствующую обстановку, чтобы жизнь сказкой не казалась. А так как я всё равно служить откажусь... Выходит - сидеть?

Улица Канонерская, дом 18. Вечнозакрытый пункт приема стеклотары. Железные ступеньки до уровня второго этажа и - дверь. Без номера. Потому что формально этой квартиры как бы и нет. Не живет здесь никто.

Ничего подобного - здесь Петрович живет. Бородатый, сутулый, то хмурый, то - лукаво-добрый. Он - мастер. Какой? Просто мастер. Ювелир, художник, реставратор, специалист по финифти и подделке документов. Есть еще в России такие.

Я тут не живу, я тут прячусь. Нужно было куда-то занырнуть. Спасибо - есть Петрович, он и приютил. Здесь меня не скоро найдут - нет такой квартиры, не значится она нигде.

Петрович рассказывает: "Собрал я известные портреты родственников Петра Первого, сравнил, прикинул. Подобрал медную пластинку - медь финифти нужный оттенок дает. Сделал портрет матери царя. Потом продал одному знакомому. А через некоторое время мне приносят исторический журнал - "Обнаружен финифтяный портрет матери Петра"! На фотографии - моя работа. Мне не жалко - пусть историки стараются!"

Сижу месяц. Вдруг - прибегают Алька:

- Евгеньича схватили! Прямо на улице - он в психушке. Меня предупредили, что я - следующая. Петрович - спрячешь?

Ладно, согласен Петрович. Алька говорит, что с ее паспортом и по улице ходить опасно.

Петрович куда-то ушел, вернулся только к вечеру. Достает из сумки пачку паспортов и говорит:

- Вот. Теперь ты - Данилова. Тебе - 35 лет!

Алька возмущается:

- Неужели я такая старая?

- Ладно, - хозяин достает новый паспорт, - тебе - 22, но живешь ты - в Куйбышеве.

Алька опять недовольна:

- Нельзя ли с ленинградской пропиской?

Наконец подобрали. Петрович фотографию бритвой срезал, Алькину наклеил. Я спрашиваю:

- А как давленную печать делать будешь?

- Ну, смотри, - взял хозяин трамбовку зубо-врачебную, которой пломбы делают, и аккуратно вывел на фотографии: "ПАСПОРТ". Владей!

Остальные паспорта он унес. Потом рассказал, что купил документ у знакомых уголовничков, 25 рублей за штуку берут. Он сначала думал, что те паспорта у зевак из карманов тащат, но уголовнички объяснили, что это - ни к чему. В каждом отделении милиции есть сейф с утерянными документами. Вот они ночью в отделение влезают, сейф взламывают и уносят целую пачку паспортов. Если и наврали - придумано ловко.

*

Днем на улицу я выходил редко - опасался. Сидеть втроем на конспиративной квартире и обмениваться впечатлениями - только портить друг другу нервы.

Однажды утром Петрович ушел из дома и исчез. Алька нервничает, курит сигареты одну за другой:

- Что с ним могло стрястись?!

Вечером слышим – кто-то тихонько открывает ключом дверь. Алька сразу схватила свой фальшивый паспорт и засунула его за диван: а вдруг сразу догадаются, что не настоящий, – еще хуже будет. Вот она, женская логика, – спрашивается, зачем тогда Петрович старался?

В прихожей – топот нескольких ног, потом мужской голос шепотом командует: Раз, два, три!

И пьяные голоса грянули:

Мы сдали того фраера
Войскам НКВД,
С тех пор его по тюрьмам
Я не встречал нигде!

Просто хозяин загулял и вернулся на конспиративную квартиру с компанией.

Водку разлили. Один из хмельных пришельцев говорит мне:

– От властей прячешься? Это – дело. Подожди, пока всесоюзный розыск объявят, тогда точно найдут!

Спасибо, друг, утешил.

Гости разошлись, Петрович о будущем рассуждать начал:

– Когда избавимся от большевизма окончательно и бесповоротно, устроим в Санкт-Петербурге праздничный бал. Я и костюмчик для этого случая храню. Смотри! – Открыл шкаф и облачился в черную жилетку. – Не думай, не советская, – отогнул лацкан – фабричное клеймо с золотым двуглавым орлом.

Интересно, сколько же лет ее от моли сберегали?

А Петрович опять мечтает:

– За то, что я вас прятал, назначите меня главным звонарем города. Буду лично все колокольни инспектировать, чтоб знали, как с колоколами правильно обращаться!

Евгеньича нужно выручать. По нынешним временам он из психбольницы вообще не вылезет. Одним не справиться.

Алька знакома с хиппи-коммунарами. Скоро один из них появился на нашей конспиративной квартире.

Томми – это его кличка. Высокий, худой, все время смущенно улыбается.

– Так кто же вы, наконец? Троцкисты, анархисты, маоисты?

– Ну, мы всё понемножку, полную программу еще не составили, но, самое главное – мы против государственного капитализма. Мы согласны, что прежде всего нужно добиваться в стране демократического режима по образцу западных, но мы считаем это только первым этапом по пути к достижению "полной" демократии.

Что это за "полная" демократия, я так и не понял.

Год назад трое из них попались на листовках – призывали к борьбе против "государственного капитализма". Перед этим они успели написать два лозунга на стене зданий на Петроградской стороне: "Долой государственный капитализм!" и "Демократия – не демагогия!".

Наши хиппи здорово отличаются от западных. Они всё слишком всерьез принимают. На Западе молодой бездельник отпустит волосы, вступит в "коммуну" с целью вдосталь покурить "травки" и потрахаться на свежем воздухе. Лет в тридцать, а то и раньше, опомнится, подстрижется, купит приличный костюм, устроится в фирму разморозки холодильников и будет ездит на мерседесе.

Наших хиппи ("система", как они сами себя называют) прежде всего могут и посадить – в условиях реального социализма для них экологической

ниши не предусмотрено. Во-вторых, они всё время ищут – то ли свою идеологию, то ли – дорогу к вере. Иногда им кажется, что учатся у западных молодежных движений. Но языки все знают плохо, поэтому часто их авторизованный перевод чужих неглубоких мыслей оказывается лучше и сложнее оригинала. Или – настолько непонятен, что каждый трактует его по-своему.

После революции в России повысилось качество переводов иностранной литературы. Даже сегодня это чувствуется.

Когда наступило время отвечать за написанное не только перед читателем, но и перед "критиками в штатском", много талантливых людей ушли в переводчики. Это тоже творчество, но никто не сможет навязать автору сюжетную линию, совпадающую с генеральной линией партии или вызвать в серое здание за те или иные высказывания героев книги.

Томми продолжает:

– Было несколько коммун на городских квартирах. Но здесь контроль проще – разогнали. Решили основать коммуну в лесу. Нашли заброшенную деревню, собрали людей. Через некоторое время местный лесник проходил мимо. Видит – странные длинноволосые личности пахнут землю и поют незнакомые песни. Он привел милицию, и коммуна кончилась.

Я всегда считал, хиппи – пацифисты, но Томми сразу согласился участвовать в налете на психбольницу. Заготовили дубинки – на случай, если санитары всполошатся. Мать ходила на свидания к Евгеньичу и разведала возможный маршрут побега.

Самая большая сложность – стальная калитка позади больницы.

Скоро на квартире Петровича появился рябой мужичок Саша, который деловито стал нам объяс-

нять, как нужно правильно взламывать стальные двери, и показал набор необходимых для этого инструментов. Это знание дела вселило в меня некоторые сомнения по поводу его истинной профессии. Саша их сразу подтвердил рассказом о своем последнем взломе магазина, откуда ему пришлось бежать прямо сквозь стеклянную витрину и окровавленным добираться до дома через ночной город. Саша заверил, что всё это было давно, и теперь он такой ерундой не занимается - "Ей-Богу!"

- Но раз - политика, тогда - конечно! Хорошего человека освободить - это непременно. Можно и молодость вспомнить... Я еще мальчишкой был. Фидель Кастро с визитом приехал. Едет он с Хрущевым в черном автомобиле, а мы с дружкой на крыше сидим, кирпичи в руках. Прицелились хорошо, но траекторию не рассчитали - а то бы в историю попали. Но милиция потом за нами долго по крышам гналась...

- Саша, а ты не заливаешь?

- Нет, если политика, тогда - конечно! Но я лично - за террор. Но бескровный. В чем наша беда? Пьет народ и политикой не интересуется, а большевики его дальше спаивают. Нужно взрывать винно-водочные склады! Тогда народ перестанет пить, начнет думать - тут и до революции недалеко!

Всё готово. Ждем сигнала.

Он пришел: в последний день перед запланированным налетом Евгеньича перевели в другую психбольницу.

*

Почти три месяца на квартире, которой формально нет. Долго не протяну - найдут.

Мать согласилась на эмиграцию. Даже здесь всё не как у людей: вызов гостевой, из Америки. Выездная виза - израильская, постоянная. В разреше-

нии написано: "Разрешается выезд в государство Израиль (США)". Никогда о таком государстве не слышал.

Проводы проходили на той же самой квартире. В середине вечера меня проводили к месту встречи у магазина "Океан".

Май месяц, но еще свежо. На углу стоял худощавый человек в джинсах и переминался с ноги на ногу.

Он - диссидент со стажем, первый срок получил за протест против вторжения в Чехословакию в 1968-м. Я вспомнил деревню и радио за стеной.

Мы шли по пустым улицам. Последняя прогулка по Питеру...

У него странная кличка - "Валенок". Наверное - за его восторженность.

- Будь уверен, брежневские времена кончатся, и придет ему на смену наш Дубчек-реформатор. Нужно только это время протянуть. Нам необходима множительная техника, без своей печатной базы - не выжить. Запад должен нам помочь. Эмиграция - она сохранила истинную Россию, у нее есть возможности, деньги... Нужна наладить канал для переправки...

Ну, вот: Евгений пророчит скорый хаос, "Валенок" - генерального секретаря-реформатора. Откуда у них столько кофейной гущи для бесконечных гаданий и прогнозов на будущее? Зато запросы одинаковые: множительная техника, портативные радиации... Только откуда такая уверенность, что всё это так достать и переправить?

Ветер подул сильнее, мы даже продрогли немного. Ничего ветер свежий, майский.

*

В аэропорту - толпа народа. Странное впечатление, что половина - наших, половина - серых.

Так, наверное, встречаются шпионы разных государств на международной конференции: они знают, что это – мы, мы знаем, что это – они, но притворяемся, что друг с другом не знакомы.

Отец начал снимать проводы. Милиция пленку отобрала. Тогда мать говорит, что пока пленку не вернут, она не улетит. И толпа друзей скандирует: "Плёнку! Плёнку!" Личность в сером плаще подбегает к милиционерам и объясняет им что-то. Те сразу скисли и пленку вернули. У серых задание – чтобы нас здесь не было, а стражи порядка из-за какой-то пленки всю малину портят.

Вылет задерживался. Таможенники по привычке начали хамить, и мы с ними чуть не подрались. Опять серые прибежали, говорят:

– Не задерживайте, пусть летят!

Взлёт. Вот и всё?

Эмиграция – это когда тебе разрешают пользоваться чужой свободой и благополучием, а взамен отбирают всё остальное.

*

Евгеньич недолго сидел. Однажды утром забирают его и везут в тюрьму. Туда пришел парикмахер и попытался из его коротко остриженных волос сделать подобие прически. Потом костюмчик выдали, не шикарный, но приличный. Фотограф пришел, щелкнул камерой несколько раз. Евгеньич пытается разузнать – зачем всё это? Молчат.

Догадался, когда в сопровождении двух серых его повезли в аэропорт. В самолете он вырвался и на ломаном английском попросил других пассажиров вызвать полицию. Говорит:

– Не хочу уезжать из России!

На венском аэродроме к самолету подошел удивленный австрийский полицейский:

– Нормальные люди бегут оттуда, кто как может, а этот – опирается и просится назад!

Серые выволокли своего подопечного на взлетное поле и бросили. Один из них достал из кармана выездную визу с фотографией Евгеньича (вот зачем фотографа вызывали!) и отдал ее полицейскому:

- Этот человек живет теперь здесь!

Серые скрылись в самолете. Евгеньич остался.

Когда мы встретились, я у него спрашиваю:

- Помнишь наш спор о том, сколько все ЭТО продлится? Гони рубль!

Он засмеялся и достал припрятанную пятёрку:

- Думал, в тюрьме пригодится. Возьми - на пять споров вперед!

- Распишись, а то мне не поверят, что ты проспорил!

Я потом долго хранил эту синюю бумажку с расплывшейся чернильной подписью Евгеньича. Она потерялась во время одного из переездов - не то в Париже, не то в Лондоне.

*

Среди многочисленных наказов и просьб Евгеньича и "Валенка" был один особенный: никаких контактов с *той самой русской эмигрантской организацией*. Про нее ходит много страшных слухов и легенд. Может быть, потому, что она, практически, - единственная.

Как раз этот наказ я и нарушил.

Венское кафе. Мы сидели втроем за выставленным на улице столиком. Я, Евгеньич и седой связной в черной рубашке. Из той самой организации. Он родился в Китае, в казачьей семье, но язык не забыл. Встретишь его на улице Питера и не подумаешь, что паспорт у него - австралийский.

Связной достал из сумки две портативных рации. С множительной техникой - сложнее, нужно подумать.

Евгеньич начал играть в "тонкую диплома-

тию” – ходил вокруг да около, а смысл сводился к тому, что ”я и сам всё организую – и каналы для переправки, и связи на высшем уровне, и множительную технику. Связь с вашей организацией мне ни к чему!” Независимый и самостоятельный. Связной долго намекал на то, что дело – общее, люди в стране помощи ждут, и так далее. Пока ему не надоело.

Евгеньич уехал в Париж – связи и каналы налаживать. Так до сих пор и налаживает.

Евгеньич никогда ничего до конца не доводил.

*

Я очень люблю острова. Не все, а те, на которых есть хоть немножко автономии, обособленности, самобытности. Пусть даже поверхностно.

Сент-Питер-Порт – столица острова Гернси. Создается впечатление, что этот кусок суши взял лучшее от Англии и Франции: не так грязно, как в Париже, дома выбелены и кормят лучше, чем в Лондоне. Вокруг – Ла-Манш, а по набережной гуляешь под пальмами из-за теплого морского течения. У Англии никогда не было конституции – а здесь есть. В Общий рынок не входят, налоговая политика – своя, поэтому все дешево, и английские миллионеры с удовольствием переезжают сюда, чтобы поменьше налогов платить. Британской короне подчиняются, а британскому парламенту – нет! Деньги тоже свои, но того же размера и достоинства, что и английские фунты, можно платить и теми, и другими – если они у тебя вообще есть.

Неподалеку – остров Сарк. Там просто феодализм. Правит сеньор, на острове – ни одного автомобиля, чтобы спать своим шумом не мешали. Рассказывают легенду, что мать нынешнего сеньора во время немецкой оккупации не пустила во дворец двух немецких офицеров, потому что они на ковре в прихожей наследили.

Армия им своя ни к чему, внешняя политика – тоже вещь излишняя. Можно себе представить, во сколько же обойдется местным жителям оплачивать послов во все страны и содержать собственных представителей в ООН!

Спросишь у них: "Когда вас Англия завоевала?" А они в ответ: "Это мы Англию завоевали". Ведь Норманнские острова – часть домена Вильгельма-Завоевателя!

Слева – Англия, справа – Франция. Никуда островам от них не уплыть, но они нашли свое место в Ла-Манше и вполне им довольны.

А мы?

*

Поезд шел по Фландрии. За окном – поля, коровы, дождь.

– Далеко еще до города Уи? – спросил я у проводника.

– Это валлоны называют его "Уи". По-фламандски это звучит иначе.

И сказал – как. Потом удивлялся: почему эти иностранцы покатались со смеху, а единственная среди них девушка густо покраснела.

Съезд русской молодежи проходил в маленьком бельгийском городке с названием всего из трех букв. Тех самых, что в приличном обществе не прозносят, если в обществе этом по-русски говорят.

Как только приехал – накупил открыток с видами города. Главное, чтобы его название было покрупнее напечатано. Послал своим друзьям в Питер, написал: "Часто вы меня туда посылали, наконец удалось добраться". В центре неприличного городка был кабак под названием: "А vieux Нуу". Мы проезжали мимо, я перевожу: "У старого х...". Всем смешно, а городок не виноват. Но почему съезд русской молодежи должен проходить именно здесь?

Скоро все устали от шуток на эту тему. Замок "Вьерсе" на берегу пруда с ленивыми карпами. Бесчисленное количество комнат, каморок, коридоров. Придешь вечером из бара и начинаешь искать отведенное тебе днем помещение. Стукнешь в дверь, оттуда:

- Besetzt!

Здесь русская молодежь из Германии. Толкнешь другую:

- Ossuré!

Тут народ из Брюсселя или парижане, того же происхождения. Толкнешь третью:

- А пошел ты!

И скажет - куда. Здесь наши.

Днем - лекции. Кого попало, о чем попало. На разные темы. Организаторы объясняют, что цель встреч - объединение русской молодежи с целью общения и сохранения "русскости". В проекте приглашения на очередную встречу стояла такая фраза: "Приглашаем русских юношей и девушек на наш съезд, для того чтобы лучше познать друг друга".

Русский язык составителя оказался "второй свежести".

Я ему говорю:

- После такого приглашения народу тьма соберется, но разочаруется, если взамен обещанного им лекции читать будут!

Они все очень славные: русские бельгийцы, русские французы, русские американцы...

Ходят в церковь, играют на балалайках, устраивают "Русские балы", многие серьезно пытаются сохранить язык. Это для них - главная проблема. Советская власть - потом.

Им не надо было отыскивать через знакомых запрещенные книги - "на одну ночь", читать газеты между строк, учиться плавать в океане лжи.

Они могут протянуть руку и снять с полки "Архипелаг ГУЛаг", но 90% его не читали – толстая книга, скучно. А политика – грязно и запутанно.

Они бывают в России – как туристы или переводчики, а то и представители иностранных фирм. Вот один рассказывает, как чай с Горбачевым пил.

Нашу компанию на съезде прозвали "Les monstres du Francfort" – "чудовища из Франкфурта". Просто мы иногда от скуки устраивали мелкие хохмы. Например, забрались в два часа ночи в радиорубку и вышли в эфир со словами: "Мы не спим – никто не спит!", и устроили концерт "по заявкам и без".

Перед очередным съездом пришел протест из Парижа – требуют читать лекции по-французски, а то "русской" молодежи ничего не понятно.

Вы на них надеялись, "Валенок"?

"Наша цель – национальное и религиозное воспитание молодежи. Политики не надо. Они должны оставаться русскими!"

Для чего?

...Петровича арестовали вскоре после нашего отъезда из Питера – за "незаконный промысел". Припомнили и то, что меня прятал. После лагеря он остался без половины желудка, сердце тоже начало сдавать. Те, кто его видел, рассказывали, что в последние месяцы он потерял всякий интерес к жизни. Умер на операционном столе.

Посадили Левку из "Ленинградской банды". Посадили Наталью Михайловну, мою учительницу рисования – за участие в женском самиздатском журнале. Она раскаялась...

Есть такая пословица: "У каждого своя беда, у одного – похлебка жидковата, у другого – жемчуг мелковат". Попробуйте объяснить третьему поколению эмигрантов, что от того, сохранят они язык

или нет, будут ли играть на балалайках и носить русские рубашки, - в самой России от этого ни жарко, ни холодно.

Любая экстерриториальность - штука обманчивая и недолговечная. Нельзя долго жить в придуманной стране. Можно сохранить что-нибудь на час-другой, до лучших времен. Чуть-чуть задержался - и ты в гетто. Думал, отгородился, а тебя уже не выпускают - сиди, не рыпайся, а то баланды не получишь!

Русская эмиграция тоже думала, что сбережет истинную Россию до дней "Весеннего похода". Поначалу удалось: журналы, газеты, церкви, даже университеты. Кругом чужая жизнь течет, не задевает, мы - в своей, русской лодке!

Пройдут годы - а дети с родителями на разных языках разговаривают. Или еще хуже: говорят по-русски, а думают уже не по-нашему.

Вот им уже Горбачев понравился - улыбается, президентом себя называет, жену по-заграничному одевает. Когда Черненко еще не совсем умер, в 1984-м, приехал Михаил Сергеевич в Англию, Раиса - бриллианты покупать. Потом приходит в библиотеку Британского музея и спрашивает:

- У вас книги Шекспира есть?

Английские комментаторы кипятком от восторга уписались - "она знает, кто такой Шекспир!" Нет, чтобы с ледяным выражением лица ответить: "Сегодня, к сожалению, не завезли. А вы - Пушкина читали?"

Если банда мелких уголовников захватит королевский дворец, то даже через семьдесят лет из пахана короля не получится. Пусть он хоть все мантии из королевского гардероба примерит и паханшу заставит улыбаться, как в Голливуде. Посмотрите - он же скипетр вверх ногами держит и слово "экстерриториальность" выговорить не может!

"Но как хочется верить! Он ведь всё сразу не может, мешают ему..."

Хочется? Тогда верь во что хочешь, страна свободная, никто не запретит. Это твоя страна – свободная. Моя – нет.

*

В 1990-м перестроечном году хотел Питер повидать. Приглашение сделали, из районного ОВИРа ответ пришел:

“Согласно Закону о пребывании иностранцев на территории СССР, § 24, пункт 1, Андрею Окулову въезд на территорию страны запрещен”. И всё.

Знакомый звонит в пресс-центр МВД:

– Что за закон такой? Нигде найти не можем.

Ему в ответ:

– Не можете, потому что закон – секретный. Что там написано, знать вам не положено.

– А разве у нас есть еще *секретные* законы?

– Выходит, есть.

Как были они – козлы, так козлами и остались.

*

Люди правду искали, хотели как лучше, думали – вот-вот найдут настоящие правила, верную дорогу с указателем: “До правды – 10 км”.

Вон она – звездочка-невеличка путеводная. То вспыхнет над лесом, то погаснет. Дороги проезжей нет, каждый сам добирается как умеет. Кому – овраг, кому – трясина, кого-то бес водит, один прыгает и пальцем в сторону тычет: “Нашел, нашел!” Не верь ему – кабы нашел, так не кричал бы на весь лес. Другой под кустом устроился – колбасу жует. Не трогай его – он нашел, что искал.

Вспыхнула – нам пора. Постой – это самолет. Не обращай внимания – улетит. Подожди, пока настоящая загорится. Для этого тебе немного экстерриториальности совсем не помешает. Присядь, перекурис. Только не прогляди, времени уже почти не осталось.

Весна 1991 г.

"На чем стоять Земле...?"

КРАСОТА ПРАВДЫ

Запретный плод, святая Красота
свидетельствует: красота правдива, -
как Правда, ослепительно чиста,
нагая беззащитная Годива.

Боящийся бубнового туза,
благоразумьем навсегда бесславен,
как большинство, ты опустил глаза,
ты не прильнул к разящим щелям ставен.

И вот, когда гремит триумф людей
оболганных, но в Красоту влюбленных,
зачем раскаиваться в трусости своей,
зачем завидовать когорте ослепленных!

28/XI/74

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ ПРОТЕСТА

Нет, мир не так - не нами - создан,
нет, мы не примем рабский кус!
Гигантам - вместо глины звезды
нужны к гончарному станку.

Храбрец всё бросил - и в дорогу.
Пусть пашет робкий - Авель он.

Мятежный вызов брошен Богу,
клокочет в жилах Вавилон.

Не арфы тренькают о чуде -
труба к восстанию зовет,
не выклянчим - копьём добудем
земное счастье. Ввысь, вперед!

И вознеслись. И свергли Бога,
и стало вольно и легко.
Уж рек счастливого залога
у губ плескалось молоко,

но где-то, может, в тайне генов
заложен дьявольский просчет...
Благих стремлений древним тленом
путь к трону Бога омрачен.

Вчера еще борцы за правду,
мы ныне, в битве за успех,
молитвой скрывши власти жажду,
поодиночке лезем вверх.

Любой, приняв как скипетр - почесть
(а пустота сосет, смеясь!),
себя в святое место прочит -
из грязи в князи лезет мразь.

Те ж, кто не тронуты гниением,
как прежде, верят в чудеса.
Меж тем у башни нетерпенья
всей целости - на полчаса.

Цель не в гордыне - в созиданьи!
Не жди, чтоб высший подобрел.
...И дух святой покинул зданье,
и дух святой - горя - сгорел.

Язык длиннющий из горнила
к народу тянет сатана:
зловеще башня накренилась,
и трещину дала стена.

Не в силах вырваться из круга,
мы Распре строим павильон –
не понимаем мы друг друга:
мы все шагаем в Вавилон.

2/II/76

ЛЕС

Казалось, он подстрижен и шумит,
как парк послушный, благостно и ровненько
(и в сердце по убитым не щемит)
и славит, всё забывши, нож садовника.

Но те, что пали, пали неспроста:
их мысли где-то в чаще затаились,
и чаще стали корни прорастать,
и лесу сны несбыточные снились.

И вот они взошли, тугие семена,
сквозь мох седой и слой трухи да гнили
и в душу нам кричат упругие слова,
которых яркий смысл, казалось, мы забыли.

14/XI/76

ЭПИТАФИЯ НАРОДУ

Родившись, мечтал, чтоб гремели ружья,
жил, чтоб разрушить мир капитала,
а умер – не осознать! – от удушья:
свобода ему не в то горло попала.

9/X/80

ПТОЛОМЕЙ, ЦАРЬ КИПРА

Когда в 58 г. до Р. Х. римский сенат принял закон о включении Кипра в состав Римской империи и о конфискации его казны, царь Кипра Птоломей, дядя знаменитой Клеопатры VII, отказавшись во имя свободы подданных и сохранения их имущества от соблазна утопить свои деньги и драгоценности в море, в знак протеста принял яд.

Чтоб Рим стал могучей всемирной державой,
Был принят Сенатом драконов закон:
Кипр снимет венец монархичности ржавой,
себя и казну даст республике он.

Пред наглостью жадной и доблесть немеет.
Сенат не спасует, уж это как пить...
Как быть, наилучший из всех Птолomeев?
Не лучше ли в море казну утопить?

Как сладко над пастью врага посмеяться,
впустую прокляцавшей гимны клыков,
как горько узнать, что ни Флор, ни Гораций –
никто не осудит напор пауков!

Но Рим беспощаден. Он вырвет богатство
пусть даже из горла, и, честь рассоря,
все граждане Кипра, за проданы в рабство,
оплатят бесправием гордость царя.

Вождь – тот, кто живет не для власти
– для граждан,
а граждане – те, что гордятся вождем
не вслух, а в душе, и не знатные – каждый,
и все вправе думать: обмана не ждем.

Глумленье и стыд, хоть и скрыты от взора,
несмытой пощечиной в сердце горят.
Клад сможет народ уберечь от раззора,
царя от позора – спасительный яд.

Поборник свободы, я ждал ту погоду,
чтоб гибель всех царств возвещала заря, –
завидую выжженным сердцем народу,
который достоин такого царя!

16-18/VIII/79

КИТЕЖ

Что ж, душите, крадите, лгите ж,
поднимайте бесчестье дул...
Я не верю в безгрешный Китеж,
вслед Гоморре он затонул.

Глубже, глубже, с кротами вровень,
коль и Спаса несносен лик,
только пуще отцовской крови
бойтесь вылакаты кровь земли.

Лишь где совесть есть дар бесценный,
там в зените жизни цена;
не случайно сходят со сцены
самоедские племена.

Вы бы землю свою спросили:
а легко ли ей вас держать?
Как за глаз, боюсь за Россию:
почва – стала водой дрожать.

ЧУЖАК

Принес Гулливер лилипутам роман.
– Никто, – говорят лилипуты, –
романы сейчас не читает. Обман
не в наших привычках: мошна и карман –
вот наших знамен атрибуты.

Тогда Гулливер дал прекрасный сонет.
– Нет, нет, – говорят лилипуты, –
сейчас у сонетов читателей нет,
сейчас детективы – магниты монет.
Сонеты! ахти футы–нуты!

Три года молчал Гулливер. Без прикрас
("Не то" – говорят лилипуты)
принес вдохновенный пространный рассказ,
мол, вот, в Лилипутии творчество масс –
плод каждой свободной минуты.

Гигант Гулливер, в гулливерской стране
тебя на руках бы носили,
а в этой – размажут тебя по стерне,
таланты понять – не по силам, вдвойне –
поднять эти гномы не в силе.

* * *

Не мне грабителей бояться
ни позади, ни впереди –
легко мне скрыть свое богатство:
мешочек сердца, там – в груди.

Отдам всю жаль нагим и сырым
и вновь по грязи налегке,
ведь вся Россия с целым миром
в сердечном скрыта узелке.

* * *

Госпожа Вечность, возьмите пылинку,
поэзию-крошку, на свой язычок:
доисторический пустычок,
а вкус – как у маковой опиуминки!

* * *

Вот он, хлев, где дыханье Младенца
согревали восторгом волхвы;
на дорожке снежок полотенцем...
Людам Божьи слова – хоть бы хны.
Осознав безысходность оплошки,
Бог ушел. Рассыпается хлев...

Мы, наверное, съели до крошки
свой скупой исторический хлеб.

ИСТИНА

– А что есть истина? – возник
в седых веках вопрос вопросов.
Доисусовый философ
главою скробною поник.

Хрустальных мыслей тек родник,
чураясь сора и отбросов,
без социальных перекосов,
но в суть отгадки не проник.

И, муча демонов и Бога
трухою слов, как от ожога
метался дух, круша осторожность:
всё ложь, но где же непреложность?

Отрывок из правды

Слезы набежали еще раньше, чем подошла к воротам. Слезами размыло старух с цветами, нищих с ладонями-ковшиками, подъехавший похоронный автобус, из которого с праздничной решительностью озабоченно выпрыгнули двое мужчин с траурными повязками на локтях. Я подошла к первой старухе и, не глядя, не считая, купила охапку белых и розовых роз. Подошла к другой — купила вишневые, горящие огнем гладиолусы. У гнилозубого подростка в сморщенной телогрейке увидела в корзине синие колкие васильки, купила и их. И прижимая к себе это пестрое море, вжимаясь в него лицом, пошла по центральной аллее Ваганьковского кладбища в глубину, в зеленую кладбищенскую темень.

На полпути спохватилась: лопата! Нужна же лопата! Ноги сами повернули к хлипкому одноэтажному зданию с вывеской: "Контора кладбища. Выдача могильного инвентаря с 8 до 4". Оказывается, я ничего не забыла за эти полноводные, бесконечно долгие шесть лет. В конторе так же, как тогда, толпились люди со скучными и просительными лицами, так же губила молодость за визгливой машинкой курноса, круто накрашенная блондинка, так же подпирала вход двое, испитых и страшных, с закатанными рукавами, с синеватым отливом на лицах. Лопаты не было, и под расписку мне выдали ржавую, в налипшей глине тяпку...

Сердце так страшно стучало и останавливалось, когда я свернула, наконец, в эту маленькую боковую аллею, где сначала — бурая плита с супружеской фотографией, потом — заброшенный холмик с покосившимся, когда-то серебристым крестом и еле различимыми словами: "Любимому Сереженьке от мамы и папы", потом — высокий, черный, пирамидальный памятник — предмет моих детских фантазий, потому что, сколько помню себя, никто никогда не ухаживал за ним и никогда, никто — ни цветочка, ни веточки, между тем, как на тыльной стороне его было выгравировано целое повествование, что-то вроде сжатого наброска для чеховской "Попрыгуньи": "Жертвенно погибшему во время холерной эпидемии в Москве врачу — человеку от товарищей". Помню, как приходила сюда снежными утрами, сначала с бабушкой или отцом, потом, повзрослев, одна, и, убирая мамину и дедову могилы, всегда клала к черному подножию всеми забытого неизвестного Дымова два-три цветка из маминого букета или еловую заиндевевшую ветку. И сейчас застанными глазами увидела всё это: бурую плиту с фотографией, покосившийся сереженькин крест, высокий черный памятник и — тут ноги стали ватными — совсем неизменившуюся, в сухих цветочных обломках, занесенную тополиным пухом и клейкими желтыми березовыми сережками... за осевшей некрашеной оградой... могилу, которую я мысленно, так же, как когда-то это делала моя бабушка, всегда именовала одним словом — "наша". На калиточке висел замок, заботливо укутанный кем-то из родственников в почерневший целлофановый пакет.

И тут, не сдерживая себя и начисто забыв о присутствии американской съемочной группы, которая деликатно спросила меня задолго до того, можно ли будет снимать на кладбище (докумен-

тальному фильму нужен был острый момент посещения родного дома или родных могил!), забыв обо всем, плача и вытирая глаза листьями дерева, свесившего ветки прямо на мамин памятник, я принялась освобождать это маленькое пространство от сухих стеблей и цветов, разрыхлять ржавой тляпкой землю, раскладывать розы, огненные гладиолусы...

Лейка валялась под облупившейся лавочкой. Я отряхнула ее от земли и пошла к колонке за водой.

Он сидел прямо на траве: человек с помятым, неопределенным лицом, в расстегнутой на груди рубашке. Облик его точно воспроизводил черты пьющего советского работяги – те же бесцветные глаза, серые волосы, раздавленные грубым трудом руки с грязными ногтями. Он мог быть и могильщиком, только что выпившим после очередного захоронения и слегка разомлевшим теперь на июльском солнце. Смотрел на меня, пока я набирала воду, потом встал и приблизился нетвердой походкой.

– Спросить вас можно? – слегка заплетающимся языком произнес он.

Я не успела ответить. В нашей группе был молоденький двадцатилетний паренек из Алма-Аты, которого моя щедрая американская продьюссорша обучала в университете города Орlando. Он был милым баловнем судьбы, любимой игрушкой богатой американки, которая из десяти выученных ею русских слов с особенным удовольствием произносила на свой лад его имя – "Владóчка". Владóчка тоже сидел на траве, позевывая и скучая в разлуке с веселой, сплошь в пальмах и тропических цветах Флоридой. Поступок пьяного неизвестного заставил его вскочить на ноги и разом вспомнить свои прежние алма-атинские навыки:

– А ну, мужик, вали отсюда! – наступая крепким плечом на работягу, гаркнул Владóчка и слегка толкнул его ладонью.

- А не с тобой, падла, разговариваю! - тем же нетвердым языком огрызнулся могильщик, сбрасывая его руку.

- А я тебе говорю: не подходи к ней, вали, пока цел!

Работяга сплюнул и отошел. Вода наполнила лейку и лилась через край. Мокрыми ладонями я вытерла слезы и укоризненно зашептала:

- Ну, зачем ты так? Что он тебе сделал? Может, он хотел что-то сказать, а ты - как собака...

Владóчка насупился и, поколебавшись, достал из кармана смятый крошечный советский рубль.

- Ладно, мужик, - сказал он неизвестному, всовывая рубль в его руку. - Может, я неправ...

Могильщик бросил бумажку на землю и яростно растоптал каблуком.

- Иди ты, сука, знаешь куда, со своими деньгами!

Но и этого ему показалось мало. Он поднял рубль с земли и с размаху насадил его на острый колышек соседней ограды. Владóчка побледнел и сжал кулаки. Мне пришлось вмешаться:

- Извините его, пожалуйста! Он же не хотел вас обидеть!

Могильщик отмахнулся от Владóчки и уже связно спросил меня:

- Вы сами-то откуда будете?

- Я? Я издалека приехала.

- Вижу. Они тут фильм, что ли, снимают, а вы, похоже, родственников навещаете, так?

Я кивнула и, чувствуя разговор законченным, пошла обратно к могиле. Но он увязался за мной, и мы оба остановились у калитки.

- Это кто же у вас тут? - просто спросил он.

- Все, - ответила я, проглотив новый соленый ком. - Бабушка, мама, дед.

Он покачал головой.

- Развалилось хозяйство-то... Может, поправить хотите?

- Как поправить?

- Ну, вот тут поднять надо бы, а тут перекрасить...

Я не дала ему закончить: вдруг вспомнилось, как перед отъездом мы с отцом хотели вызолотить мамино имя на памятнике, потому что буквы давно потускнели от времени, надпись стала едва различимой...

- Нет, поднимать ничего не надо и красить тоже... А вот обновить это золото, эту надпись...

Глаза его были нетрезвыми, грязная рубашка открывала впалую бледную грудь, на которой висел большой медный крест. И всё-таки я рискнула.

- Вы можете это сделать?

Он провел пальцами по стершимся буквам мамино имени.

- Могу. Это не трудно. Только...

Я поняла:

- Я заплачу, сколько вы скажете.

- Да, нет, работа-то тут копеечная, но вот золото... Рублей семьсот будет.

- Ну, конечно. Только как же мы договоримся? Я всё время на съемках... Если вы мне позвоните утром, до половины девятого...

Вдруг он усмехнулся:

- Представьте себе, ни разу в жизни не звонил женщинам так рано...

Как-то странно прозвучала эта фраза в устах нетрезвого, в стоптанных башмаках, с руками, раздавленными могильными лопатами...

- Вы хотите задаток?

- Нет, - спокойно сказал он. - Никаких денег, пока вы не примете работу, я не хочу. Но я бы

хотел заручиться вашим словом, что, когда я всё сделаю, вы вдруг не исчезнете...

Я опять поразилась тому, как он это произнес — словно по подсказке.

— Так что, если вы мне обещаете, то никаких денег не нужно.

— Обещаю вам, — сказала я. — А вы не исчезнете?

Вдруг он быстро поцеловал свой нательный крест:

— Я вам Богом своим клянусь...

Мои трудолюбивые американцы, засевшие в кустах, блестели глазами. Может, и плохо получится на пленке: свет не тот и звук, наверное, нечетко уловлен, но какая сцена! Сначала эти слезы, эта ржавая, не виданная цивилизованным видом тятка, потом нетрезвый, с помятым лицом грязный русский человек, растоптавший рубль, а в конце непонятного разговора поцеловавший крест... И всё это в зеленой, тенистой, заросшей цветами и травами полутьме, где щемяще серебрятся кресты над пестрыми холмиками и светлеют детские фотографии, а седоголовые старухи быстро, деревянно крестятся и кланяются до земли, выходя из белой, с ярко горящим на солнце золотым куполом церкви... Чем не "Братья Карамазовы"?

Прошло два дня. Утром, ровно в половине девятого, раздался звонок из вестибюля моей гостиницы. Я быстро спустилась. Он был трезв как стеклышко, одет в белую рубашку с галстуком. Ботинки начищены. Выбрит. Поехали на кладбище. На "нашей" могиле сидел на скамеечке маленький, корявый, весь грязный, весь черный мужичок. Приехавший со мной слегка покраснел:

— Ты что, Петрович, не мог меня в конторе подождать?

Мужичок насупился:

— Жди у моря погоды! Время у меня есть? Рабо-

ту сдал и гуляй! А то ждать тебя! На хрен ты мне сдался!

- А вы кто? - спросила я.

- Я ему золото доставал, вот я кто! - огрызнулся неизвестный и дохнул на меня перегаром. - Работу принимайте!

Мамин памятник был вымыт до блеска. Имя отчетливо вызолочено. Я достала обещанные деньги, протянула человеку в белой рубашке. И вдруг увидела, что на могиле не осталось ни одного цветочка. Голая земля и пустая банка с водой, из которой кто-то вынул мои розы.

- А где цветы? Вы помните, я в среду положила столько цветов!

Он багрово покраснел и только собирался что-то сказать, как маленький, черный, вмешался:

- Ну, чего там: цветы, цветы! В среду положила, а сегодня-то - она! - пятница! Чего от них осталось, от цветов-то! Выбросил я все цветы, они только работе мешали! Давай мне, Вова, мою долю, некогда тут лясы точить!

У "Вовы" горело лицо, и он не смотрел на меня. Было большой наивностью с моей стороны оставить охапку роз и не закрыть на замок калитку, меня ведь предупреждали, что цветы с могил воруют и надо обрывать стебли, оставлять одни головки. Цветы мог взять кто угодно, начиная с маленького, черного, и кончая случайным прохожим. Только не он. Это я поняла сразу и знаю, что не ошиблась. Поэтому, когда он сказал: "Цветы я вам возьму. С этих вот денег. Пойдемте сейчас и на ваш вкус купим новые", - я даже не очень удивилась. Передо мной стоял человек, заслуживающий большего внимания, чем литературные герои Достоевского, просто потому, что он был живой и сочинять не было необходимости. Может быть, он был дебоширом и алкоголиком, но откуда эти - у дебошира и алкого-

лика – чистые, гибкие фразы? Он сделал свою работу за бесценок, а ведь мог попросить у меня совсем другие деньги – я бы не стала торговаться. И белая рубашка с галстуком, и точное время утреннего звонка, и лицо, горящее от стыда за не *им* украденные с чужой могилы цветы? Что загнало его в эту зеленую темень, в гущу маленьких, страшных, корявых людей, с хриплым дыханием забрасывающих тяжелой землей светло-желтые деревянные ящики?

- О, этот Володя! – пела моя продюссорша, просматривая пленку. – Смотри, какое у него лицо! У нас был такой актер в сороковые годы, ты не знаешь!

- Да он же пьян! – возражаю я, чтобы что-то сказать.

- А для русских это неважно! Смотри, как он поцеловал крест! Нет, правду говорят: если русский человек хочет быть хорошим, то он уж *так* постарается, как никто другой. Но если русский плохой, то уж он *такой* темный, *такой* плохой, как тоже никто другой! У вас же нет никакой середины!

Тут она мечтательно закатывает глаза и вздыхает:

- Ах, как я люблю этих русских!

Хроника № 6

РОЖДЕСТВО - переход времени 1943-1944 от рождения Христа. Утонувший в снегу дом на краю балки. В единственной комнате дома тяжелое дыхание жителей планеты Земля. На печке, что справа у входа, сквозь сон тяжело ворочается старик. Ему мерещится, что последний тайник с едой обнаружен. А это - голодная смерть для всех, кто находится в этом доме.

Нет..., слава Богу, только сон. Нужна ночь с метелью... всё-таки проверить. Страшно идти... засада вдруг... партизанская, немецкая... немцы под партизан... партизаны в немецкой форме... не разберешь... исход один - пуля... Но надо идти... Была бы только метель...

Слева в углу, под образом Богородицы, на столе мальчишка. Его голова прямо у стекол окна, за которым мир страха. В который раз произносит молитву... Он смотрит в небо, но не видит рассыпанные новогодние звезды, - его очень тревожит полоса прожектора, которая бесшумно перемещается, иногда пытается опуститься на дом.

За печкой, вдоль глухой стены, спят девять жителей планеты Земля - дети и одна женщина. Никто не думает о Рождестве, они даже не знают о нем. Забыли. Во сне только одно желание, - чтобы не вошли в дом люди с оружием, чтобы прожить ночь. Среди девяти мечется в бреду ребенок. Ему

снится маленькая речка, с одной стороны которой снежное поле, а с другой – летний луг. На лугу его мама, которая зовет его к себе, протягивает руки. Но снег не пускает ребенка и обжигает его. Он просыпается и видит тесную комнату, по стенам которой скользят светлые блики от прожектора. Ему душно... Кажется, что тело расширяется и вдавливается в темные стены избушки. Нет, лучше в снежное поле... Но оно такое горячее...

Не думает о Рождестве и немецкий прожекторист, пост которого оказался в этом проклятом Богом месте. Он скован страхом... Холодно от бесконечных снегов и мороза, от ожидания выстрела из леса, кустов, с поля.

На другом конце балки – почти новый дом. Там спит родственник мальчишки Володька. Он весельчак, старше мальчишки на три года и боится только облавы и связанного с ней угона на работы. Он уверен, что в такой жуткий мороз облавы не будет.

* * *

МЕЧЕТСЯ В БРЕДУ РЕБЕНОК. Тайну этого ребенка знал до недавнего времени только старик...

Через неделю после того, как похоронил свою жену, умершую от тифа, заболела этой страшной болезнью его невестка Анна – мать ребенка. Весь ужас состоял в том, что отец семьи был (или уже не был) где-то на войне, а Анна имела шестерых детей – один к одному. Боялась она за детей, но не смогла бросить в беде свекровь, приходила к ней. Несмотря на все предосторожности тиф поразил и ее. Старик забрал Анну в свой дом и никого не подпускал к ней.

Тяжело умирала Анна. В последнюю ночь в этой же избушке она позвала старика. Зажженная лучина освещала ее лицо, с блестящими глазами, с

большими темными кругами под ними, красивое даже со страшными следами жестокой болезни.

- Отец... Умираю... Прошу сохранить детей... особенно самого маленького..., хоть он и не твой внук.

- Как не мой, что ты говоришь, Анна?!

- В первое лето войны... немецкий солдат... изнасиловал меня... Он - от него. Ты знаешь... я никогда... не избавлялась от детей... Сохрани его... Скажи мужу..., если вернется... Ребенок не виноват.

- Что ты, Анна!.. Конечно... Как же... Он - мой внук!

Когда она умерла, дети не увидели ее лица, не простились со своей матерью. Так и осталась она в их памяти статной, сильной, красивой.

* * *

МЕЧЕТСЯ В БРЕДУ РЕБЕНОК. Тянется он к матери на другом берегу речки, но горячий снег не пускает его. Тайну этого ребенка пришлось раскрыть при трагических обстоятельствах...

Старик стоял крайним в небольшой шеренге мужчин, повернутых лицом к женщинам и детям, собранным на площади. Немецкий офицер в который раз пытался узнать, где похоронен немецкий солдат, убитый у деревни в бою с партизанами несколько месяцев назад. Когда офицер ударил в лицо женщину, кричавшую, что бой был не здесь, а в той стороне, за лесом, и женщина упала, старик понял, что это конец. Он сделал шаг вперед и крикнул офицеру:

- Пан офицер! Erschiessen uns, оставьте наших Kinder. Hier sind meine внуки. Sechs Kinder. Kleine Knabe deutscher. Его Vater - deutscher Soldat. Mutter - nichts. Sie verstehen?

Офицер, который потянулся к пистолету, чтобы застрелить старика, всё же посмотрел туда, куда

тот показывал. Шестеро детей стояли кучкой прямо у своего дома. Самый маленький, в лаптях, кожанке ниже колен и в черном ребристом танкистском шлеме, надетом прямо на платок, стоял впереди. Очевидно, кто-то из его старших братьев боялся стоять на виду у немцев в этом красноармейском шлеме и передал его младшему. Офицер крикнул: "Weg!" и сделал знак старику занять свое место в шеренге. Затем подошел к кучке детей и спросил самого маленького:

- Твой имья?

- Ва-а-си-лек, - тихо ответил мальчик.

- Где твой отьец?

Ребенок молча поднял руку и показал на восток, глядя прямо в глаза офицеру.

Офицера поразило не то, что этот ребенок повторил жест детей этой части планеты Земля. Все они в подобных ситуациях отвечали: "Мой отец на войне" - и показывали на восток, независимо от того, жив или мертв был их отец, воевал где-то на фронте, находился в партизанах или прятался в хитрых тайниках под землей. Его поразила другая мысль: "Может быть, старик прав, и отец этого ребенка - немец - действительно мерзнет где-то недалеко на востоке, не зная, что его сын будет убит через несколько минут".

Площадь замерла. Никто не хотел умирать и каждый с надеждой смотрел в сторону Василька, который уже подарил всем этим людям несколько минут жизни. А Василек и не знал, зачем это уставлен на краю площади большой пулемет и почему солдаты в зеленых шинелях, с автоматами в руках своими шеренгами образуют клин. Он с интересом вглядывался в лицо стройного и сильного офицера, отвлекаясь иногда на блестящие пуговицы его теплой шинели. Офицер тоже всматривался в лицо ребенка, который не опускал глаза, как это

полагалось делать местным жителям при соприкосновении с представителями высшей расы людей. Этот же мальчик его не боялся...

Вечерело. Офицер и сам уже замерз от страшного холода и пронизывающего ветра. В его голове проносились мысли: "Предстоит еще собрать все трупы после расстрела... сжечь их в домах. Жаль, что подходящего по размерам сарая в деревне не оказалось... Люди, конечно, разбегутся по снегу... Нужно будет добить раненых... собирать их будет нелегко. Солдаты из полевых частей... слова старика, конечно, поняли... хмурые. Добычи серьезной нет - только восемь стариков... остальные женщины и дети... Проклятая страна! Проклятое время!"

Он подошел к солдату, стоявшему около станкового пулемета, и что-то сказал ему. Затем бросил жителям:

- Идите тьюда, - и показал в сторону занесенной снегом дороги, ведущей к речке.

Люди нерешительно тронулись с площади, и здесь небо расколосось...

В первое же мгновение все связи разрушились. Василек остался один, так как животный страх уже лишил этих людей человеческих чувств. Они бежали, обгоняя друг друга, падая и вставая. Ребенок тоже побежал за всеми, но скоро завяз в снегу по пояс.

- Ма-ма! Не оставляйте меня одного! - кричал он своим сестрам и братьям, которые уже рассеялись по снежному пространству, убегая от смерти.

Смерть стучала сзади оглушительным грохотом и толкала его инстинктивно вперед, вслед за волной темных точек на снегу, откатывающейся от деревни. Он уже полз почти весь в снегу, который забивался ему в рукава, за шею, в рот.

* * *

МЕЧЕТСЯ В БРЕДУ РЕБЕНОК. Никак не уйти ему из снежного горячего плена к маме на другой берег реки. Шепчет молитву мальчишка на столе, тяжело дышат остальные дети и женщина, ворочается на печи старик. Спит Володька на другом конце балки. Все они переживут рождественскую ночь. Им повезет больше, чем тем, которые в ту ночь погибли в деревнях, в городах, на дорогах, в траншеях, в блиндажах. Но через несколько ночей проснутся все, кроме одного — Василька. Удивятся люди, что утро уже, а он тихо спит, не стонет, не просит пить. Потом подойдут к нему и увидят белое лицо и открытые голубые глаза. Чуть улыбаясь, ребенок будет смотреть вверх. Он будет так красив, что никто из его братьев и сестер, а потом и взрослых, не решится закрыть эти прекрасные глаза. Растопят печь, нагреют воду и вымоют Василька в последний раз, а потом оденут в чистую одежду и положат на стол, в левом углу, под образом Богородицы, держащей на руках похожего на него ребенка. Пусть побудет со всеми перед последней дорогой, пусть посмотрит на свое последнее пристанище в этом мире. Планета Земля выпустила этот прекрасный мир в жизнь, а потом, испуганная царящим среди людей ужасом, забрала его обратно.

* * *

УЛЫБАЮЩИЙСЯ РЕБЕНОК СМОТРИТ ВВЕРХ. Он лежит уже не в избушке на столе, а на больших снях во дворе.

Сани эти имеют свою историю. Дело в том, что старик всю жизнь мечтал иметь лошадь в хозяйстве. Но это запрещалось законами в этой части планеты Земля. Поэтому он отводил душу за изготовлением всяких приспособлений для лошадей — уздечек, хомутов, дуг, вожжей. В первое военное лето,

когда вдоль дорог было брошено много всякой военной техники, он смастерил телегу на шинных колесах, с высокими узорными бортами и крепкими железными осями. Но телегу быстро отняли, столь легка она была на ходу и проходима по местным дорогам. Тогда старик сделал сани-розвальни с подбитыми к полозьям стальными шинами и всякими дополнительными приспособлениями от брошенной военной техники. Сани уже не могли отобрать, так как в начале первой военной зимы он снял с них оглобли и спрятал под дровами в небольшом открытом сарае. В эту зиму дети все-таки добрались до них, вытащили из сарая и в темные лунные вечера стали кататься всей гурьбой со склона, шедшего мимо баньки к пруду. Старик выходил иногда из избушки и смотрел на детские забавы. Но не запрещал их, а только просил старших из детей быть осторожными, сидеть сзади по бокам, а потом прятать сани на прежнее место в сарае.

Катался на санях и Василек, когда болезнь еще не была такой сильной. Как самого маленького его помещали впереди, и он видел только несущийся навстречу снег. Стуча полозьями по неровностям склона, сани набирали скорость. Дух захватывало, когда они оказывались над обрывом, пролетали его, плюхались на лед пруда и шли по нему юзом. Полозья звенели по твердому льду, из-под них выбрасывались облака снега, казалось, сани вот-вот перевернутся и накроют всех. Но старшие ребята, сидящие сзади по бокам, держали равновесие, и розвальни, сделав несколько оборотов по пруду, останавливались. Возбужденные, все выскакивали из саней и толкали их снова на гору. Василек бежал сзади и кричал:

- Дава-й! Хорошо! Подождите, я помогу!

Затащив сани на гору, ребята смеялись, видя, как Василек, полный восторга от катания, торопит-

ся взобраться на гору, помогая себе руками. Они дожидались его и снова мчались вниз.

* * *

УЛЫБАЮЩИЙСЯ РЕБЕНОК СМОТРИТ ВВЕРХ.
Кажется, что он задает вопрос:

- Боженька! За что ты забрал меня из этого мира? Какой грех я сотворил в своей жизни?

Бог не отвечал, так как он знал, что Василек - чистойшей душой. Но что Он мог сделать с этим миром людей, занятых взаимным истреблением друг друга всё новыми и новыми способами? Дьявол торжествовал на планете Земля. Бог плакал от собственного бессилия... Даже Дьявол в эти мгновения задумался над ценой своей добычи - слезы Бога снежинками падали над землёю, и пушистые лучи их светились таинственными алмазными искорками. Снежинки с легким шуршанием опускались на лицо мертвого улыбающегося ребенка. Снег впервые был для него ни холодным, ни горячим. Установилась вдруг необычно тихая для зимы погода. Вертикальные нити из снежинок пронизывали пространство, сколько мог видеть глаз. Мягким ковром устилали они обледеневший последний путь Василька в этом мире.

А что же люди? Они не плакали, так как смерть непрерывно вырывала из их рядов свои жертвы. Из-за постоянных мучений и страха граница между жизнью и смертью была зыбкой. Мать или отец поплакали бы по такому ребенку. Но их у Василька не было. А старик уже выплакал свои слезы, когда хоронил жену, невестку, а недавно и взрослого убитого сына. Он сказал только дрогнувшим голосом:

- Пора двигаться. Везите Василька.

Дети вывезли сани на вершину склона за полу-

пустой сарай. Затем сели рядом с Васильком и стали съезжать со склона, но не к пруду, а правее — на дно балки. Сани шли ровно, чуть поперек склона, через светлые нити падающего снега, и детям казалось, что и сейчас Василек, повторяя малейшие детали движения, радуется езде. На дне балки дети встали по бокам и сзади саней и начали толкать их вверх по противоположному, более крутому склону, из-за которого уже выглядывали верхушки старых сосен кладбища. Они дотащили сани лишь на три четверти склона, остановились и, тяжело дыша, стали ждать старика, шедшего следом и слегка поотставшего.

Снег почти закрыл глаза ребенка. Один из братьев подложил руку под его головку, приподнял ее и осторожно, ладошкой убрал снежинки с ресниц. И Василек в последний раз увидел с высокого склона полусожженную деревню, пепелище своего дома и два четких следа полозьев на снегу, упирающихся в глаза-окна избышки на противоположном склоне, которые наполовину выглядывали из-за горизонта, словно прощаясь с ним. Это входило в него, но уже не находило отклика. **ВАСИЛЕК БЫЛ СО СВОЕЙ МАМОЙ.** Прошлой ночью, **НАКОНЕЦ**, он вырвался из снежного плена, перебрался через речку и уткнулся головкой в теплую грудь своей матери.

* * *

СТРАШНАЯ ЗИМА... Оставшиеся в избышке люди переживут и ее. А весной задрожат стекла в окошках от пока еще далекой канонады, будто радуясь появившейся надежде выжить на этом гигантском кладбище планеты Земля, непрерывно поглощающем человеческие жизни. В начале лета, ночью, люди вдруг проснутся все разом от многоголосого пения, доносившегося со стороны полотна

давно разрушенной железной дороги. Им станет страшно – кто же поет такие бодрые песни ночью на этой истерзанной земле? Выйдет во двор старик, быстро вернется и скажет:

– Немцы... Сплошной поток... Идут на запад.

– Почему же они поют? – спросит кто-то из темноты.

– Рады, что возвращаются домой... из этого ада.

И в страхе проведут люди ночь, потому что никогда еще не проходила через эти глухие места такая масса чужого войска. А солнечным утром, выйдя осторожно из избушки, люди увидят, что весь горизонт вокруг отмечен огромными, уходящими в небо столбами черного дыма. Казалось, вся земля горела – это молох войны прокатывался теперь с востока на запад, уничтожая всё на своем пути. И уйдут поскорей люди в избушку и отдадутся в руки судьбы. Адвигающийся на запад кровавый маятник человеческой истории будет вершить свой суд. И уже другие солдаты, тоже брошенные на произвол судьбы своим верховным командованием, будут пытаться выбраться из окружения. По лесам на поглощенный три года назад слой солдат в гимнастерках цвета хаки будет ложиться слой солдат в зеленых кителях – и те и другие будут прорастать травой планеты Земля.

* * *

УЙДЕТ ВОЙНА... Но не закончится она для жителей избушки. Они слишком много знали и могли раскрыть главную тайну Дьявола. Поэтому Дьявол постоянно держал их под особым контролем. По ночам он переносил их иногда в ТО время, чтобы не забывались, чтобы ценили передышку. И они просыпались в холодном поту, радуясь, что это только сон. Но Дьявол не знал, что ТАМ они вступают в

разговор с ТЕМИ, кто не вышел из войны, и ТЕ шепчут ЭТИМ:

- Держитесь... Живите честно... Будьте осторожны...

Но невозможно еще было справиться с Дьяволом - он царствовал на планете Земля...

Когда хоронили Василька, оставшийся младшим в семье брат не смог провожать его в последний путь из-за отмороженных ног. Он умрет через шесть месяцев после рождественской ночи от заражения крови. А глубокой осенью тоже случится беда - в больших муках умрет от аппендицита старик. Бездорожье, спасшее многих во время войны, сейчас погубит его - врача в ближайшей округе нет, до города ехать далеко, бабка-знахарка бессильна. Следующий оставшийся младшим в семье брат умрет через шесть лет от туберкулеза... Страшно станет еще живым детям Анны - за что же преследует их злой рок? Уедут они из этих мест, разбредутся по планете Земля и будут преодолевать время с постоянным чувством стоящей за спиной опасности.

А Володька? Уцелел ли он? Жив, жив остался Володька. Вырос он сильным и уверенным в себе - весь в отца. Перебрался в город и поменял там много работ - пытливый и жизнерадостный юноша, он всё никак не мог остановиться на каком-то одном занятии. Пройдет три раза по шесть лет с той рождественской ночи... Устроится Володька матросом на речной пароходик. Понравится ему новая работа. В прекрасный летний вечер выйдет он на палубу полюбоваться проплывающими мимо берегами - с деревьями, садами, домиками, освещаемыми золотистыми лучами заходящего солнца. Задумается Володька - то ли вспомнит что, то ли засмотрится на уплывающую от него рыжеволосую девушку, стоящую за палисадником с алой розой в руках... Оставляя красивый расходящийся след на

воде, парходик будет приближаться к тому месту, где двое мальчишек осматривают найденный ими снаряд. Раздастся взрыв... Не станет мальчишек, будет сражен осколком снаряда и Володька.

И снова та же поредевшая деревня. Нет уже старой избушки, балка стала меньше. Тревожно о чем-то шепчутся с ветром на ее склонах цветы васильки. Но стоит еще крепкий дом на другом конце балки. К нему подъезжает машина. Останавливается. Что-то снимают с нее и вносят во двор...

Тревожно стало Марфе - стук сапог в сенях... какие-то люди вошли в дом... стоят... опустили глаза и руки вниз... Выбежала во двор... Крик на всю деревню. Бросилась на грудь своего сына. Но никогда уже не войдет Володька в этот дом с подарками из города. И как после похоронки на мужа, пройдет через ее сердце трещина. Жить ей недолго...

БУДЬ ПРОКЛЯТА ВОЙНА, лишаящая нас детства и убивающая ТАК ДОЛГО.

Женщина и луг

Рассказ

Женщина шла лугом. Прекрасным летним лугом. Предполуденное солнце мягким светом заливало высокие сочные травы и неисчислимое множество цветов, разбрызганных по пространству то редкими вкраплениями в яркую зелень, то целыми островками. Казалось, что из каждого из них смотрится в мир Божий своя, неизведанная и неповторимая жизнь. Так некий путник, минуя большие и малые селения, невольно задумывается на минуту: "А вот тут-то, наверное, райская жизнь..."

Женщина шла по лугу неторопливо и задумчиво, томно склонив красивую голову с пышными золотистыми волосами. А во рту она держала машинально сорванную былинку, нежно-сочным кончиком которой как бы приобщаясь к природе. Ее высокие стройные ноги ступали по чуть заметной тропинке, на что указывали пригнутые травы и примятые цветы. И она старалась ступать так, чтобы хоть какую-то долю нежных созданий, встречающихся на ее пути, не лишать остатков жизни. Собственно, она пыталась сохранить то, к чему рано или поздно будет безжалостна равнодушная острая коса...

Поначалу, когда женщина ступила на луг, она не знала, куда и в каком направлении пойдет

дальше. Затаенно-тихая прелесть природы приятной волной окатила всё ее существо, словно глоток шампанского при хорошем настроении... Справа она видела причудливые извивы реки, спрятанные за кустами и деревьями; а далеко слева, на возвышении, плотную полосу берез и кленов. За ними пролегла большая асфальтированная дорога, откуда временами доносились шумы большегрузных машин. А впереди, на неизмеримом пространстве, тянулся луг. Луг и цветы. Кусты ивняка в пониженных местах и сама река имели для нее второстепенное значение.

Смутно, из далекого-далекого детства женщина припоминала, что на лугу не следует выбирать дорог. А следует идти там, где меньше высоких кочек, спрятанных под осокой, да затаенной воды между ними. Вот и вся хитрость для тех, кто пришел на луг не в высоких непромокаемых сапогах, а в беззащитных босоножках... И, заметив кем-то проложенную тропинку, женщина пошла вперед. Лишь цветов ей было жалко. Но что поделаешь? Ведь в жизни всегда приходится чем-нибудь жертвовать!..

Женщина не специально пришла на луг. Нет! Просто она машинально оказалась на окраинной улице города. А когда увидела, что кроме осточертевшего шума и людской толчеи впереди существует некая, другая жизнь, давно ею позабытая, но чем-то вдруг взволновавшая, то и пошла к этому взволновавшему ее миру. Пошла быстро, без оглядки, чтобы не передумать и не вернуться назад. А когда оказалась среди царства природы, не спрятанного за высокими домами яркого солнца и почти звенящей тишины, то почувствовала легкое головокружение. Как от прикосновения первой любви...

И душа ее запела нежными и чарующими мелодиями. Вообще-то, человеческая душа псет всю

его сознательную жизнь. Только человек на это не обращает внимания, поглощенный ненужными и бессмысленными мелочами...

Женщина углублялась в пространство луга всё дальше и дальше. И досадовала, что временами слышит шум машин. Ибо ей хотелось хоть на какое-то время полностью оторваться телом и сознанием от всего, что только что ее окружало. У нее даже возникла наивная мысль, что неплохо было бы заблудиться, чтобы как можно дольше побыть одной. Так впечатлительный ребенок, спрятавшийся под стол со скатертью, наивно полагает, что его никто не может заметить... Но когда женщина оглянулась назад, то к ужасу своему увидела громаду города. И она решила больше не оглядываться, а имитировать для себя иллюзию полного одиночества. Ибо, наслаждаясь с мужчиной, не следует думать, что нужно будет вставать с постели и идти в кухню готовить для него еду... Нечто подобное подумала женщина и беспричинно рассмеялась. Но не так, как обычно. А непринужденно, весело и заливисто. Как когда-то, очень давно, в безмятежные годы юности. Видимо, только наедине с природой человек обретает своё истинное лицо...

Под ногами женщины пестрели цветы; в ясном теплом небе неторопливо плыли курчавые белые облака; а легкий свежий ветерок волновал ниву, пригибая высокие стебельки трав.

А где-то там, за рекой, она видела разбредшееся по лугу стадо коров. Эта тихая идиллия действовала на нее так умиротворенно, что она почти перестала мыслить. А все окружающее воспринимала лишь сердцем, которое не желало поддаваться годам, как другие части брэнного тела...

По мере того, как она все дальше углублялась в просторы лугов, то всё яснее и отчетливее улавливала отдельные нюансы природы. Теперь она видела пронсящих в небе стремительных ласточек-

береговушек, порхающих над цветами разноцветных ярких бабочек, парящих яснокрылых стрекоз. И даже открыла для себя, что слышит отдельные звуки и шорохи, непонятные разуму, но приятные сердцу. То была чудная музыка природы, ее консонанс, которому не могли бы завидовать разве что ангелы!

Целиком отдаваясь созерцанию природы, женщина засветившимся огнем молодости взором стала определять названия трав и цветов. Но поскольку школьные ее знания по ботанике были весьма скудными, то пришлось руководствоваться лишь общепринятыми понятиями в определении открывшегося неисчислимого многообразия.

Ромашки и вездесущие одуванчики она определила без труда. А по отношению к желтоголовым, как бы подслеповатым лютикам подумала: "Почему они называются лютиками, а не как-нибудь иначе? Лютые, что ли?.."

И засмеялась, как девочка.

Она не срывала цветов, а снизу вверх ласково проглаживала их слегка загорелой рукой. Она ласкала природу; а та взаимно ласкала ее душу, начавшую черстветь, но еще не зачерствевшую. И в этой обоюдности в эти минуты она любила и себя как неотъемлемую частицу самой природы. Ибо любовь всеильна во всех своих проявлениях...

Неяркие, голубые незабудки смотрелись среди трав как бы застенчиво, виновато. И в душе женщины возникла песня: "...Ты во сне снишься мне незабудкой на светлом лугу". Но когда память добралась до слов: "...Вижу в сумерках я в платье белом тебя. Ты рядом, ты рядом со мной, дорогая, но всё ж далека, как звезда..." - то нахлынувшие ассоциации на миг как бы затмили яркую природу. Она пыталась представить себя в мягких закатных сумерках и белом платье; и того, кому принадлежали слова любви и страданий...

Но ничего из этого не получилось. Лишь на душе сделалось грустно оттого, что слова песни лично к ней не относились. Ибо то, что не испытано непосредственно, весьма трудно поддается тщеславному воображению...

А светлый день продолжал сверкать во всей своей красе; и вскоре женщина уже продолжала петь и смеяться. Она чувствовала себя безгранично счастливой, поскольку совершенно не думала, что такое счастье; и как его следует трактовать в каждом конкретном случае. Ибо всё то, что выдумывает для себя эгоистичное человечество, есть лишь животные удовольствия. Он совершенно не желает понять, что истинное счастье, если таковое вообще существует, так это – полная гармония души и тела. А много ли в жизни встречается минут такой гармонии?..

На относительно ровной полянке женщина замедлила шаги, остановилась, осмотрелась вокруг: не видно ли кого из людей. И вдруг пустилась в танец! Угнетаемое безжалостным городом тело обрело теперь необычайные упругость и легкость и, словно закрученная пружина, искало выхода скопившейся энергии. А что предпочтительнее было для этого, как не маленькая солнечная полянка? И женщина закружилась в каком-то вальсе, сопровождаемом звуками собственных губ. Она выделяла различные па, безудержно хохотала и в эти минуты напоминала прекрасную мадонну, достойную кисти величайшего из художников.

Каждый знает по опыту, что не в меру зарезвившийся ребенок всегда рискует шлепнуться на землю, расквасить себе нос или ободрать колени и руки. Но с нашей зарезвившейся женщиной этого не случилось. Просто она в какое-то мгновение споткнулась об одну из многочисленных неровностей поляны, упала на руку; но в миг падения сделала защитный рефлекс ладонью. А когда поднялась,

словно после гипноза, то больше не ощущала потребности продолжать танцевать. Только что овладевавший ею пыл исчез бесследно. "Ну и пусть!" — как бы сказала ее душа примирительно. Но безоблачного, райского выражения на красивом, тонком лице уже не было. Вдалеке она видела плотную полосу кустов, как бы замыкающих луговое пространство; и подумала, что дальше того места никуда не пойдет. А лишь нарвет большой букет цветов и вернется домой. Но при воспоминании о доме сердце ее тоскливо сжалось, словно при мысли о прежнем заточении. И она почему-то сказала себе вслух: "Ладно. Там посмотрим..."

Теперь она пошла быстрее и решительнее на своих высоких сильных ногах; словно там, за границей кустов, надеялась увидеть нечто для нее необычное, соблазнительное и тайное. Кстати сказать, всякий человек, если он не законченный скептик, всегда стремится открывать для себя необычное в самых обыденных вещах...

Река сделала крутой поворот влево и глубоко врезалась в луговое пространство. Но женщина, видевшая лишь намеченную для себя границу как конечную цель, обратила на это внимание лишь тогда, когда почти наткнулась на кусты и деревья, окаймлявшие крутые песчаные берега.

Такая неожиданность даже ее обрадовала. Потому что она сказала себе: "Ну и что ж? Заберусь в самые густые кусты и буду мечтать у воды, как Аленушка...". И она живо представила себя в позе несчастной девушки с картины Васнецова. Не могла лишь представить себе ее грусти и страданий; поскольку в собственной душе испытывала радость и наслаждение. Ее ноги, защищенные белыми босножками и капроновыми подследниками, давно уже были мокры. Но только теперь она обратила на это внимание; и отметила, что у нее есть причина остановиться на берегу и просушить озябшие ноги.

При жаркой летней погоде болотная вода действовала на ступни ног благотворно, освежающе. Но коль человек внушил себе, что у него озябли ноги, то тело тут же и отреагирует на такое внушение. Ибо даже кошка, целую ночь проторчавшая на морозной улице, тут же ползет в самое что ни на есть тепло, как только хозяева впустят ее в дом...

Полуденное солнце светило женщине в спину; и все краски природы виделись в отчетливых, но полусказочных тонах, из-за дрожавшего от испарений воздуха.

Когда женщина оказалась в тени кудрявой, раскидистой березы, росшей на маленьком пригорке, в стороне от деревьев ив и ольхи, она увидела на противоположной стороне реки всадника. Он вынырнул из-за дальних кустов и теперь галопом пересекал огромную солнечную поляну с отдельными ивами наподобие шатров. Возбужденному сознанию женщины такой пейзаж чем-то напомнил американские прерии, а сам всадник - лихого ковбоя. Каждый впечатлительный человек в тайниках души проносит тот избранный для себя идеал, который не может осуществить, но который постоянно поддерживает в нем смысл и радость бытия. И в исключительных случаях поступает не согласно рассудку и устоявшимся правилам поведения, а согласно своим тайным желаниям...

Всадник был в смятой фуражке, сером хлопчатобумажном костюме и кирзовых сапогах, плотно облежавших крутые бока лошади серой масти. Словом, то был молодой пастух, на скаку высматривающий в кустах отбившуюся от стада норовистую корову. Поглощенный своей прозаической заботой, он не обращал внимание на всё остальное. И не мог видеть какую-то неизвестную женщину на противоположном берегу, думающую чёт знает о чем!.. Но в ней он в одно мгновение пробудил порыв душевных чувств, которые затмили сознание и вы-

плеснулись наружу. В ее глазах он уже стал бесстрашным рыцарем на прекрасном коне; и она бессознательно рванулась ему навстречу. Но поскольку на ее пути была неприступная река с крутыми, рваными берегами, то она побежала вдоль берега, размахивая руками и по-рыбьи раскрывая безмолвный красивый рот.

Она мчалась параллельно всаднику, огибая кустарники; груди ее колыхались под шелковой белой кофтой, и золотистые пышные волосы металась по плечам. Если бы в эту минуту Бог дал ей крылья или же снабдил энергией ног, наподобие кузнечика, то и перелетела, перепрыгнула бы она на ту сторону, как во сне!.. Но тут была сама немоллимая реальность, затуманившая ей голову до нереального состояния. Ах! Какое зрелище могло бы представиться обывателю, привыкшему к зубоскальству и насмешкам над другими, себе подобными! Но поблизости, кажется, никого не было видно, даже одинокого рыбака, терпеливо затаившегося на самой кромке берега и следившего за поплавком. А что же всадник? А он тем временем проскакал через поляну и так же неожиданно, как и появился, скрылся в кустах.

Увидев такое, женщина сделала отчаянный рывок и растянулась на траве, споткнувшись о незначительную неровность. Второй раз за какие-то несколько минут!..

Ладони ее проскользили по траве, а на бело-снежной кофте, где бугрились из-под тугого лифчика мягкие груди, обозначились две яркозеленые, сочные полосы. Слава Богу, что хоть не на спине, где проступают лопатки!.. И минуту-другую она оставалась в неподвижности; и ни о чем не думала. Словно только что вернулась из путешествия по Вселенной. Грудь ее натужно вздымалась, чуть заметно приподнимая покатые плечи; со стороны

могло казаться, что человек только что проделал спринтерскую дистанцию.

Женщина чутко улавливала близкие звуки и шорохи; а всё то, что с нею только что произошло, доходило до сознания медленными толчками. Она находилась в восприятиях слуха и зрения, с любопытством разглядывавшего ползущую по стебельку букашку; а ее телесные ощущения как бы отсутствовали. Потому что не почувствовала, как по рукам, по белым икрам ног сновали мелкие серые муравьи, которым она своим телом преградила их ходы и выходы. Но не в природе здорового, энергичного человека долго пребывать в каком-либо фиксированном положении, наподобие гренландского аборигена... И, подтянув под себя руки, женщина перевалилась на спину. И подложила руки под голову. Ведь недаром же говорят, что самое на свете мягкое – собственные ладони.

Блаженство и покой по-прежнему сохранялись в ее теле; и теперь, вглядываясь в белое облако в ослепительно голубом небе, она слышала всплески рыб в тихой речной заводи, что находилась под кручей, в десяти метрах от нее. По мере того, как сознание возвращалось в обычный ритм, она с начала и до самого конца проиграла воображением свое пребывание на лугу. А, дойдя до последнего момента, истерически, до слез расхохоталась.

Она вспомнила, что ей уже сорок лет, что у нее семья и дети; и что прежнего уже никогда не вернуть... "Хорошо еще, что никто не видел моей дурости! Вот бы сраму-то было! Ой, Господи!.."

Но, вопреки здравому рассудку, всё же думала, что поступила хорошо. Ибо в душе не чувствовала стыда и угрызений совести. И она решила, что о случившемся никому и никогда не расскажет. А светлые минуты этого дня пронесет через всю оставшуюся жизнь!..

"Улетел мой журавль..."

* * *

Анне Гусаровой, няньке

Простое виденье лошадки
Вдруг растревожило меня,
Ее прически профиль гладкий,
Бугристый круп, как у коня,
И хвост живой, а не мочалкой,
Косящий глаз на удила,
Она являлась то качалкой,
То на колесиках плыла,
Размером с молодого дога,
Чуть приглушенный стук копыт,
Меня бесило в ней немного,
Что эта лошадь не храпит,
А гневный храп ей был бы кстати,
Я помню мощь ее и рост,
Она скакала вдоль кровати
И нервно вскидывала хвост.
Меня по улице возила
Кривая нянюшка на ней
И тем в смятенье приводила
Кобылок местных и коней
На площади на Театральной,
А я в седле, как генерал,
Сидел надменный и печальный
И мир свистулькой попирал.
Куда девалась лошадь эта? —

Тот совершенный, дерзкий плод
Умельца с замесью поэта
По имени Петров или Клодт,
Неровная ее натура
Могла рвануться к небесам,
Но вдруг ее я бросил сам? —
И кляча отползла понуро.

* * *

Как слюда за волною,
Как за пробкой мышьяк,
Кто-то стынет за мною,
Жизнь влача на паях
Не напарник, не призрак,
Не сдвоение "я",
В недостроенных избах
Он уютится как я,
Но не дышит в затылок
И не дует в очки,
Повисит на стропилах,
Расширяя зрачки,
И исчезнет, изыдет,
Взроет ямку в песке,
Глаз ослепший увидит
Кровь мою на виске,
А песок шелохнется
И затихнет, замрет,
Кто-то в избах проснется, —
Вздых замрет и умрет.
И опять станет тихо,
Снова стынет спина,
Спазм внезапного крика
Подпирает стена.
В хилой комнатке тесной
Над песчаной пургой
Спит журавль небесный
И качает ногой.

* * *

Разбитая бутылка на столе,
Размытое пятно на потолке,
Окончен ужин, спит парад-алле,
Чужая милость дремлет в уголке.
Среди стаканов, студня и цветков
Скольжу, как по канату, в полутьме,
Закончен бой, блуждает вой рожков,
Спит божок на шелковой тесьме.
Витки теней, и я среди теней,
Как тень, иду, как мотобот по льду,
Сбит бой часов, и месяцев, и дней,
Ищу секунду - видно, не найду.
А я ведь Вас любил, - шепчу углу, -
Вы помните, как мальчика трясло?
Вы вспомните: матрасик на полу,
Я помню год, и месяц, и число.
Лебяжий пух катился из дверей,
Ломилось солнце и густел прибой,
И сумерки - прозрачней и светлей -
Сгушались надо мной и над тобой.
Как это просто - дремлет грудь в руке,
Пустой, как берег, дом, как камень - стол,
Протяжный выкрик сойки вдалеке,
И некто резко
 в комнату вошел.

* * *

Снег валит на замшелый брег,
На облака,
Мне рубль выслал человек
Издалека,
Иль Бог, купюру теребя,
Швырнул с небес,

Где без меня и без тебя
Тоскует лес.
А вдруг от окрика совы
Я смял плечо
И часть хребта, часть головы...
Чего ж еще?
Во вмятине – варить супец,
Ходить в лабаз...
Какой же, в сущности, конец,
Ласкает нас?
Подмости сцепленных лучей
Прожекторов,
Или агония свечей –
Без докторов?
Меняет лед простой узор –
На заказной,
Но нет, не взлет и не позор –
Не быть со мной,
Круженье в воздухе рубля –
Как винт крыла,
Слегка шатается земля
Под скрип седла,
Твоя рука – подобье пут –
Лежит, дрожа,
И лаской многие сочтут
Удар ножа.
Звук вдруг становится пустым
В твоих устах,
И рубль, падая сквозь дым,
Сулит пятак.

* * *

Невиденный проспект слегка коснулся
И оттолкнулся ото лба назад,
И, восприимчивый, как пруд, качнулся
Невиденный и почерневший сад.

И две фигуры – цербер и гетера
Хотя б на всплеск – не совокуплены,
Не плоти напряженье, но химера,
Но сопряженье выгнутой луны
С упавшими внезапно облаками
И с куполом в надземной вышине,
Где тень, темна, лежит под потолками
За шторами – сокрытая луне.
И город этот будто бы припаян,
Прикован, как кольцо во пасти льва,
И всадник на кобыле – неприкаян:
За крупом – тьма, а впереди – Нева.

...Но это только видимость, лишь шутка,
А проще – засветить зрачок в окно.
Плывет Москвою Осипова утка,
Это сейчас,
А было – так давно.

* * *

Иногда закрывала ты дверь с ужасающим скрипом,
Оставляя меня то с одной, то с другой стороны,
И любая из них моим наполнялася всхлипом,
Еле слышимым, или смешком тишины.

И в любой из сторон я ютился, едва замечаем,
Был мельканием глазу, или мельканьем душе,
Я сгорал, как ворсинка, но твой угол был
неосвещаем,
Я, как мышь, обмирал на двухсотом чужом этаже.

Тень бродила прихожей, я видел ее через доски,
Или рядом стоял, – тень бродила, вздыхая, одна,
Ты одна и была в той прихожей, в расплавленном
воске,
Словно водоросль, колыхаема ветром со дна.

Плыло облако с Мойки, ломилось в протертые
двери,
Уминалось, сползало, плесневело, текло по стене,
И катился комочек слезы отраженьем потери,
Не даримой вчера, но внезапно подаренной мне.

Улетел мой журавль. Твоего никогда я не видел.
Опадал лепесток сквозь листок и сквозь снег на
дворе,
И зеркальный обман был и в луже и в воздухе
светел,
Относя меня вдаль, за незнанье тебя в сентябре.

Этюд о ненависти

Дни идут колонной демонстрантов...

Из стихов моей матери

...мама, ну куда ты меня тащишь, так ведь и упасть можно... вот – споткнулся, и совсем не нарочно, не надо так дергать за руку, я же иду, иду... нет, я просто бегу и никак не оглядеться, а кругом так красиво, какие флаги повсюду, красные, белые, синие – прямо в небо... мама, а почему столько флагов? Ну что ты элишься, что я такого спросил, не буду, не буду... а вот – слышишь? – музыка! Ой, ни за что не побегу – ты посмотри, как все шагают, а мы почему... и главное, в такую узкую улочку – тут же никого нет и музыки почти не слышно, ну хоть остановились...

– Ты замолчишь наконец, дрянь ты маленькая? Ты соображаешь – раз мама спешит, значит надо! Ты жить хочешь, паршивец?

– Но, мама, я ведь иду... а куда мы идем?

– Не твое дело, дурачок несчастный, куда надо, туда и идем... идем, куда надо. Вот придешь – и увидишь...

– Мама, а где папа?

И опять не ответила, опять скорей за руку и чуть не бегом... мама, а когда же придем? И дом наш совем не там... ну, не сердись, я просто так сказал, это точно – что сейчас дома делать, когда на улицах так красиво, а дома все перевернуто, будто для большой уборки, и как появимся, так и нач-

нется: вот это туда, а это сюда, вот тут вытереть, а тут вымыть. Но ведь перед праздником всё как раз делалось – только что... И где папа? Утром схватились, кой-как оделись (нет, мама была уже совсем одетая), побежали... мама, он нас где-то ждет? Поэтому так бежим, да?

- Да-да, заткнешься ты наконец?

За что же кричать, что я такого... мама, ты плачешь! Почему? Говоришь, нет, а слезинка капнула... ой, ну, конечно, мамочка, я молчу, а хочешь – побегу, ты только покажи куда, а вот посмотри – кто этот дяденька на всех портретах, а там дальше и во весь рост, и лицо такое доброе, а ты и не знаешь, кто это...

- Знаю, дурачок. Великий Вождь. Вот у него и спроси, где твой папа.

- А мы сейчас к нему пойдем?

- Нет, мы не к нему... да неужели ты сегодня не замолчишь?

...опять куда-то чуть не бегом, и еще ладно, что холодно: ветер так и просвистывает, а то бы просто взмокли. Но что удивительно: солнце светит – а вокруг портретов лампочки горят – почему?.. Да, там, за домами, все празднуют, а мы-то здесь, где никого нет... Ну вот, наконец: сколько людей сразу, только музыка уже кончилась. Зато как все одеты, и над головами сколько всяких... мама, как это называется?.. ну, мама, а вот на этом что написано? "Слава Великому Вождю"... а вот на этом?.. Кого ты там увидела?

- Вера! Веруня милая, вот удача! иди сюда, скорее... Да ладно, потом догонишь, успеешь... ну надо, значит! Очень надо... да нет, вот сюда давай. Ну, значит надо, раз прячусь.

- Да что с тобой – прямо лица нет! Малыша вон, смотри, вконец затаскала. Вы что – отца что ль потеряли?

- Взяли отца.

- Ка-ак?

- Взяли. Сегодня ночью. Пока этот вот спал.

Что такое с тетей: тоже лица нет! Что сегодня сделалось, почему так всё утром было в доме... где папа, почему "взяли", и скоро ли... мама, а почему папа... ну, хорошо, я не буду мешать, ты только не плачь, а то тетя ничего не поймет, я вот ничего не понимаю, только что-то неладное между нами, что-то такое... даже тетя Вера так смотрит, что страшно становится, потому что ей самой страшно... такие большие, взрослые - им-то чего бояться!

- ...у мужа спрошу. Только не стоит, я думаю... Ты подожди. Ты возьми себя в руки.

- Ой, Верка, да ты ли это? "Названные сестры", подружки детства, друг у друга в доме жили... да ты знаешь, кто ты такая! Да поди ты...

- Да погоди, постой, дай сказать. Я же лучше предлагаю... ну вот ты подумай: долго вы у нас сможете прятаться? И главное - от кого! Да они вас, если надо, и на краю света сыщут... а про нас ты подумала? Нет, я не против, я только...

- Вот так бы сразу и говорила, что плевать тебе и на "сестру", и на малыша, и нечего тут больше... пошли, сын!

- Дай стой ты, ненормальная! Ты остановись на минутку - ну, куда ты бежишь?

- К тебе я бежала, сдуру...

- Так слушай, что я скажу. Коли бы ты им была нужна - они бы тебя сразу взяли, вместе с ним. Что, не так? Нет, ты мне только по совести: ты ничего такого за собой не чувствуешь?.. Да погоди, я-то тебя знаю... и вовсе я ничего... да я не потому... да стой же, дура заполошная! Послушай до конца, а там как знаешь. Так вот. Не надо тебе никуда скрываться, еще хуже будет - еще на тебя и подумают. А ты вот сразу после праздников иди в суд, требуй развода, откажись от него, фамилию себе

перемени и, главное, малышу – и ничего вам не будет.

– Ну, Верка, ты и погань. Ну, не знала я раньше...

– Ладно, погань так погань. Но ты всё-таки сделай, как я говорю. Ему уже ничем не поможешь, а ради малыша – надо. Понимаешь – надо! И приходите вы к нам и живите, сколько хотите...

– Ой, спасибо, удружила... запомню... идем, сын, идем, нам еще на вокзал надо успеть.

– Ой, дура ты дура. Опомнись, одумайся, успокойся, домой идите, ничего вам не будет.

– "Чужую беду – руками разведу"? Всё, сгинь, сука ты... чтоб тебя век не видать!

– Не надо, не надо, о сыне-то хоть подумай.

– Да уж подумаю как-нибудь без тебя!

...и снова хватать за руку и опять бегом, а тетя Вера только головой покачала, да так и осталась стоять... здорово мы ее, скрягу такую! Мама, а куда же теперь – на вокзал? Вот интересно! А куда мы поедем? Почему – никуда? А зачем тогда...

– А затем, что я сейчас в этот погром не могу, понял? И запомни: нет у тебя отца и никогда не было, понял? И если тебя спросят – так и говори! Понял?

И такие глаза... нет, лучше ничего не говорить... но если ты так хочешь...

– Я понял, мама.

* * *

Моя мать сошла с ума! Ругать Великого Вождя... И разве нам так уж плохо жилось? Ведь всё образовалось, и жили в той же квартире – вдвоем в двух комнатах. И с работой у нее... как-никак была работа. И мои дела в школе – пускай не отличник, зато из самых старательных. А друзей полон двор,

и никому нет дела, чей отец там за что-то когда-то... "Сын за отца не отвечает" – это Великий Вождь сказал. И пусть мы всегда голодные – зато как весело, когда целая улица друзей!

Да, если бы не проклятый голод... Ведь когда на обед какая-то похлебка (горох ли? крапива?) да кусок черного хлеба – кто ж его доедает, чинно восседая за столом, – конечно, только на ходу, конечно, поскорее вылететь на улицу и, лишь наскочив на дружка, шалыми глазами впившегося в корку в твоих руках, спохватиться...

– Отщипни немного...

Что ж, и самому ведь доводилось так просить... и это еще не крайний случай. Крайний случай – когда счастливый хозяин объедка торопливо запихнет его в рот и, давясь, оправдывается:

– Да я уже в рот взял.

– Ну, дай из роту немного...

Твоя воля: давать – не давать. Не дашь, никто не осудит: значит, тебе нужнее. Но по интонациям, по блеску глаз, по замороженным движениям всем видно и слышно, кому нужнее. И кто ты такой, узнается скоро. Да и что за расчеты, всем надо перебиваться. Сегодня ты, завтра я... ничего, как-нибудь все вместе!

...а тот случай, когда девчонка из Баронского дома, дочь директора магазина, пичкала воробьев сладкой булкой! Наверно, все тут собрались, всей ватагой (впрочем, не спеша, как бы между делом) посмотреть. И эта разряженная кукла... нет, ничего не сказать, красавица: какие раскидистые кудри, какие ясные глаза на смуглом личике! И небрежной золотисто-загорелой ручкой она коверкает этот волшебный завиток с изюмом и швыряет кусочки в придорожную пыль – не кому попало, а тем, кто больше понравится... и воробьи слетелись, наверно, со всех ближайших дворов! А мы стоим – и молчим. И она первая не начинает. Что ж, у нее своя компа-

ния в другом мире – мы их видим иногда, подъезжающих в легковых машинах погостевать к Баронскому дому, единственно шикарному меж старых казарм да новых бараков... И наши девчонки, замызганные, в лохмотьях, стоят, как мы, и молчат. И только на одного нашего мальчишку мы стараемся не смотреть: это он в последнее время всё чаще просит "из роту". Но и он молчит, глядя на нее во все глаза... И когда булка у нее в руках кончилась, когда воробьи дрались из-за последних крошек, и она, потерев и похлопав ладошки, с дружелюбным интересом уставилась на нас, мы вдруг поняли, что она просто-напросто ничего не знает, она даже не догадывается, чего это мы сбежались, самозабвенно воображает: не иначе, из-за красивого зрелища – как же, такая барышня кормит пташек! И мы повернулись и пошли по своим делам, кому пятнашки, кому прятки, кому футбол, а она осталась стоять, недоумевающе глядя нам вслед...

Ну да что – мы! Кое-кому и похуже, это беженцы... откуда их столько – и пожилых, и молодых, и детей, но все на одно лицо: согбенные, старобразные. Вот кому и деваться-то некуда, или на вокзале ночуют, или в подъездах, и слова не вымолвят, когда их гонят. Прибежали к нам спастись от Голода, думали, у нас лучше... И несколько их не жаль, нам в школе всё объяснили: у них там завелась вражеская рука, а они и поддались на провокацию. А надо было не создавать паники, работать что есть сил, бороться с саботажниками. Во всех газетах напечатано про мальчика, который отца не пожалел – саботажника, прятавшего хлеб от народа. Взял да и сообщил куда следует – а его за это убили враги. Но и они понесли заслуженную кару. И если бы все вот так, как этот герой – давным бы давно никакого голода! Но слабакам подавай легкий путь... что ж, вот вам и "легкий путь", чтоб знали в другой раз. Впрочем, Великий Вождь пом-

нит обо всех: будет вам со временем и работа, и жилье. Сразу-то с такой прорвой не справиться. У кого есть возможность, помогают. Вот и у нас с мамой: как-никак лишняя комната...

...и только ли комната? А сколько было ненужных вещей... хотя это мама решала, что нужно, а что нет: сам бы ни за что не расстался со слишком большими пиджаками, брюками, рубашками, еще, кажется, хранившими теплый, незабываемый запах... но в самом деле: чего им зря висеть, пока вырастешь, сгниют - а так, глядишь, еще кому-нибудь послужат... Зато на обед потом и яйца, и масло, и всяческие фрукты - это мама любительница - и даже мясо! Уж за него-то ничего не жаль, даже книги... А какие книги! Сверкающие глянцевой бумагой, ослепляющие многоцветьем картинок, помнящие прикосновение той самой руки... да только ли книги помнят это прикосновение! Но это уж ни к чему, всякие "сенти-менты" - чем меньше воспоминаний, тем легче. Богатство дело наживное - будем живы, всё будет. А вот и книжный шкаф исчез, зато появилось зимнее пальто. А очередь уже за письменным столом - и появились кожаные ботинки для футбола, да жаль, недолго прожили. А теперь - платяной шкаф с зеркалом... ну, что ж, маме виднее, это точно: много ли нам надо, ведь и жить-то давно переселились в маленькую комнату, еще тогда... нет, после того, как помогавшая по хозяйству бабка - ее называли "домработница", и она ночевала в моей комнате - да, после того... Ну, разве не смешно: сбежала бабка и даже за деньгами не объявилась. А большая комната так и стоит почти что пустая. Вот где раздолье поиграть в солдатики да просто так покрутиться! Но раз этим беженцам нужно... и главное, они ведь платить будут. А деньги тоже нужны: много ли зарабатывает санитарка в больнице? Кто-то сострил, и все передавали на ухо: "столько платить санитаркам - значит поощрять

проституцию". Неясно, правда, что за "проституция": спросишь – все только хихикают, зато здорово сказано!

Что ж, вот они, квартиранты: муж и жена, евреи, оба врачи, такие же тихие, молчаливые, как все беженцы, такого же непонятного возраста, с неведомыми мыслями, с угасшими глазами. Да их и не видать: день за днем с утра и до ночи на работе, а когда придут или уйдут – даже не слышать. И в "своей" комнате всегда так тихо сидят... спят, что ли, когда не работают? Ну, и чёрт с ними, не хотят знакомиться – и не надо. И мама с утра до ночи на работе – совсем один, когда в школу не ходишь.

А все-таки интересно, как они там устроились? Заглянем-ка от нечего делать днем... да, не слишком богато: две казенные раскладушки, накрытые казенными одеялами, наши два стула и прикроватная тумбочка – это она у них вместо столика. А ну, что там внутри?.. Вот это – да! Меж кусков хлеба и еще чего-то – вскрытая банка. "Сгущенное молоко"!

...и не вспомнишь, когда пробовал, а ведь это... аж за ушами свело... и она тяжелая, значит совсем полная. Можно пальцем отогнуть крышку с острыми зубринами – видимо, столовым ножом открывали, и вот оно – белое, густое... а запах! Никакой мед не сравнится... Вот и чайная ложка лежит – ну, за чем дело? А вот за чем: это всё чужое.

Но они даже дверь не закрыли! И никто не говорил, что нельзя. И раз с нами вместе живут и нашим же добром пользуются... Нет, лучше все-таки дождаться, пока придут, и попросить. А вдруг откажут! Еще и обругают: зачем лазил? А хоть и не откажут – дадут пол-ложечки, ну что с этого... А если сейчас попробовать, а потом сознаться, попросить прощения, сказать, что больше никогда...

И как же остановиться, начав такое... Да! – вот чего не хватало желудку и всему телу... главное –

жить! Но стой же, стой – уже и дно близко, оставь, может быть, не заметят?

И какой страшный вечер до того самого момента, пока все встретились на кухне, а сам прятался в комнате – заметили? скажут? Вот мать – такая, как всегда после работы, измотанная, но умиротворенно размагниченная: наконец-то дома... А вот после тихого, какого-то приниженного разговора внезапно напрягшаяся тишина и жгучий всплеск маминого голоса: "Да я его, гаденыша!..", и торопливо журчащая речь, сразу два голоса, мужской и женский:

- ...вы только не волнуйтесь, это ничего особенного, это у всех детей... а потом проходит... знаете, ведь мальчик растет, естественно... и потом такое время, вы же понимаете... нет-нет, мы бы даже не сказали, просто у нас сейчас такое положение, понимаете, только получили аванс... да вы не беспокойтесь, нам ничего... нет, вы Бога ради ничего ему... да он и не виноват, это мы сами...

- Ой, что вы мне тут... был бы у вас ребенок – вы как?

- У нас девочка была... не уберегли...

- Ну-ну, разберемся сейчас.

...и едва успел отскочить от двери – она на пороге, потемневшая от гнева... и даже не взглянув, ничего не спросив, всё видя и всё понимая, ни слова не проронив, лихорадочно начинает рыться по всяким закоулкам, сумкам... ничего не найдя, вылетает на кухню, что-то там с шумом разгребает... опять возвращается, стоит задумавшись... вот взгляд ее находит шифоньер, вот она бросается к нему, выдергивает один за другим ящички, выхватывает наконец какой-то предмет и устремляется к квартирантам... и снова поспешная, жалкая речь, провожающая ее до самой двери, а потом – какое молчание! – надолго, надолго...

А утром, когда все ушли, выясняется, что это был за предмет: это ключ. Дверь в большую комна-

ту заперта. Просто невероятно: до сих пор и не замечал, что в ней есть замок... И от кого! В собственной квартире – от хозяина. Ну-ну, погодите, вы еще не знаете, вы еще узнаете. Чего только нет у ребят! Сбежать, покопаться в скопище хлама – и вот она, кучка всевозможных ключей, когда-то и кем-то потерянных, искореженных... Принести все домой, потыкать в скважину один за другим: этот входит, но не поворачивается, этот вертится, но не открывает, а вот – замок щелкнул, дверь отворилась...

Ну – и что теперь? Самое умное – закрыть снова и утешаться сознанием, что можешь ведь в любую минуту... А они-то думают!.. Нет, раз уж вошел, надо хоть посмотреть, что там, в тумбочке?

...и всё повторяется. Просто невозможно удержаться: они раскупили вторую банку!.. да стой же, остановись, меньше половины осталось... и нет сил уйти... уже с порога воротился: еще один только глоточек, маленький-малюсенький... ну всё, всё! Теперь бы только дверь заперлась! Поворот, еще поворот – какой ужас, этот ключ, похоже, только отпирать умеет... а если кто сейчас войдет! Ну, еще раз, еще... вот – чьи-то шаги... еще раз... всё! Защелкнулось.

Нет, никого нет. А до вечера так далеко. Если бы всё вернуть, сделать как было. А ведь там сколько-то осталось... Может, зайти еще раз, семь бед – один ответ, доконать уж всё до конца? Вот она, запертая дверь, и вот он, ключ. Войти? Не войти? Не войти...

...а вечером... ну, почему, почему ничего не происходит! Нет, так ведь нельзя. Скажите же хоть кто-нибудь что-нибудь! Тишина, усталые шаги, молчание.

А потом они съехали с квартиры. Но им как будто где-то дали жилье. И больше никто не поселился... Ну, и хорошо. Быть хозяином в своем доме – что лучше этого! И мать теперь сама почему-

то решила перебраться в большую комнату: "Ты уже вырос, пора привыкать к самостоятельности, и в домоуправлении говорят, мол, комната у вас лишняя, а квартира, между прочим, служебная"... И не договаривает. Ну, и пусть. Не это главное. А главное - в школе такие дела! Сына "врага народа" принимают в ряды славнейшей детской организации... "За хорошие успехи и примерное поведение" - значит, есть на свете справедливость! Какой восторг, когда в Доме культуры едва ли не весь город, и там, в зале - самые известные, самые знаменитые, а тут, на сцене, между портретом Вождя и занавесом - новички, которым сегодня... нет, не стоит и гадать, - ведь уже вот-вот... И какие все сейчас похорошему умные, добрые, даже те, с кем иной раз и подраться случалось. Но лучшие сегодня - это девочки! Как черно-белые птички, в одинаковых, уютно пахнущих глаженьем юбках и блузках, - а до чего все разные, ошеломляющие элегантным движением, мимолетным взглядом, удивительной улыбкой. Ведь во все остальные дни они - в своей, женской школе, мы в своей, мужской, и даже игры во дворе как-то постепенно разделились, и компании у них свои, и разговоры... а какие интересные должны быть разговоры, но не подслушаешь: чуть заметят - смолкнут, и убирайся восвояси, прикидываясь, будто случайно, по делу тут оказался. Да, счастлив тот, у кого есть сестренка, хоть и делает вид, будто совсем этого не ценит. Впрочем, и его, как видно, держат на расстоянии, ибо девочка - это загадка из той сказочной страны, что вот - совсем рядом, а попробуй-ка войди! Но если войдешь, если разгадаешь - даже умереть потом не страшно. И все пакости, что старшекласники про них болтают, - чушь! И какими они стали теперь близкими, понятными, потому что сегодня все мы... что это будет? Но - "не суетиться!"

Вот уже и выстроены все в два ряда, и послед-

ние приготовления закончены, и конец подталкиваниям и перешептываниям... Приглушенная команда – и дернувшись, поплыли в разные стороны две половинки занавеса, – а за ними провал... Но там, в темной глубине, со всех сторон глаза: улыбочивые и серьезные, любящие и суровые, мягкие и решительные, и все – ожидающие от тебя чего-то, самого главного... Вот и твоя очередь, и ставшие вдруг непослушными ноги непонятно как несут тебя вперед, к предназначенному месту, и вот ты один перед этим залом, перед всем городом: наставленные прожектора, нацеленные фотоаппараты, изготовившийся микрофон... Так вот зачем он, портрет Вождя позади – спокойное, мудрое лицо, уверенные в тебе глаза, как будто стоишь на мощной ладони, сам такой же уверенный, взведенный как пружина – и лишь одно, самое важное, надо сейчас высказать, выплеснуть в эту тишину:

– Клянусь!..

...твой ли это голос звучит на весь мир, чтобы слышали миллионы, или все мы – не маленький, не взрослый, но один *настоящий* человек, возглашающий этому миру также необходимые для него слова, как Долг и Совесть, как Верность и Честь!.. Сколько времени прошло? Или его больше не будет, ибо это и есть – Бессмертие?..

Мама, ну как ты можешь! Так равнодушно, будто ничего и не произошло, открыла дверь, глянула по привычке как будто и не глазами, а темными кругами, не испачкан ли единственный костюм, и опять за вечную стирку... Да, за это платят, только можно бы ради такой минуты... Но едва раскрыл рот – будто ушат холодной воды:

– Ладно, хватит праздновать! В доме жрать нечего, так еще и грязищу развел... ну-ка, переодевайся – и за работу. Как вас там учили: "Быть добросовестным, трудолюбивым, помогать старшим"...

Что ж, это верно: грязи-таки поднакопилось...

Но в такую минуту! Впрочем, и потом она не пожелала слушать. Ну и пусть, всё равно эти будни – они теперь совсем другие... чего уж там – обижаться на мать. Да и дела как будто поправляются: ведь ей с недавних пор, как и врачам – работникам больницы, выдают на дом обед: первое и второе! Каждый день приносит в судках одна и та же толстая девка. Увидишь в окно еще издали, отворишь дверь – всучит, потопчется, глядя напоследок, и уйдет. Ну, наконец-то! С утра ни о чем другом и не думалось... Это – суп, а это – каша. Не очень-то много, зато всё горячее. В кастрюльке с супом прячется что-то похожее на мясо, но когда жуешь, – совсем не похоже... А каша до того вкусная, особенно масло, насилу оторвешься: маме ведь тоже надо оставить... что ж, каши поменьше, зато супа побольше... а где хлеб? Ого, вот опять не заметил, как съел! Впрочем, мама и там, наверно, что-нибудь перехватит? Обязательно надо спросить, только вечером, как придет, будто язык отнимется... Неужели она до того устала, что и разговаривать неспособна! Хлебает остатки супа, глядя в пространство, и молчит, молчит...

Мать моя, за что ты меня ненавидишь? За то, что я такой, какой есть? Да не могу я сдержаться, всё существо, всё тело кричит: еще кусочек! еще капельку!.. а тут еще мясо почему-то перестало в супе попадаться, и каша вся расковыряна... а эта девка... один раз, правда, сказала: "А мяса сегодня не давали", а теперь, знай, торопится уйти... Я для тебя всё сделаю, от всего откажусь – только не от еды! За что этот незамечающий взгляд, это молчание, эта знобящая тишина... не кончится это добром.

Одно утешение – музыка. Целый день, когда ни включи радио – а лучше, когда всё время играет, если мама не выключит, – всё время звенящие радостью хоры труб и властный зов барабана-сердца и теплая мощь мужского баса: "Слава Великому, слава Любимому, слава Учителю, слава Вождю!" И

женские – реки-ручейки, обнимающие, охватывающие радужными всплесками эту скалу, уходящую в небо... Одно утешение: знать, что есть на свете человек, которые всё видит, всё понимает – только не знает пока что о твоей маленькой трагедии, а стоит узнать – обязательно поможет... Но его ли тревожить сейчас, когда кругом такое строительство и столько повсюду врагов, точащих зубы на молодую, едва начинающую жить Республику! Не оттого ли в глубине, под наваждением чуда – затаенное нехорошее предчувствие...

...да, не могло это кончиться добром, и как что-то давно ожидаемое услышал от лучшего друга – старшекласника:

– Моя мать говорит, донос на вас написали. Будут разбираться.

– За что донос-то?

– Ну... как тебе сказать... будто твоя мать гостей принимает.

– Да ты что! У нас – гости! Я до вечера в школе, она до ночи на работе... да у нас и угощать-то нечем!

– Ты, главное, не беспокойся. Нет, значит нет. Разберутся. Просто ваша квартира кому-то покою не дает. Завидуют... А ночью как, тихо?

– Чего?

– Ну... ты ничего не слышишь?

– Да с какой стати!

– Ладно, это я так.

...и смутно припоминается, что ведь и правда, ночью что-то слышалось сквозь сон, как будто кто-то ходил или разговаривал не то за стеной у соседей, не то в большой комнате... но какие же ночью "гости"! Нет, ничего не может быть, ничего не может случиться...

Но случилось. Посреди урока, когда внезапно приоткрылась дверь и весь класс повернулся – но никто не появляется, только чья-то рука, мельк-

нув, манит учительницу, и она, замолчав, поспешно подходит... вот встала на пороге, с кем-то говорит... с директором! – по голосу весь класс догадался, и все зашевелились: что могло произойти?.. И она, обернувшись, показывает пальцем: да, – вот ты! подойди-ка. И мягко выставляет рукой за дверь и тут же закрывает ее. Точно: сам директор, почему-то нервно потирающий лысину, и еще кто-то.

– Так... Ты вот что. Давай-ка сейчас отправляйся домой – мать заболела... немножко. И можешь в школу не приходите... пока, – и, оборотясь к сопровождающему, – он мальчик дисциплинированный, я за него ручаюсь.

Тот определенно повертел головой.

– Ладно, идемте, займемся документами. А ты беги домой – но чтоб больше никуда, понял?

...чего ж тут не понять... в жизни так не бегал! Так что же всё-таки с мамой? Она опять сегодня не вышла на работу, уже второй раз... но она сказала не надо, вроде отгул какой-то... И вдруг – заболела! Что же такое, почему даже в школу сообщили... скорее, скорее, теперь уже близко, если что-то случилось, то вполне можно успеть...

Но опоздал. Толпа и ребят, и взрослых, остолбенело глядящих на черную машину, и какие-то солдаты или милиционеры, скручивающие маму в три погибели, и никак им не впихнуть ее в эту машину, а в сторонке два санитары в белых халатах, как-то виновато опустивших большие руки, и надо всем – надрывающийся, хриплый... нет, не может быть, это не мамин голос!

– ...кровопийцы! Людоед ваш Великий Вождь! Людоед! Кровоп...

...и броситься бы на помощь – но ведь такого не может быть: такие слова никто... это не мама, не ее голос, это не ее ударили сейчас досадливо, будто невзначай – но она разом смолкла и обмякла в зашпешивших руках... И машина вдруг срывается с

места и исчезает в конце улицы, только страшный Голос, как ржавый гвоздь, пропоротивший в памяти кровавую борозду и засевший навсегда, еще торчит, впившись...

- Ну, чего встали? Расходитесь, расходитесь... А с тобой, мальчик, нам надо поговорить, заходи-ка в дом. Я сейчас... Ну, так как, граждане, долго еще будем толочься?

Это "домоуправша". Маленькая, вся какая-то серая, будто запыленная, но с навечно прилипшей улыбочкой, на которую никто не отвечает, такая она ненастоящая. И пряча глаза и отворачиваясь, все потихоньку разбредаются... Но что творится дома - как будто всё выворотили наизнанку: здесь раскиданные книги, там порванные тетрадки, все дверцы распахнуты, все шкафчики выдернуты - а ведь так уже было... Но тут "домоуправша" заходит вслед и по-хозяйски сдвигает сваленное на столе в одну кучу, освобождая место для потасканной папки с какими-то бумагами. Побегав взглядом, подвигает себе ближайший стул, брезгливо смахивает с него на пол мамин халат, поднимает палец:

- Возьми, мальчик, стул. Садись. Нам надо поговорить.

И сияющие как ни в чем не бывало глаза гипнотизируют, дают, понуждают делать то, что не хочешь, - а не хочешь делать все, что она говорит.

- Видишь, какая беда. Заболела твоя мама. Лечить ее будут. И наверно, долго. А тебе ведь учиться надо. Жить где-то надо.

- А я учусь. А жить буду здесь.

- Ты погоди, не перебивай старших. Жить здесь тебе нельзя, потому что ты не взрослый, нашим работником не являешься и ответственным квартиросъемщиком быть не можешь...

- Да почему! Это наш дом, мы здесь всегда жили...

- А ты не упрямясь. Тебе как лучше хотят.

Кормить-поить кто тебя будет, пока мамы нет? Вот она вернется - и будете опять здесь жить. А пока, на время, надо в детдом.

"Детдом"! Много ли слов страшнее этого?.. Нет, надо что-то побыстрее сообразить, что-то сказать так, чтобы убедить, доказать...

- Я сам себя кормить буду.

- Это как же? Воровать, что ли?

(Знает! Или нет - ведь больше ничего не говорит, только улыбочка всё шире да шире...)

- Нет, я работать буду.

- Да кто ж тебя возьмет, без паспорта? Слушай, милочка, у меня ведь времени нет языком тут с тобой растабарывать. Вот у нас тут недалеко за городом, совсем недалеко, хороший детдом, и директор самый добрый, и воспитатели прекрасные. Поедешь?

- Нет, я лучше тут буду жить.

- Да не будешь ты тут жить! Ну что - насильно что ли везти, с милицией?

- Да почему не буду?

- Потому что и семья уже есть, которая давно на очереди, потому что их пять душ, потому что...

- А что - я с ними не могу?

- Не положено. Да им и своих оглоедов хватит. Так и сказали. Сколько ждали, смотрели - мало ли, иной раз и порядочная женщина... Но уж чтоб еще и болтать такое!.. Словом, давай-ка закругляться. Вот бумага, подписывайся - и упаси тебя Бог потом, если вздумаешь... Ладно, сегодня еще тут переночуешь, а завтра зайдет за тобой сопровождающий - и поедете. И очень даже хорошо тебе там будет, а уж как интересно! Лучше, чем тут.

...уже и бумага перед глазами, и никак не вчитаться... всё-таки что же там написано? Уже и перо в руке, и никак не решиться...

- Ты пойми, что так надо. Ты понимаешь, что так надо?

- Понимаю...

Великий Вождь, я пишу это письмо Тебе, но я его пишу для себя. И я его не отправлю, потому что уничтожу... просто пишу потому, что пора, наконец, осмыслить свою жизнь, расставить по-порядку вопросы и ответы, проблемы и решения, вступить на единственно правильный путь. А иначе – как жить?

Итак, тысячелетия прошли с той поры, как Человек, отделившись от животного, начал ощупью свой многострадальный поход из Тьмы Необходимости к Свету Свободы. Неисчислимы жертвы, понесенные по дороге. Миллионами жизней платило человечество за опыт, за право подняться на очередную ступеньку грандиозной пирамиды Прогресса. Миллиардами судеб оно платило за заблуждения, которые понуждали его шарахаться то вправо, то влево, то вниз, но никогда – навверх.

Сколько будд, магометов, исусов отравляло народ хитроумным словоблудием, изошренными фокусами, посулами то райской жизни на земле, то царства Божия на небе! Сколько их, последышей, попользовалось человеческой добротой, жаждой счастья, доверием! А в награду? – религиозные войны, застенки инквизиции... Да будь он взаправду, этот "Бог", – разве могло бы продолжаться столетиями ежечасное, ежеминутное издевательство над теми же "божьиими заповедями", над лучшим и святым, чем велик Человек!

Но настал день, когда хоть и неровное, но поступательное движение привело-таки человечество на вершину, с которой уже можно разглядеть судьбоносные дали и коварные пропасти. И явился Гений, который объяснил нам нас самих, и прошедшее безумие, и грядущее царство разума. И открылось, что история человечества до наших дней была лишь предысторией, первоначальным накоплением, закладкой фундамента, на котором теперь и будет

воздвигнут настоящий общечеловеческий дом. Ибо уже и наука, и техника воплощают в реальность самые дерзновенные мечтания, делают былью самые чудесные сказки.

Но как могли паразиты, веками сосавшие народную кровь, убраться с насиженных мест по доброй воле? Борьба не на жизнь, а на смерть, пытки и казни – чего иного могли ожидать смельчаки, пожелавшие лучшей доли не для себя – для других! И запылала Революция, и явился Вождь – не пророк, не полубог. Такой же, как мы, простой человек, прошедший суровую школу жизни, но не сломленный ее тяготами, а целеустремленным самовоспитанием сделавший себя первым среди равных. И он повел народ на штурм, и рухнули неприступные с виду, но прогнившие твердыни, и сравнены с землей были церкви и тюрьмы, дворцы и притоны, и на их развалинах началось возведение нового мира.

Однако чьими руками строить этот мир? Ведь все мы пришли из прошлого: кого только нет среди нас – обыватели и проститутки, уголовники и святоши, недоумки, отщепенцы, жулье... И даже достойнейшие из нас, революционеры, провозвестники нового, отважные борцы за свободу, – много ли их и разве они ангелы во плоти? Былое не только позади нас в развалинах, оно в наших душах – пережитками, предрассудками! И сколько еще надо пронизательности, мудрости, предвидения, чтобы из этих обломков построить прекрасное здание... И не потому ли зовется наш Вождь Великим, что он, как настоящий хозяин, расставил всех по своим местам и доверил каждому ту часть работы, которая ему по плечу. Пусть лучшие возьмут на себя наивысшую ответственность: наша армия и дипломатия, наука и техника, образование, искусство – всё должно быть в надежных и честных руках. Но и для худших найдется дело: изоляторы и лагеря, а среди

прочего и детдома, и школы-интернаты для детей врагов народа...

И нет у меня злобы против вас, я не благодарю, но и не проклиная вас, садисты-"воспитатели", избивавшие нас ради развлечения между пьянками, вас, душевнобольные "учителя", читавшие по складам учебники вперемежку с матом. Я не хочу вас помнить, дубины-"врачи", разводившие руками, поглядев на то, что мы собой представляем, и преспокойно возвращавшиеся к своим домашним заботам, я не знаю вас, паразиты-"повара", стряпавшие из того, что никто не пожелал уворовать, такие смеси, что отказывались свиньи, которых откармливали обок с нами, но не для нас. Пусть другой тебя судит, жадюга-завхоз, обиравший нас до нитки в зимнюю стужу, и тебя, палач-директор, загнавший не одного из нас в могилу или в тюрьму. Не всем довелось выжить. Мне - повезло...

И я говорю, что есть худшие, чем вы. Это - враги своего народа, продававшие своих братьев и сестер, своих собственных детей, торговавшие их счастьем с нашими ненавистниками. "Люди", если их стоит так называть, задумавшие лишить человечество светлого будущего! Я проклиная вас, отец и мать, и отрекаюсь от вас. Великий Вождь! Ты мне отец и мать, ты друг и учитель, ибо ты не Бог, который неизвестно где, который не видит, не слышит, не отвечает, - ты Человек, который всё способен понять и которому можно все доверить. И я доверяю Тебе свою мечту: я хочу быть Твоим воином.

Ибо там, за рубежами нашей цветущей Родины, властвуют еще душители собственных народов, огражденные штыками от их справедливого гнева, ослепляющие и оглупляющие чудовищной ложью общественное сознание. Это они выискивают среди нас, среди тех, кто послабее, агентов: шпионов и диверсантов, обливают грязью любые наши достижения и исподволь готовят нападение, проверяя

крепость наших границ беспрестанными провокациями. Обреченный Историей на гибель, разлагающийся мир отравляет жизнь не только своим узникам, но и нам, уже вступившим в Рассвет, — так можем ли мы ждать, пока он издохнет и сгниет сам собой, заразив и погубив массы неповинных людей! И я, одолев наконец мою нелегкую школу, принимаю решение: моя судьба — военное училище. Только бы взяли, только бы доверили знания, что станут для Родины важнее других, когда столкновение окажется неизбежным.

Пускай ведут нас в последний и решительный бой Твои прославленные полководцы! Наша победа так же predetermined, как восход Солнца, как всеобщее братство на Земле, как вечная благодарность грядущих поколений нам — последним жертвам старого мира и первым гражданам нового — тем, кому выпадет жить. А кому нет... что ж, есть ли высшее блаженство на свете, чем умереть за Вождя! Да, я хочу, я счастлив умереть за Тебя, мой любимый Вождь!

Всё сказано, всё ясно, всё решено — почему же она не проходит, эта мутная тоска, почему застит сердце ядовитым туманом, почему не можешь, как все, радоваться, не способен даже улыбнуться в ответ сияющим лицам современников, глядящих отовсюду с экранов, с обложек журналов, с газетных страниц... Но пусть. Так ли она важна, боль одного человека перед счастьем всего человечества...

Ведь главное, чего так жаждал всю жизнь, свершилось: тебя принимают в свои ряды настоящие люди, строители будущего. И пусть нелегки они, рабочие смены, — но как отрадно знать, что каждый удар молота, каждый поворот лома приближает то самое таинственное, ослепительное будущее — твое и целой страны... Вспомни еще не отгремевший, еще ликующий за окном праздник! Что может быть лучше — понять наконец, что все страдания, муки,

унижения – не напрасны, что нет больше жалкого, истерзанного мелочами жизни "я", есть "МЫ" – необъятное братство народов, что не сегодня-завтра осуществится наконец величайшая мечта человечества: всеобщее счастье на земле. И это так просто: обнимитесь, миллионы! Услышь нас, мир!

О счастье! Величайшее, высочайшее счастье – исчезнуть! Нет больше мрачного, изможденного юноши в стоптанных сапогах с отстающими подошвами, в кое-как залатанной одежде, единственной для будней и выходных, есть Ряд! Ряд, где никто ни на миллиметр ни позади, ни впереди, где одно сердце, одно дыхание, один взгляд. И такова она вся, торжественная колонна, неуклонно и мерно, будто всесильный механизм, вступающая на расцвеченную всеми флагами, улыбками и цветами площадь, ведь сила – это радость! О, пьянящая разум мелодия великой Песни!.. Вот и он... вот Он – величайший в истории Человек, поднявший в приветствии повелевающую руку!

Пусть поскорее грянет война! Последняя, очищающая война...

Валерий СЕНДЕРОВ

Как лгут о Константине Леонтьеве

*Опыт неосоветских фальсификаций творчества
"оптинского отшельника"*

"Константин Леонтьев продолжает оставаться для подавляющей части нашей интеллигенции величиной загадочной и неизвестной. Публикации о нем - до недавних дней - были крайне редки. А книги его, кажется, пока еще не выходили".

Кто же он, этот "неузнанный гений", как назвал его Дмитрий Лихачев в недавнем интервью газете "Правда".

Это написано в 1992 году. Имеющийся у нас список (возможно, неполный) отечественных публикаций о К. Леонтьеве за 1991 год насчитывает пятнадцать наименований. А сборник "Записки отшельника" (предисловие к нему Виктора Кочеткова мы как раз и процитировали) - один из трех изданных за последние годы.

Но не будем ни придиратся, ни забегать вперед: считать появившуюся продукцию публикациями можно подчас лишь при весьма формальном подходе, а тому, КАК издают Леонтьева, именно и посвящена настоящая заметка. Тем более, что по существу с В. Кочетковым трудно не согласиться: такая "распространенность" одного из крупнейших русских мыслителей выглядит, на фоне "закидан-

ности" книжного рынка сколько-нибудь известными именами, действительно вопиюще.

Но кроме лирического недоумения рождает этот факт еще и недоуменный вопрос: ПОЧЕМУ ЖЕ ТАК? Цензура на издание философов прошлого практически сошла на нет где-то в начале девяностых годов: ведущему арьергардные бои коммунизму было уже не до них.

"Недавно в газетах промелькнуло сообщение о том, что в Троице-Сергиевой Лавре восстановлены могилы Константина Леонтьева и Василия Розанова, уничтоженные в начале 20-х годов, когда развернулась кампания борьбы с "идеологами российской реакции" и "адептами церковного мракобесия".

Итак, наступает конец вековому забвению двух замечательных деятелей отечественной культуры, пророчески заглянувших в трагическое будущее России, ставшей добычей радикализма и атеизма".

Здесь всё верно до слова, возражений у нас не возникает. А вот вопрос – возникает опять.

Время, о котором пишет автор предисловия, к счастью, действительно позади. Сегодня издатели любят подчеркивать свою объективность: будь хоть фашист, лишь бы значителен и интересен. Нередка и иная точка зрения: реакционер, мракобес? – ну и замечательно, наслушались мы прогрессистов этих!

Что ж, и последнюю позицию, при некоторой наивности ее, трудно не признать имеющей свои резоны. Вот только – подлинно ли перед нами изменение позиции? Или и объективность, и "долой прогресс, да здравствует реакция!" – просто весьма привычная, несколько ментально не новая смена идеологических клише?

Отвечать на вопросы еще недавно подчас приходилось, базируясь на какой-либо априорной концепции. Сегодня возможен более плодотворный

путь: отталкиваться от конкретного материала. Благо – повторим – материал все-таки есть: книги со вступительными статьями, с примечаниями; десятки журнальных и газетных статей. Ничтожно мало, когда речь идет о мыслителе и писателе такого масштаба; достаточно, чтобы о чем-то можно было уже судить. В частности, о том, почему – столь мало...

Константин Леонтьев начал "возвращение" к нам как литератор: в 1991 году вышла книга "Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания" (Современник, М., 1991). Художественное творчество Леонтьева ставили высоко такие разные и взыскательные ценители как И. Тургенев, Л. Толстой, В. Розанов. Но остался он в истории, без сомнения, прежде всего как православный мыслитель, философ, публицист. Правда, в этом качестве его оценивали несколько по-другому. Интеллектуальное творчество "оптинского отшельника" было "лакмусовой бумажкой": слишком уж не в ногу со временем шел этот человек. "Я идеями не шутил", – многое стоит за случайно оброненной фразой "консервативного революционера". И потому, говоря о старомодном современнике грядущих веков, опускались до банальной брани даже такие люди как С. Франк и Н. Лосский, Г. Федотов и С. Булгаков...

Но не коммерческие причуды книжного рынка – тема наших размышлений. Годом позже изданы и два сборника Леонтьева-мыслителя; к ним и перейдем.

Первой на прилавках появилась "Цветущая сложность" – книга в ядовито синей обложке, форзац в разворот, -бело-сине-красный... "Не в этом дело?" – вряд ли эстет Леонтьев до конца согласился бы с доводом, столь естественно звучащим в век "ползучей по праху земному практической благонамеренности"...

”...внешние формы, говорю я, вовсе не причуда, не вздор... ЭТО НЕИЗБЕЖНЫЕ ПЛАСТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ ИДЕАЛОВ, внутри нас созревающих или готовых созреть...”

Формы, не формы – но какие, кажется, идеалы, кроме леонтьевских, можно найти под обложкой леонтьевского сборника?

Вот именно что КАЖЕТСЯ. Быстро мы забыли, что бывает порою совсем не так, – и нам напоминают.

Строго говоря, сборник этот не только леонтьевский. Он носит, с позволения сказать, плюралистический характер, копирайт ”Сост., предисл., коммент. Глушковой Т. М.” поставлен вполне оправданно.

После предисл. (стр. 6–66) поэтесса ”Нашего современника” и леонтьевовед из газеты ”Домострой” дает слово и самому мыслителю. ”Византизм и славянство” (главы из работы), стр. 67–126. Достойными ознакомления сост. признала лишь главы VI–XII. Полное же содержание труда таково:

Глава I. Византизм древний.

Глава II. Византизм в России.

Глава III. Что такое славизм?

Глава IV. Что такое славянство? (Продолжение)

Глава V. Продолжение о славянах.

Глава VI. Что такое процесс развития?

Глава VII. О государственной форме.

Глава VIII. О долговечности государств.

Глава IX. О возрасте европейских государств.

Глава X. Продолжение того же.

Глава XI. Сравнение Европы с древними государствами.

Глава XII. Заключение.

Как видим, Леонтьев весьма неудачно озаглавил главный труд своей жизни: читая его, можно обойтись и без византизма, и без славянства. ”По-

могут молодому читателю разобраться во многих сложнейших вопросах современности” общеисторисофские размышления автора. А с презренной конкретикой молодому читателю вполне полноценно поможет разобраться мадам (наверное, лучше ”сударыня” – чтобы не обидеть?) Глушкова:

”Византизм – это царь плюс церковь, – просто и кратко определил однажды Леонтьев. То есть – монархия, одухотворенная православием, которое обеспечивает ей высший смысл, высшее единство. Монархия, в которую церковь вносит высшее организующее начало – духовно организующее, дисциплинирующее...”

Всё почти так: с иным акцентированием Леонтьева и не впишешь в ”общепатриотический” контекст. Хоть мысль более антилеонтьевскую, чем Православие как обеспечение монархии, вообразить нельзя. Цитированием можно доказать что угодно; но первые главы труда как раз о том и написаны, что византизм – это ПРАВОСЛАВИЕ ПЛЮС ЦАРЬ. Не случайно эстатист М. Н. Катков (литературный восприемник юного Леонтьева и публикатор первых его произведений) отказался печатать ”Византизм и славянство” в своем ”Русском вестнике”. Знаменитый публицист заявил, что Леонтьев в ”Византизме...” ”договорился до чертиков”: чеканные мысли-формулы о необходимости подчинения государственности мистическим силам были дики для него. ”ГОСУДАРСТВО – ПРЕЖДЕ; ЦЕРКОВЬ – ПОСЛЕ, – видимо, думал Катков. Как будто Русское государство может жить долго без постоянного возбуждения и подогревания ЦЕРКОВНЫХ чувств”, – так в свой черед написал Константин Николаевич о Каткове.

Итак, византизм есть государственность, выпестованная Православием и подчиненная ему. А как быть со славянством, с ”русской идеей”? Что это вообще такое?

"Ответа нет!" - режуще открывает Леонтьев главу "Что такое славизм?". Наш народ искренен, открыт, доверчив. Мы всем обязаны Византии, мы не имеем ничего своего. Постараемся понять это, пока не поздно. И если поймем (во что, впрочем, Леонтьев с годами верил все меньше), - что ж? тогда нам удастся подморозить историю, отсрочить свой позорный и кровавый конец. Мышление философа неумолимо, в особенности же - четкой иерархичностью своей:

"Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество. Византийский образ Спаса осенял на великокняжеском знамени верующие войска Димитрия на том бранном поле, где мы впервые показали татарам, что Русь московская уже не прежняя раздробленная, растерзанная Русь!

Византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмелилась когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости! /.../

Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь? Но кровь ведь, с одной стороны, ни у кого не чиста, и Бог знает, какую кровь иногда любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Все великие нации очень смешанной крови.

Язык? Но язык что такое? Язык дóрог особенно как выражение родственных и дорогих нам идей и чувств. Антиевропейские блестящие выходки Гер-

цена, читаемые на французском языке, производят более русское впечатление, чем по-русски написанные статьи "Голоса" и т. п.

Любить племя за племя – натяжка и ложь. /.../

Идея же национальностей... в ее нынешнем модном виде есть не что иное, как тот же либеральный демократизм, который давно уже трудится над разрушением великих культурных миров Запада. /.../

Кто радикал отъявленный, то есть разрушитель, тот пусть любит чистую племенную национальную идею; ибо она есть лишь частное видоизменение космополитической, разрушительной идеи".

Это выдержки из главы II "Византизм в России".

Вообще концепция "Цветущей сложности" своеобразна. В небольшой по объему (235 страниц леонтьевского текста) сборник включена, например, статья из "Гражданина" "Знакомство с Лессепсом". Кто помнит сегодня имя "особого оттенка благодетеля рода человеческого", создателя Суэцкого канала? Не очевидно ли отношение Леонтьева к "герою индустриального прогресса" из общих построений мыслителя?

Впрочем, сказать, что отбор текстов поражает, – значит лишь воспользоваться удобным словесным штампом. Сообщили же нам с самого начала – с умильной простотой и ясностью – о необходимости воспитания молодежи...

А вот и "Записки отшельника" (Русская книга, М., 1992). Из предисловия: "В сборник "Записки отшельника" вошло лучшее из публицистического и философского наследия – статьи о роли славянства в мировой культуре, о национальной самобытности русского народа, о православии". Что ж, коль сам себя не похвалишь... Борис Филиппов, например, назвал одним из двух лучших философско-

публицистических произведений Леонтьева очерк "Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения", в сборник эта посмертная работа не вошла.

Но и правда: взяв в руки "Записки отшельника", можно наконец говорить уже не о "неиздании посредством издания".

Издавать книги можно по-разному - кому как не нашему поколению внятен глубокий смысл этого банального замечания? Говорить о тотальном неиздании литературы и публицистики в последние два десятка лет было бы несправедливо. Гайки старательно закручивались, а процесс духовного раскрепощения шел; и сочетание этих противоречивых факторов сформировало специфический тип "застойного" томика. Добротный подбор текстов: коль уж ставишь "галочку" ("у нас издано!"), зачем краснеть? А в качестве необходимой идеологической компенсации - всё прочее: предисловие, послесловие, комментарии, аннотация... Заметим: схема "правды под конвоем" работала довольно эффективно. Она была рассчитана на реальную психологию потребителя книг: культурный слой, хладнокровно вычленяющий из шелухи собственно ТЕКСТЫ, не столь уж и широк.

Именно жесткая иерархичность леонтьевских конструкций делает их чрезвычайно уязвимыми для пародирующих пересказов: достаточно простой перестановки - и ценностная структура полностью меняет свой характер. Перечитаем еще раз часть фразы из предисловия к "Запискам отшельника": "...статьи о роли славянства в мировой культуре, о национальной самобытности русского народа, о православии". Теперь сравним с мыслями самого Леонтьева из "Византизма...", приведенными выше. В комментариях нуждается, похоже, лишь первый член формулы. И комментарий прост: мировая

культура - бессмысленная химера. Есть лишь формальная совокупность, МИРЫ КУЛЬТУР. И от той из них, которая простодушно грезится ближайшей к нам, - лучше подальше.

"...Слава Богу, что мы стараемся теперь затормозить хоть немного свою историю в надежде на то, что можно будет позднее свернуть на вовсе иной путь. И пусть тогда бушующий и гремящий поезд Запада промчится мимо нас к неизбежной бездне социальной анархии".

Без пощады бросал мыслитель обществу в лицо выстраданные свои откровения...

Взглянем снова на вступительную статью В. Кочеткова - передний конвойный, без сомнения, старший в наряде:

"...звучал его предостерегающий голос со страниц газет и журналов об опасности утраты Россией самобытной исторической цели, о растворении нашей молодой, сильной и незаемной культуры..."

А вот как звучит голос Леонтьева:

"Иные находят, что наше сравнительное умственное бесплодие в прошедшем может служить доказательством нашей зрелости или молодости. Но так ли это? Тысячелетняя бедность творческого духа еще не ручательство за будущие богатые плоды. Молодость наша, говорю я с горьким чувством, сомнительна. Мы прожили много, сотворили духом мало и стоим у какого-то страшного предела".

Увы, не все традиции застойных однотомиков публикаторы усвоили с одинаковой основательностью. В старые добрые времена борьбу с подвергаемым публикации врагом часто сопровождали аккуратностью оформления: биографических деталей, библиографических ссылок... Психологически это легко понять: боролись не по душе, а по службе; небось, и самим бывало иногда тошно. А факты жизни и деятельности крупного представителя

мелкой буржуазии, реакционность коего – твой хлеб до гробовой доски, волей-неволей запоминались.

Сегодня ситуация изменилась.

”К. Н. Леонтьев – автор девятитомного собрания сочинений, но литературные труды его за годы советской власти ни разу не издавались”.

Если публикаторы ”Записок отшельника” хотят сказать, что творчество Леонтьева тотально замалчивалось, – они, конечно, правы. А если хотят сказать ровно то, что сказано, – нет. Автобиография К. Н. Леонтьева ”Моя литературная судьба” была опубликована в ”Литературном Наследстве” (М., 1935, тт. 22–24, сс. 427–496). И публикация эта широко известна: ссылки на нее есть в ”Путиях русского богословия” прот. Г. Флоровского и в ”Истории русской философии” В. Зеньковского, она перепечатана на Западе со вступительной статьей Б. Филиппова (The Slavic series. Johnson Reprint Corp., 1965).

Странно было бы ”патриотическим” изданиям ненавистника эгалитарного всесмешения обойтись и без откровенно фарсовых деталей. Беседа академика Лихачева с газетой ”Правда” – о Леонтьеве... Патриоты в восторге: как не использовать синтетический авторитет – известного литературоведа и вечно бодрого органа почившего авангарда мирового пролетариата?

”Вот уже и ”Правда” устами академика Дмитрия Сергеевича Лихачева говорит о вреде интеллектуальной нетерпимости, приведшей к отторжению многих интереснейших мыслителей, не отвечавших расхожим представлениям большинства. Так был обречен на отшельничество, например, Константин Леонтьев – ”неузнанный гений”. Только потому, что не разделял взглядов западников и славянофилов. И всем оказался не ко двору, подвергся всеобщему остракизму, умер в неизвестности”.

Хватит, наверное..:

Добавим, впрочем, напоследок еще только одну деталь.

Устами газеты слово "Бог" давно уже выговаривается с большой буквы. Усвоила "Правда", что в качестве дополнения к законам марксистским существуют еще и грамматические. Патриоты - не усвоили ("Записки отшельника", с. 9, 10; "Цветущая сложность", с. 262).

"Страстное письмо с неверно написанным на конверте адресом", - так назвал творчество Леонтьева его "неоцененный и неожиданный друг", Василий Васильевич Розанов. Сколько угодно мог утверждать Константин Николаевич, что графы Вронские нужнее стране, чем граф Толстой. Но они не открывали его книг, а если случалось, - захлопывали со злобой. Потому что были в России Вронские Толстого. А никаких других просто не было. Он лишь тщетно мечтал о них - смиренный инок Климент, а в миру писатель, дипломат и врач, последний романтик Самодержавия, Константин Николаевич Леонтьев.

Вот - конверт у нас в руках. Берем и видим: письмо перехватили по дороге. Замазали неположное; дописали свое - неумно и грубо.

Можно ли считать такое письмо дошедшим?

Борис ЧЕРНЫХ

ОЗИМИ

Марине П-й

*И страждут озими
от бешеной забавы...*

Пушкин

Баллада о доме. Письмо первое

Весной минувшего года в Ярославской городской газете я прочитал о том, что продается в Даниловском районе дом, отыскал объявителя, намереваясь осесть на хуторе и дописать заветное. Помнил я обещание свое рассказать Тебе - в лицах - драму, частью которой была и Ты.

Дом, давно лелеемый мной, мог стать явью еще в семидесятых, когда Валентин Распутин водил меня по порту Байкал, стоял сухой полдень, стрекозы садились на плечо, в мареве тонули горы. Мы чуть было не выбрали особняк на семи ветрах; вид открывался с холма далекий и солнечный. Но притяжение Дмитрия Сергеева, писателя-фронтовика, победило тогда притяжение Распутина, избу на Байкале я не купил.

Прошло девять лет. В камере штрафного изолятора, коротая холодные ночи, я рисовал будущую мою обитель кусочком проволоки на бетонном столе. Стол охранники окрасили коричневой краской. Слегка царапая поверхность, я чертил домик, не думая о последствиях, хотя они грянули: за порчу лагерного имущества к положенным десяти суткам изолятора подполковник Федоров добавил еще семь. Но дело было сделано - дом с высокими окнами

смотрел с бетонного стола и угревал косточки. Оно, конечно, безумие - внутри ада рисовать картины радужного грядущего. Но - рисовал, но - планировал.

И вот по реабилитации, весной 91 года я получил материальную компенсацию, раскидал долги. На руках осталась толика. И тут объявление в городской газете. Я отыскал Серафиму Николаевну К-ву, подавшую объявление. Оказалось, четверо покупателей уже претендуют на дом. Один с Северного Кавказа не торговался. Соперничая с конкурентами, он готов добавить пять тысяч.

В очередной раз пересчитал я денежку. Поставивший себя в неприязненные отношения с государством, я никогда не имел на руках таких денег - шесть тысяч! подумать только! - но хозяйка просила десять тысяч, и немедленно. При этом говорила, что т а м один сад в сезон окупит расходы мои.

Не показывая вида, напротив, делая вид состоятельно-го человека, я поехал осмотреть дом. В дороге я неожиданно понял, что мои шансы предпочтительнее, и вот почему. В Ярославле, Марина, я оказался волею случая. Местный Совет объявил всероссийский конкурс на замещение поста главного редактора новой губернской газеты. Бездомный, я написал в Ярославский Совет о готовности участвовать в конкурсе, вызван был телеграммой и консервативным большинством избран редактором. Почему консервативным, об этом как-нибудь позже. А сейчас вернемся на тракт Ярославль - Данилов.

Мы едем на "Жигулях" втроем. За рулем Сеня, зять Серафимы Николаевны. Сеня отслужил в Афганистане военным топографом. "Жигули", впрочем, и дом, на смотрины коего я еду, - двухгодичный, или трехгодичный, заработок Сени в фронтовых условиях.

По дороге мы чуть потолковали о том, о сем. Серафима Николаевна трудится завроизводством в областной типографии, где мы печатаем новую газету, и кое-что обо мне знает. А благодаря союзному и местному радио, "Изве-

ствиям”, среди типографских гуляла неблагая весть о бывшем политэзке, и Серафима Николаевна сказала:

- Борис Иванович, если дом понравится, мы продадим его Вам, - мне оставалось только благодарить хозяев.

В Саркове, притрактовом селе, оставили мы легковушку, чтобы далее идти пешком. У Кравцовых, деревенских, я выпросил резиновые сапоги с суконными портянками. Я натянул их и был готов к путешествию. Тропа повела через льняное поле, не паханое еще, в лес, полный запахов прели и талой воды, гомоном птиц. Чем глубже уходили мы по тропе, тем всё больше нравилась мне заброшенность хутора, тишина, первородство трав, вышедших из-под снега. Соперники же мои шли с явным недоумением: зачем их влекут в глухомань? И как добираться сюда зимой или в долгое ненастье летом?

А меня заняла и стала точить диковинная дума. Убежденный противник афганской войны (разящие строки о том есть в приговоре), отбояривший за противление войне, сжимая тощий кошель, я иду в след фронтовику, который получил отнюдь не гроши за то, что вызвался добровольцем в пекло, рисковал жизнью, как рисковал и я, уходя на другую *передовую*; и он заработал не только орден и медаль, но и деньги, вложил в этот дом, чтобы нынче я передал ему праведные рубли за его, праведное ли, богатство. В России не заскучаешь. Но мы шли, учтиво вежливые, и каждый думал о своем.

Внезапно лес расступился, поля в золотой стерне возрадовали глаз. Вскоре на покато́м холме черно увиделись крыши двух или трех изб. С тоской подумал я - вспомнив лагерные мечтания - какую из старых изб суждено купить мне, чтобы, не мешкая, копать огород, а по вечерам сидеть у стола.

Украдкой я посмотрел на афганца. Он симпатичен, Сеня, с матовым белозубым лицом, с синими глазами. У меня родилось ощущение отцовское: парень давно понял, в каком тупике пребывал он, и вырвался из тупика невредимый, зарубки на сердце остались, но мир на земле, золо-

тая стерня убегает, трубно зверь кричит из лесу посреди России, не в чужих горах...

Скоро миновали мы, следуя нижней тропой, худые дома, и из-за риги и огромного древнего тополя наплыл с холма терем. Я остановился и всмотрелся. Терем тоже, но высоко, смотрел на меня. Нет, подумать не мог я, что в заброшенном селе, на отшибе может сохраниться лиственный дворец, ни в сказке сказать, ни пером описать. Афганец оглянулся и грустно смотрел на пришельцев: зачем мы тут, на тропе, посторонние люди?

Серафима Николаевна, вздохнув, призналась:

- Кабы не даль, да еще брести от тракта, дом наш не отдала бы в чужие руки.

Чужими руками хозяйка подчеркнула жестокость происходящего.

Взяв топор, я вошел в испод, именно вошел, ибо дом на высоком фундаменте, и двери в рост ведут туда. Я простучал обухом каждое бревно и всякий раз слышал звон. За тридцать лет грибок не подточил ни одного бревна. Затем поднялся на чердак, там стояли кадушки, набитые пухом птицы. На стропилах висели листы самосада. Я помял лист и услышал дух моршанской махорки - Ваня Додонов, с Тамбовщины, угощал моршанской на зоне.

Сойдя, не утерпел я и порылся в хламе огромного сарая, прирубленного к дому. Сарайные окошки тусклы, но скоро взгляд пообвык, я обнаружил старинные оклады, в позолоте и серебре, они красивы и тяжелы. Здесь же конская упряжь и ботала. Я потрогал - ботала издали мягкий и густой звук, вернувший меня на родимую улицу Шатковскую.

Хозяева затопили печь, приготовили чай. Чечен отказался пить чай, отвел меня в дальнюю комнату.

- Ты, - молвил он, - купишь этот дом? Но у тебя одна жина? И "Волги" у тебя нет.

- Волга у меня есть, - сказал я, - это у тебя нет Волги.

- Дарагой, моя "Волга" лучше. Но если ты не купишь дом, я куплю. У меня три жины, они справятся тут. До свидания, дарагой...

За чаем мы договорились, что найду я деньги, кровь из носа.

Назавтра звоню Фазилю Искандеру. Он не отказывает мне в житейских делах, мы говорим с ним в открытую, как и положено мужчинам. Но совпало, что в Подмосковье присмотрели Искандеры усадьбу, надоело ютиться по казенным дачам, а "усадьба в Подмосковье, Боря, стоит не десять тысяч, сам понимаешь, - сказал Фазиль и добавил, - пусть они потерпят, я найду для тебя четыре тысячи. Да, а что "Совпис"?

Я объяснил Искандеру, что книга, единственная в жизни моей, итоговая, выходит в издательстве "Советский писатель" к концу года, а сейчас апрель, и "дом уведут, как уводят в твоей Абхазии, Фазиль, доброго коня", - Фазиль горячо сочувствовал. Но я понял - придется пасть ниц перед другом отроческим, он - предприниматель, он не откажет поди. Не отказал.

И началось обморочное лето. Опять я вернулся к самому себе, забытому, ибо взрастить огород в Даниловском уезде это не на газетной полосе приплясывать. А дожди все падают на землю, но мы то и делаем всю жизнь, что выгребаем из ненастья.

Местные крестьяне с усмешкой слушают мои вопросы, когда я иду к ним, но не отталкивают. Две беды ждут хуторянина, если верить мужикам: на картофель падет колорадский жук и пожрет ботву. А устоит ботва и вызреют клубни, - явится вторая угроза: дикие кабаны. Испытуяще всматриваюсь я в лица мужиков (не разыгрывают ли, не подтрунивают ли?), но, совершая набеги в ближнее Серково за молоком, увидел стайку девчонок - посреди поля они обирают картофельную ботву цыплячьими ручонками, выносят нечисть на тропу, давят босыми ногами. Боже, обереги хутор мой от заморской напасти!

А небо всё никак не проморгается, всё плачет, и на капусту села тля. Пытаюсь согнать оккупантов раствором золы, но не тут-то было. Тогда вдруг припоминаю - на чердаке у меня табак, и догадываюсь, зачем. Лезу на чер-

дак, снимаю табачные листы, запариваю. Я надеюсь настоем самосада выжить тлю, и что же - на ночь глядя, тля уходит неизвестно куда, а поутру облепливает гряды еще гуще вчерашнего, издевается надо мной. В отчаянии пришел в Некрасовскую библиотеку, поднял документы за прошлое столетие, попутно вычитывая любопытные приметы былого, и отыскал варварское свидетельство: даниловские мужики побарывали тлю... керосином. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Да нравственно ли применять против тли ядерное оружие? Не лучше ли отступить, сдаться на милость природы? У нее свои установления, свое дыхание, негоже вторгаться в природу произвольно. Притом, злополучный керосин-то был, наверное, кондиции почище нынешнего. Но ноги всё равно влекут на рынок, к лавке, где покупаю я бачок горючего. Завидев дворец мой, вздыхаю, ибо понимаю кощунственность поступка, но омерзительный вид нашествия подзудил испробовать забытый дедовский способ: я наливаю плошку жидкости, нюхаю - Россия ты моя, не избыть тебе керосиновой горечи - подношу к нежным лепесткам капусты, закрываю глаза, выплескиваю на гряде, мысленно осеняя капусту знамением...

А клубнику видимо-невидимо осадил лягушки. Со школьных лет я помнил, что нормальные земноводные не едят домашней ягоды, но то нормальные земноводные, а ныне, в десятом поколении, плодится порода советских лягушек. Впрочем, когда вызреют на огороде красные виноградины помидор (сорт тамбовский, скороспелые) и вороны станут воровать помидоры, мне придется признать, что Октябрьская революция возымела действие и на ворон. Стало быть, и вороны у нас советские, говоря языком ленинградского репортера - "наши".

Но по утрам к овсяным просыпям выходит лосиха с лосенком, стоит по грудь в тумане, краем поля крадет лиса к помойке, по ночам слышу трезвон (картофельный участок увесил я гирляндами консервных банок, обнаружив запас банок в сарае), выпроваживаю палкой кабанов, явились, не запыхались, - жизнь идет на закат, Черных, но

это и есть жизнь, а не та, что длил ты в городских коридорах. И если каждый из нас, русских, вернется домой, на подворье, если вспомнит себя в грушевых аллеях сада, - то благо. Демократы тщатся наладить бегущий день, но бегущий день пришел из ночи минувшей. А в той ночи я хочу видеть, пусть призрачно, лики пращуров, и доподлинно надо мне знать, кого выбрал в жены прапрадед Яков и почему на второй срок станичники не избрали деда моего Василия атаманом. И зачем второй дед, Митя, привез из-за Аргуни китайнку, уж не затем ли, чтобы потом, на рубеже тридцатого года, рассориться с советской властью впрах и уйти за кордон?..

Дом и хутор пробросили тропу в минувшее. Я по-новому увидел себя, лицо частное. Но оставалась нечастной боль моя за Россию; и русскую партию - а в ней мои деды и прадеды - увидел я из глубины. На страницах "Российской газеты" в июле сказал я вот что:

"Мы подошли к краю, а за крайней чертой надобны конструктивные усилия. Стенания надоели. Но прежде, чем взять в руки мастерок, следует определиться в чертежах и планах. Однако коллективное сознание начинает протестовать в очередной раз. Утраченная соборность нации, более прокламируемая, чем въяве существовавшая, принуждает сословия и классы, партии и движения патриотически подбочиваться, и всяк кричит, что только едиными усилиями вытащим мы Россию из болота.

Так ли это? Мне представляется - сумма вопрошаний, скопившихся в усталом обществе, подводит к другому выводу: в час военного лихолетья можно отстоять Отечество сообща. В нынешних обстоятельствах надобны частные усилия частных лиц. Крамольна эта мысль, но, полагаю, последовательное ее воплощение вернет - нет, не государству-Левифану, не правительствам, а прежде всего каждому из нас утраченное достоинство.

На чем строилось достоинство человека в нашей стране недавно? "Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза - читайте, завидуйте, я гражданин Советского Союза!" - фальшивый пафос (а пафос обычно фальшив) строк Маяковского очевиден, и горе государству, возомнившему себя поборником свободы, на корню подсеченной постулатом общности, в принципе невозможной. Ибо там, где лицо не имеет материаль-

ной силы быть частным лицом, там быстро процветут и утвердятся обезличенность и бесчеловечность. Подлинная же общинность, полагаю, не размыкает, а возвышает личностное.

Частная жизнь, воплощаемая по частным, пусть даже и несовершенным, чертежам частного лица, способна к воспроизведению ценностей, о которых не принято думать в тоталитарном государстве. На первое место среди этих ценностей следует поставить частную собственность.

Зная, что мы слабы и ходим на помочах великих, посмею и я сослаться на Александра Исаевича Солженицына, но цепочку он тянет оттуда, из дореволюционных времен.

"Нельзя создать правового государства, не имея прежде независимого гражданина" (П. А. Столыпин) - и -

"Независимого гражданина не может быть без частной собственности" (А. И. Солженицын).

Чтобы поддержать голос, идущий из Вермонта, мы дали возможность на страницах провинциальной газеты высказаться лучшим ее авторам, но поступили при этом скромно - пошли следом за создателем трактата "Как нам обустроить Россию". Мне довелось подвести черту под этим недежурным разговором, я назвал итоговую статью "Возвращение к ладу", и вдруг подумал о риторичности моих и наших посылок. И вот почему. Из положения лиц, умеющих строить фразу и сочинить статью о нравственном должествовании, собрать бы силы и перейти в лица, созидающие дело.

Слово, разумеется, тоже дело, если это слово сильное или изысканное. Но можно поступиться словом, хотя бы временно, если обстоятельства позволяют вернуться к собственной елани (деляне) или в подерёвную.

Сподобился я добыть кусок земли уездной вместе с домом. Чтобы купить дом, пришлось влезть в долги. Но опоздал, кажется, и я взять должное в нынешний сезон. К тому же весна в Верхнем Поволжье отстояла с тяжелыми дождями.

Легко говорить "Обустройство России надо начинать с себя, со своей деляны, с избы или хутора", но трудно и тяжело воплотить это в жизнь, тем паче, если чиновник, воспитанный в лоне чудовищной государственной машины, не умеет быстро вырешить в пользу частного лица положенное этому частному лицу. И пока с державных трибун раздаются голоса обанкротившихся идеологов, зовущих пойти туда, не зная куда, найти то, не зная что, мы будем пребывать в межеумочном состоянии. Образованцы, возглавлявшие многие Советы в глубинке, все еще и мысли не допускают о том, что русский должен стать собственником и, следовательно, частным лицом. Да оно и понятно, в частной собственности есть главная оборона свободы частного лица.

Давно замечено, сколь претенциозны нищие наши сограждане (нищему иного и не дано, как носить нищую свою особость). Частное же лицо, владеющее собственностью, просто и мудро в движениях.

Человек, получивший возможность стать частным лицом, независим в достоинстве своем, - у него, и у семьи его обеспечен тыл, у него есть куда отступить в час невзгоды”...

”Куда отступить в час невзгоды” - так назвал я свой Манифест, но, публикуя его, запомнил о горьком опыте Гарина-Михайловского, прекрасного русского писателя, но и путейца-инженера отменного, и земледельца. В качестве земледельца уважал я Гарина особо и сопереживал ему, когда внял страшной угрозе: завистливые глаза следили за писателем, едва сел он на землю, и свели на нет все его усилия остаться вне борьбы политических партий.

Всегда наличествуют силы, коим неуютны ни наше достоинство, ни база этого достоинства (собственность), - и темные силы ждут часа, чтобы нанести удар, по возможности смертельный... Но в тот день, когда ”Российская газета” опубликовала мой противоречивый документ, я оказался вдали. Амурский войсковой атаман Георгий Шохирев позвал на Казачий Круг. Отказать Шохиреву я не мог, голос его - голос малой родины, скромный, но необоримый и близкий даже в далекости его. И две великие русские реки - Волга и Амур - сошлись в моем сердце, когда самолет поднял нас с братом во Внуково и понес над истерзанной Россией. С атаманом мы тоже говорили о земле и, дети провинции, о глубинке, о свойствах нашего мировосприятия. Вот и Георгий Николаевич стал настойно требовать, чтобы я рассказал о себе, коли катком проехал по нашей фамилии жестокий век. И опять я вернулся, Марина, к давней надежде Твоей - не промолчать о пережитом, исповедаться. Однако Шохиреву я отвечал: ”Э, погоди, дай окопаться на хуторе, душе дай отойти от волнений дня”... - тщетные надежды. Страшный удар подстерегал меня у Волги.

Ботанический сад и его обитатели. Письмо второе

Дай мне окопаться на хуторе, отвечал я, прежде чем сяду за письменный стол. Кому отвечал? Да себе, разумеется, прежде всего себе. Но главное сомнение точило в предошущении главной моей работы: достаточно ли далеко я отошел от переживаний минувшего, чтобы сохранить беспристрастный тон в рассказе о былом? Воспоминания вообще хороши тогда, когда не примешиваются к ним побочные цели (скажем, выставить себя перед публикой крупнее того, что ты есть и кто ты есть), - но поэтическая истина устоит ли перед соблазном выступить еще и в одежде истины исторической? Вопросы все старые, ими задавались наши предтечи, искушаемые честолюбием.

Но когда, припертый к стене, я удалился в Ботанический сад и поставил первый опыт на земле, не думал, что мой опыт ляжет на бумагу. Задача тогда была бесхитростной - выжить. Выжить не позволили.

Начну с цитаты. Читатель свободен в выборе: читать или не читать заявление узника Красного корпуса Иркутской тюрьмы. Есть толика безумия в пожелтевших листах*, но я не в силах переменить опознавательные знаки эпохи. Сохранилась дата написания: 2 февраля 1983 года. Мытарства восьми месяцев позади. Я возвращен по этапу, из двух богаделен - Омской и Серпов. Черные розы тюремных ночей опять у моего изголовья. Гебисты теребят за рукав, они надеются, что я ненароком оброню признание вины. Но они мучают не только меня, но и вампиловцев. Противостояние нравственно безупречных молодых людей, рожденных Ботаническим садом, и oprичников длится более полугода. Дубянский и Ковалев наглеют, страна под

* Я получил к ним доступ в 1990 году и переписал в здании областного суда, куда 10 томов моего "Дела" перекочевали из подвалов Иркутского КГБ после реабилитации.

пятой Андропова, ужесточается режим содержания в камере.

Дубянский и Ковалев, с одной стороны, и я, с другой, - мы выпускники юридического факультета Иркутского университета. Нашими наставниками были Павел Викторович Лобанов, некогда узник того же Красного корпуса, цивилист Геня Исаевна Ческис и Вадим Петрович Пертцик, тайный агент комитета госбезопасности. Одноклассники, теперь мы по разные стороны баррикад. Сговорившись с Александром Нефедовым, главным оперативником тюрьмы, гебисты ведут меня по камерам отпетых уголовников, затем выдергивают (так на их языке) на улицу Литвинова.

- Ну-с, Черных, вам все еще мерещатся аллеи Ботанического сада? Подпишите вот это, и вы снова окажетесь под сенью любимого вяза...

Под сенью Ботанического сада (под сводами духовного лица) печаль струилась и сияла радость, - позднее стихотворение Тали Смирновой нейдет из памяти, и лица ребят наплывают сквозь ветви поникших ракут.

Под сенью Ботанического сада
(под сводами духовного Лицея)
печаль струилась и сияла радость.
От юности неистойой пьянея,

мы жили своевольно и строптиво:
любили небо, звезды и деревья,
любили книги - презирали чтиво,
и понемногу пробовали перья.

Дышалось вольным воздухом отрадно.
И в бедном романтическом жилище
свой лик запретный нам являла правда
(воистину - находит тот, кто ищет).

А в кабинетах нелюди читали
тетради наши, и статьи, и письма.

И красною чертою отмечали
достоинства исполненные мысли.

И дело двигалось на загляденье споро...

Кабы дело двигалось споро... Поднявшись на верхние шконки, я вижу - сквозь жалюзи сочится слабый свет. День пасмурный, дрема окутывает. Отлежаться бы, закрыть глаза, забыть пустоглазые лица гебистов,

И дело двигалось на загляденье споро.
И делу дан был ход. И очень скоро
вступили мы в круговращенья ада
под знаком Ботанического сада.

Взрастить сад посреди Сибири - тугоумная забота, но и в холодной Сибири культурная традиция сохранила приемы и способы насаждения садов посреди короткого, хотя и ослепительного, лета. Расчищались елани, корчевались леса, натаптывались тропы, строились займки, торилась дорога. Подражая метрополии, русские принялись украшать быт палисадом - рядом с березой зацвела черная смородина, яблони-дички радовали глаз белым кипеньем по весне. Неохотно поначалу приживалась груша-уссурийка. Завозили колонисты сюда саженцы из Поволжья, но после крещенских морозов саженцы зачастую гибли. Пращуры не сдавались, они скрещивали привозные сорта с местными. Не скоро, но зацвели сады по всей Сибири - на Алтае, под Омском, у Красноярска.

Томсоновским садом прославился Иркутск, у него было и второе имя - Иннокентьевский, по названию станции, теперь это Иркутск-2. Ныне Томсоновский потерял былую осанку, и неблагодарные потомки забыли даже его имя. С первого дня следствия я опрашиваю заключенных, охранников, потом, раскрепощаясь, веду опрос среди оперативных работников КГБ, не преминул выведать кое-что у следственных, - все поджимают губы. Зэки в молчании несут отвержение и боль, а опричники, отмалчиваясь, невольно выдают тайну: отныне в сфере их интересов Ботанический сад университета.

Ботанический сад заложен в 40 году энтузиастами-биологами. Дикая дивизия, переброшенная из Забайкалья, взяла штурмом сад, но скоро солдаты и офицеры помогали голодным ботаникам чем могли. Именно в 41-45 годы сад обрел силу и широко культивировал лекарственные травы и таким образом вносил ощутимый вклад в победу над врагом. Командир дивизии построил в сосновом бору теплую избу для себя и своей пэпэжэ, никак не думал он, что однажды его блиндаж возьмут штурмом боевики комитета госбезопасности. Но не буду забегать слишком вперед...

Шли годы и десятилетия. Дендрарий сада втягивал в себя древесные и кустарниковые виды обширных пространств, появились и залетные породы деревьев, что свидетельствует об известном вольнодумстве ботаников. Во времена краткой хрущевской оттепели в зимних теплицах появилась плеяда субтропических растений, и пока в качестве садовников рядом с кактусами не оказался инакомыслящий имярек, космополитические веяния биолого-почвенному факультету сходили с рук...

Так незаметно, Марина, мы въехали вместе в пространное заявление, адресованное зимой 1983 года на имя прокурора Иркутской области. Ждали палачи сердечного признания в том, как я дошел до жизни такой, - уж скоро суд, а строптивый садовник упорствует в странностях своих, и надо выбить из него слова признания. Возможно, более никогда мне не доведется сказать то, что я только что сказал и скажу еще. Нелюди едва ли услышат, но написанное пером и переданное - через администрацию тюрьмы, в этом секретность хода - в прокуратуру области сохранится в архивах. Россия очнется (очнется ли?) и поднимется (поднимется ли?) - и строки мои вернутся, чтобы свидетельствовать о власти земли, да, власть земли не покинула сирого в каземате. Все прошлые и все будущие реформаторы только потому и гибли, и погибнут, что не желали и не желают слышать земли. Они пытаются поставить вместе обычая и обычного права закон, писанный

умным и даже честным чиновником. Но для русских законы испокон писались землею; и смею думать: когда государство вытолкало меня за порог, оно надеялось, что, сын города, я приду в центральную котельную, там и зарплата сносная, а не эти нищенские девяносто рублей в месяц.

Неистребимо тянуло меня к земле. Примеривая, по Сеньке ли шапка, я уходил в заповедные Тулунские леса и сотворил там чудную книгу, до сих пор не могу издать ее, хотя главами она вышла в "Новом мире" и целиком опубликована в "Сибирских огнях"*

Однако и в Тулунском далеке чувствовал я бульдожье дыханье на затылке.

На что же надеялся я, покидая городские улицы надолго или навсегда и перебираясь в блиндаж командира Дикой дивизии? - Я надеялся на огород. Вот так просто-душно и скажу, утаив другую часть правды; и там *они* не оставят меня в покое. Значит, никакой надежды и не было. Но родители мои под Туруханском взращивали огород тоже без тени надежды на дедушку Калинина, а позже и под Кемеровым, но взращивали, ибо установления жизни и земли сильнее установлений государственных.

Помолимся. Надежды нет. Но жить надо и тогда, когда нет надежды.

Выкосив бурьян с приусадебного участка, я заложил его в приготовленные ямы, натаскав хвороста, утоптал, затем развел костер и поднял над костром двухсотлитровую бочку с водой, довел до кипения, пролил кипятком, закрыл слоем черной земли и поднял теплицы, назавтра прямо в грунт посеяв всю мелочь, но также огурцы, капусту, помидоры. Способ в холодной Сибири почти повсеместный, хотя и неподъемный для ленивого. Результат можете не любопытствовать. И учтите - для запомнивших говорю - здесь я передаю дух и букву того заявления, что пошло сначала по коридорам Иркутской тюрьмы, добра-

* "Новый мир", № 8, 1988; "Сибирские огни", №№ 7, 8, 1989.

лось до Чупина, начальника, под микроскопом изучалось и сочтено безумным, ну, а коли так, то и переданным беспрепятственно прокурору области...

В тот же сезон пересадил я к избушке моей сирень и сливу, чтобы окружить благоуханием усадьбу. Затем испросил разрешения у директора сада, тогда пришел сын мой Андрей с друзьями, и перенесли они ржавеющие листья жести. Я накрыл жестью двор, чтобы в непогоду заниматься плотницким ремеслом. Советов мастеровых я не чурался, но кое-что взял из забытого. Так, перебирая кирпичи дымохода и готовясь к зиме, я неожиданно открыл, что все дымоходы в печи я знал и понимал назначение Верхнего Касьяна, на Амуре Касьяном звался отвод, дававший ход дыму в сильные морозы, но начисто я потерял в дороге житейскую дружбу с Касьяном. Одна осечка случилась, когда накрывали двор. Саня Лопин, один из любимцев моих, приехавший на каникулы из МИФИ (дословно - Московский инженерно-физический институт), по доверенности руководил покровом, да нижний-то лист железа положил не снизу вниз, а снизу вверх и тянул полосу до конца, кончив крышу, обнаружил сбой. С тех пор в дождь в том месте прикапывало слегка, но оказалось, что это даже и приятно - всякий раз я вспоминал милое лицо Сени. Худа без добра нет. Не знаю, какой физик получился из моего ученика, но совершенно точно знаю - человек получился превосходный, с маленькими сбоями, с осечками, и жена его думает иногда, откуда дождит и сквозняком тянет. Да всё оттуда, с делян Ботанического сада, где еще мальчиком Сеня работал со сверстниками, вместо того чтобы мерить подворотни...

Скоро пришлось подумать о домашних настойках. Гости стали наведываться все чаще, хотелось приветить их, но крохотной зарплаты хватало на хлеб, соль, крупу да на постное масло (сливочное я в те годы исключил из рациона навсегда, скажу об этом не хвастаясь). Притом со мной была Андреева овчарка. Она сыграет свою роль в обороне блиндажа, когда штурмовики обступят усадьбу. Чтобы

прокормить огромную собаку, надобно рыбу всегда во льду держать, а с рыбалкой сорвалось. Значит, и здесь минус в бюджете: ежесуточно отдай на два килограмма минтая или бычков байкальских, дешевая рыбешка и презренная, но шестьдесят копеек в день придется потратить только на рыбу, а еще мучное прикупи. О винах ли тут говорить?

Но во время инвентаризации складского имущества нашли мы с завхозом огромные бутылки из-под химикатов. Я взял бутылки в аренду, поставил под струю летнего водопровода, затем промыл щелочью, снова держал под ручьем; и ждал с нетерпением поспевания ягод и фруктов. Лучшие вина дали рябина и жимолость, в Европе жимолости нет, к сожалению. Пасечник Ботанического сада однажды сообщил рецепт времен великого князя Владимира, на меду. Мед покупал я у пасечника по малой цене и ставил еще одно, элитарное, вино, но первый заход едва не кончился смертью, да, едва не окачурился я, когда покусился на ранетовое дерево, излюбленное место дислокации садовых пчел. Александр Иванович Ижболдин, так звали пасечника, нарядил меня в маску, в маске я пришел к ранету, поставил лестницу, взобрался и стал обирать ветви, тяжелые от крупных плодов, ярких, будто маленькие солнца. И вдруг на меня напала пчела, прокусила руку. Я имел неосторожность отмахнуться и был наказан, тотчас окружили тучей пчелы, я попытался бежать, но лестница упала, я прыгнул с дерева, кисейная накидка в полете сорвалась с лица, и началось сражение. Обезумев, я мчался по аллеям сада, но пчелы настигали и жалили, жалили. Дома я погрузил лицо в бочку с проточной водой, боли отпустили, но вскоре возобновились. Я сделал компресс и забылся сном, но яд, принятый в избытке (в малом количестве пчелиный яд полезен), сделал свое дело. К утру я стал похож на безобразного бея с неведомых тропических плантаций.

На второй год мои урожаи превосходили урожаи соседей в округе, в том числе и у садовых земледельцев, но если

садовские, развращенные экологической атмосферой в обществе, кормили огород нитратами, я грамма за все годы хозяйствования не пустил в почву, результат получил двойной: земля стала платить сторицей, и ушли боли, которые давно осаждали предребере.

Я сбил множество деревянных ящиков, сортировал полученный урожай и только затем опускал его в подвал, в подвале мы держали всю зиму +1; +2, не выше, поддержание необходимой температуры в подвале тоже входило в обязанности садовника. В мае овощи были свежи, как в сентябре. Не буду поминать, что друзья не раз пользовались моими запасами, о родне не поминаю. Родня преисполнилась почтения - она догадывалась о крепких корнях, староказачьих, но теперь вяже поняла, что род наш знал толк в земле. Само собой, я не испытывал нужды в пропитании, хотя и перешел на вегетарианскую пищу. Резонно спросить, хватало ли сил, чтобы корчевать сливовый участок или выгребать из старых теплиц грунт, подносить торф. И домашнее хозяйство вести, не покладая рук. Что ж, на плантациях Ботанического сада я работал не больше, но и не меньше бедных наших алкоголиков, с тою великой выгодой для сада, что на меня круглые сутки можно положиться. Зимой, например, всегда была исправной отопительная система, снабжавшая теплом лаборатории и вечнозеленые растения.

И, наконец, я оставил город, битком набитый конформистами. Я перестал раздражать бывших друзей опростившимся видом человека, который ничего не просит, ни на что не надеется, но, кажется, ничего и не боится.

Но боли за Отечество, за невиданный этот опыт, названный социалистическим, не оставили в Ботаническом, и мне предстояло медленное умирание в провинциальной глуши. Согревало одно - в смешанном лесу русской литературы я останусь слабой ветвью, но и то честь: унести в гортани горькое дыхание березовых рощ Михайловского и тополиных осколков Кутулика...*

* Кутулик - родина А. В. Вампилова.

Таким патетическим, да, впрочем, и безумным заявлением на имя Н. С. Речкова, прокурора области, отправленным из камеры следственного изолятора, я прощался с отжитым и взрывал мосты туда, куда в злом отчаянии они собирались сплавить меня: за рубеж. Еще недавно в запасе у гебистов была психушка, но Омск и Серпы перечеркнули надежды опричников.

Оставались - этап и лагерь. И тихие, с глазу на глаз, беседы с Христом. Мысль моя западает, я боюсь забыть рассказать Тебе об одной тонкости, постигнутой мной также в застенке. Глебушка Твой едва ли в Лефортове имел возможность поставить похожий опыт, хотя задача у него и у меня была единой: устоять, - но слишком разными были условия содержания под следствием. Когда я окажусь сам в Лефортово, покоем повеет на меня. А здесь я вынужден длить редчайшую и смертельную попытку распознать лицо врага. Жестко - врага, но точно. О, я еще не раз отступлю, оступившись, еще не раз, исполненный милосердия к врагу, буду жалеть их детей, чье будущее они приговорили сами, и говорить не устану об их чадах малых, в сиротстве по миру бредущих, и никому не признаться в том, что отец твой палач. О, горе нам, в эти дни забыли мы о страшном сиротстве детей, чьи отцы мечутся по стране, и никто не приветит их. А удалиться в сад они не смогут, сады исторгнут палачей. Так тонкость заключалась в страшной ранимости этой "железной гвардии Феликса", в умопомрачительной их сентиментальности. Они взяли абсолютную власть в стране, оседлав Россию, и это мы должны чувствовать безнадежность и слышать прощальную музыку. Но что-то надломилось в лицах палачей весной 1983 года, или в обществе всеобщее презрение обняло их, - лица их мечутся, они начинают пить люминал прямо в кабинете. Или по своим каналам они уже получили весть о том, что их вождь смертельно болен, и завтра...

Но мной заявлена тема Ботанического сада. Удалимся, поколе возможно, на его деляны. Невольно одергиваю себя: удалиться - не слишком ли громко сказано? В Европе,

будучи недовольным общественной жизнью, есть возможность уйти от дел, стать частным лицом, панегирик в адрес которого я имел наивность высказать ранее. В Соединенных Штатах литератор уходит на Уолденские пруды, сидит бирюком, пестуя неприязнь к городу - никого не интересуется Генри Дэвид Торо, пока не напишет он "Уолден, или жизнь в лесу", но сравните мое и его бытование на обширных пространствах, и вы поймете, что там его частная жизнь - норма, здесь моя - героизм, хотя в герои я не подавал заявки. Но всем ходом дней, течением самоотверженных лет я попадаю в изгой; и чтобы не скомпрометировать себя, приятели бывшие, теперь они на разных ступенях социальной лестницы, на всякий случай обходят меня на улице, они боятся быть замеченными рядом с обездоленным и бросить тень на свою репутацию. Так уход в Ботанический сад положил сразу черту между мной и Валентином Распутиным. Поэт Сергей Иоффе стал мистически бояться, что я однажды попрошу у него в долг, а отказать он не сможет, хотя бы потому, что богат, и знает, что я знаю о его богатстве, сделанном и за мой счет, ибо мои рукописи, более сильные и страстные, отвергаются издательством, а его, слабые и индифферентные, печатаются книга за книгой, и оттого в глазах Сергея Иоффе стоит всегда горестная поминальная свеча по мне.

Нас многого лишили. Но когда лишают права уйти в скит, в спокойное, почти благостное отвержение, в Ботанический сад с его несомненной духовной наполненностью, - что же делать, Марина?

Но представь, я принял решение остаться на городских улицах, в обществе прокаженных решил прикинуться прокаженным тоже. Режим стерпит меня? Не поперхнется одежкой моей, запахом редьки и незлым, но прямым словом?

Однажды осмелился я нарушить заповедь номер 1 и пришел в Иркутский союз писателей, в роскошный особняк на улице Степана Разина, мне захотелось одним глазком посмотреть на живых писателей, приехавших из фашист-

ской страны. Одиравший в саду, я думал о том, как они прорвались сквозь таможи Португалии и что ждет их по возвращении - каменоломни, садовничество или даже и в садовники не возьмут. В общем, мне понадобилось увидеть людей более стойких, скажем, чем я, и преисполниться мужества стоять и далее. Португальские писатели, не оглядываясь по сторонам, что тоже выглядело удивительным (я сразу представил Иоффе или Марка Сергеева, они непременно осмотрят аудиторию, примериваясь на ту степень правды, которую не опасно отмерить для слушателей и для себя, и в обтекаемых словах, поэтическими метафорами, сомнительными хотя бы потому, что заготовлены заранее, исправят должность трибуна), - не оглядываясь по сторонам, португальцы сообщили: "Мы находимся в оппозиции к режиму Салазара", - и далее последовала смешная переписка. - "В открытой или потаенной оппозиции?" - "В открытой". - "Вы говорите о неприятии режима в частных речах?" - "Мы издаем журнал и газету, разумеется, и говорим, не только в частных, но и публичных речах". - "Ваш журнал распространяется по негласной подписке, из-под полы?" - любопытство распирало нас ("нас" - слишком обязывающе. Скажу точно - меня и Дмитрия Сергеева, и, кажется, был Федор Боровский, прозаик, так и не принятый в Союз писателей русской партией, ибо по отцу Федор-еврей).

- Наш журнал и наша газета продаются на улицах Лиссабона с лотков, чтобы народ мог покупать открыто то, что мы считаем нужным сказать народу, - запомнил я ответ.

В фашистской стране они имеют возможность не только удалиться, но и *остаться*, и прежде всего *остаться* самими собой. Мне не дали остаться, и я удалился, чтобы в удалении быть самим собой, - экий невинный лепет провинциала.

Ботанический сад всегда был учреждением полузакрытым. Вторжение артиллерийской дивизии в войну не в счет. Когда Александр Вампилов в пьесе "Прощание в

июне" привел сюда юного Колесова, драматург не успел понять полузакрытости сада, но в столь молодом возрасте Вампилов понял полузакрытый характер системы, не терпящей открытых, здесь уместно сказать славянски-открытых, натур. И ректор университета положил изгнать одаренного ботаника Колесова. Действие пьесы, в том числе на делянах нашего сада, происходит на рубеже 50-60-х годов. Именно в те годы изгнан из Иркутского университета юный Леонид Бородин. Неужели будущая 70-я статья УК РСФСР провиделась ему в той знаменитой 70-й аудитории, где сходились мы на общие лекции по истмату или политэкономии?*

После Бородина университету на берегу Ангары уже не пребывать без жертвоприношений. Но я плохо знаю замолчанную старшим поколением череду арестов и гонений в дохрущевские времена.

Пройдет немного лет, из стен университета с волчьим билетом выпроводят филолога Геннадия Хороших (ректор Бочкарев произнес тогда историческую фразу: "Университет не нуждается в Хороших", - и аудитории заполнили, не скажу плохие, но поникшие и притравленные, с потухшей искоркой в глазах). Прошла эпоха, ныне один из признанных столпов демократического Иркутска - Геннадий Константинович Хороших. Но, чтобы сохранить себя, ему довелось десять лет простоять у бурильного станка. Зато теперь он ходит по городу с поднятой головой. И, скрадываясь, скользят как тени предавшие некогда Хороших, иные подались в демократы и делают вид, что не помнят о том публичном изгнании одного из лучших студентов ИГУ.

Три ректора университета Рогов, Бочкарев и Козлов по эстафете спешили донести в органы на Юрия Шервашидзе, светлейшего князя абхазского. Замолчу пока подробности гибели светлейшего (душу Искандера травить не хочу - он мальчиком был разлучен с Юрой Шервашидзе)...

* А ведь и в Ленинградском университете на истфаке именно в 70-й аудитории читались эти лекции! - *Замечание бывшего политэзка Р. Евдокимова.*

Когда впервые я пришел в Ботанический вместе с учениками - а случилось это, дай Бог памяти, в 76-м, - мог ли я догадываться о катастрофе, которая настигнет нас? Мог. Но выбора не оставалось, и мы пришли по найму на лето, готовили под озими дальние участки, выпалывали гряды, а вечерами у палаток читали вслух Лескова и репетировали сцены из "Гамлета", Саня Лопин играл принца Датского (а принцы должны ли уметь работать кровельщиками)?

Удушье мучило. Отголоски борений, связанных с мощной поэзией Твардовского и руководимого им журнала, с жертвенным поведением Солженицына, тлели под слоем золы. Драматический и театр юного зрителя ставили Вампилова, но "Утиная охота" лежала под спудом. Выпавший из эпохи Зилов преподавал бы со сцены урок дискомфорта: каждого, кто не примет условия общепринятой игры, ждет... утиная охота, где страждут озими от бешеной забавы, и будит лай собак... - но не дубравы будит лай собак, а политзаключенных на зоне.

Замысел "Озимей" вырос из лая сторожевых собак.

А теперь вернемся опять в Ботанический. Я помянул мимоходом директора сада. Фигура его загадочна. Михаил Васильевич Курочкин окончил некогда с отличием географический факультет Томского университета и в описываемую эпоху был уже изрядно уставшим человеком. Но был неизменно кротким с научными сотрудниками сада и со мной; тогда я начал разгадывать и разгадываю поныне: почему госбезопасность сделала ставку на всеми презираемую женщину Галину Б-ц и отступилась от Курочкина? Ах, сколь неучтиво вопрошание мое! Слышал бы о моем вопрошании сам Курочкин. Мы проводили с ним часы в беседах и чаепитиях, до основ мироздания никогда не поднимаясь, чувство меры у директора сада превосходное. Выживет ли японская вишня, зимой теряющая половину ветвей? Возможно ли к корневой системе сосны приживить саянский кедр (оказывается, столь странный опыт заложен в дендрарии)? Озимый чеснок, созданный неукротимой фантазией Толи Королева, устоит ли в нынешнем февра-

ле? - сумерничая, мы бормочем у печи или в котельной. Но в кротком взоре Курочкина я прочитываю деликатный вопрос: "Выживешь ли ты, дружок, на корневой системе Ботанического сада? Озимый ли ты по характеру?"

Иногда я угощаю Михаила Васильевича рябиновым вином, он махонькими глотками пьет из тонкого фужера и спрашивает-утверждает: "Дар к домашнему укладу потомственный у вас, Борис Иванович? Или привнесенный бурями? Чудное вино"... Накануне ареста директор приходит затемно, ждет у калитки (смущаясь, он как-то сказал мне, что мой дом прослушивается), протягивает пацку чая с жасмином, молча и медлительно смотрит в лицо и уходит. Грустный вестник беды, не могущий изменить хода событий. Но после ареста Курочкин делает заявление в саду о том, что придет день, "и всё рухнет, как карточный домик". Галина Б-ц вспрыгнула тотчас: "Это настроение, чуждое для советского Ботанического сада!" - и читатель припомнит к месту, что где-то слово это слышал. Напомню. На плантациях первого Письма мной открыта советская лягушка. Пришел черед советским кедром.

Михаила Васильевича уволили из директоров под смешным предлогом - в нетрезвом состоянии он бродил по грушевой аллее, полная луна сияла над садом, и Курочкин повторял: "Всё рухнет, как карточный домик". За карточный домик уволили.

А Королев, а братья Королевы всё окапываются в Нахаловке. В майские праздники той трагической весны Анатолий Королев царски одарит меня клубнями черных гладиолусов, я высажу клубни в открытый грунт, за неделю до вторжения непрошенных гостей гладиолусы выбросят вверх траурные стрелы, но во время тотального обыска гебисты вырвут гладиолусы из гнезд и оставят умирать на грядах.

Королевы пришли в город из Куйтунского района. Не ломая шапки ни перед кем, они задумали взять Иркутск осадой. У братьев оказался могучий дар оседлости. В Глазковском предместье, на отшибе, где паспортный контроль

ослаблен, они высмотрели участок заболоченной земли, огородили бросовыми прутьями и принялись творить дивные дела: от угольных котельных стаскивали шлак, собирали битый кирпич, железные патрубки, проволоку. Затем братья привезли цемент - на цемент потратились - и в десять дней возвели шлакоблочные стены, накрыли горбылем, чтобы в дождь вести работы. Не успев оштукатурить комнаты, поставили к зиме русскую печь, вмазали в нее котел, вварили трубы. Морозы застали юных братьев в теплой большой конуре, по ночлежкам уже не придется скитаться. Когда же я пришел в званые гости, они принимали меня в доме, отделанном по всем правилам искусства: стены покрыты листвяком, листвяк они прижгли для красоты паяльной лампой, пахло магнолиями - они цвели в кадках у окон. Шторы на окнах. Плафоны струят мягкий свет. На столе в горнице кринка с парным молоком. Фантастика? Для обленившихся городских мужиков, что ныне стонут по России, оно и фантастика. Но разве не фантастика мое выживание с 90-рублевой зарплатой посреди ледяных пространств Сибири?

Рядом с домом братья построили в два этажа теплицу, стены и потолок закрыли ломаным, бросовым же, стеклом, от домашнего котла пробросили трубы и стали круглый год брать свежие овощи. Младший из Королевых Михаил договорился с рестораном "Арктика", к дому подкатывал узик и забирал у Королевых в январе зеленый лук, редис, огурцы по ресторанным, разумеется, ценам.

Заболоченный огород Королевы забросали камнями и сверху навезли суглинка, помешали с навозом. Устойчивые урожаи помидор стал брать на этом нелепом огороде селекционер от Бога Анатолий Королев. Да будет врать, скажут чалдоны, помидоры не вызревают в Сибири в открытом грунте. Так, соглашусь я. Но Толя проделал одну операцию - при посадке ронял стебли к земле, и вповалку помидоры стали вызревать на корню.

Осевшая в Нахаловке по соседству семья устроила натуральный обмен: Королевы снабжали соседей овощами,

получая взамен парное молоко; корову и молодняк соседи держали втихомолку, когда приходил участковый, запаивали его сливками.

Тоскуя по открытой жизни, я убегал порой к Королевым. Всякий раз меня угощали молоком и никогда вином или водкой. А вы, господа, говорите, что Россия погибнет. Пока есть в России братья Королевы, - будет стоять Отечество наше, только бы не мешали народной жизни идти своим руслом, по своим обычаям.

Но не одними Королевыми славен Ботанический. Пятого марта 1982 года сотрудник Иркутского КГБ Кононов получил сообщение, написанное ботаником сада Галиной Б-ц: "В разговоре с А. Королевым Б. И. Черных высказал мнение, что земля должна находиться в частной собственности", - канун драмы. Создатель озимого чеснока Толя Королев пока не догадывается, что попал в поле зрения тайных служб. А под арестом я открыл, что оперативная служба комитета ведет расследование, как попал в коллекцию Ботанического сада североамериканский серебристый вяз, сомнительный одним происхождением своим, именем своим опасный...

Темные силы. Письмо третье

Почему под надзором оказался североамериканский вяз?

В самом деле: почему? Под гласным и негласным надзором в Иркутске находились Сперанский и Лунин, - Сперанский исполнял обязанности губернатора края, - поляки и Петрашевский, князь Кропоткин и в наши дни князь Шервашидзе. Но под надзором североамериканский вяз...

Когда я вернулся с зоны, первым делом навестил Ботанический, чтобы убедиться, не сбежал ли серебристый мой. На месте. А вот дом и усадьба снесены ураганом...

В 1978 или 79 году чекисты праздновали 60-летний юбилей организации. Они сняли нарядный зал в городе,

там до октябрьского переворота заседала Дума, по приглашительным звали множество гостей, отмеченных безусловной лояльностью. Разумеется, сошлись здесь - в открытую - респектабельные доносчики, это был их день.

Заигрывание КГБ с Валентином Распутиным подошло тогда к роковой черте. И областное руководство повелело во что бы то ни стало призвать лауреата государственной премии на 60-летие, и Распутину вручили, с расшаркиваниями, приглашительный билет. Размыслив, Валентин решил, что слишком одиозным будет появиться ему, деревенщику, среди стукачей, и доложил мне, как бы отчитываясь в вольнодумстве, что не окончательно-де покинуло оно его. Я и раньше замечал, что он прибегает ко мне, будто к волевой опоре. И если просил я его не делать опрометчивого шага, Валентин из вредства (а характер у него настырный, не уступающий моему) все же поступал иногда наоборот, зато после соглашался: "Ты оказался прав, не следовало вступаться в затею".

Сейчас, упреждая мое пожелание, он сказал, что на слет стервятников не явится, "хотя, - сказал, усмехнувшись, Распутин, - они не ударят в грязь лицом. Первоклассные книги будут там продавать". Книги оставались нашей страстью, впрочем, Распутин имел побочный доступ к книгам.

- Если на то пошло, за книгами могу сходить я, - сказал я. Мы переглянулись и рассмеялись. Молодость еще собирала отжинки в нас, и я смотрел на Валентина, как на великолепный экземпляр стихийной породы, он тоже отдавал должное моей нестреноженной натуре.

В урочный час я был у театра музыкальной комедии. На входе дежурили brave прaporщики. Я протянул глянецовый билет, рысьи глаза скользнули по билету и скользнули по моему лицу. Но я носил пушистую шапку и, входя с морозной улицы в помещение, снял очки, этого оказалось достаточно, чтобы молодые прaporщики не признали меня. Далее предстояло пройти в гардероб, снять пальто и

шапку и таким образом предстать разоблаченным перед публикой. Не сорвалось бы намерение мое добраться до лотков в фойе и посмотреть книжный развал. Я охотился тогда за "Вечерними огнями" Афанасия Фета. Дважды я видел "Вечерние огни" на черном рынке, но цены кусались. Авось, повезет здесь.

Я разделся и прошел в танцзал, заполненный декольтированными дамами и мужчинами в вечерних костюмах. Приоделся и я в приличествующий моменту пиджачок, поношенный, зато вельветовый, и в накрахмаленную рубашку с галстуком.

Лотки стояли развернутыми, но я застеснялся сразу обнаружить истинную цель моего проникновения на маевку, да и не хотел подавить искушения прогуляться по расфранченному фойе. Но, чтобы насладиться забытой светской аурой, пришлось надеть очки. И опять, как намеренно с Распутиным, я хохотнул, ибо явление Робинзона Крузо прямиком с необитаемого острова под райские кущи выглядело комичным, если не сказать крепче. Но Саня Вампилов не просто одобрил бы нашу затею, а и восхитился бы: яркая драматургия события наличествовала здесь и грозила взорваться непредсказуемым финалом. Персонаж попал в волчье логово, и выводок закрутит сейчас карусель: позволить Борису Черных видеть в лицо отборную гебистскую агентуру недопустимо. Хотя, с другой стороны, позвали бы отщепенца, допустим, в Скотланд-Ярд, там, в уважаемом обществе, неужто я был бы нежелательной персоной? Но страх пропитал общество, и прежде всего тайную полицию. Среди самих опричников крепко убеждение, что они заняты непристойными делами. И фарс с 60-летием ГБ задуман в качестве малой компенсации за моральный и невосполнимый ущерб, испытываемый опричниками денно и нощно. Это всё равно, что палачу платить премиальные, затем звать еще и на палаческий пикник в связи с юбилеем Робеспьера (или Бурбонов, в зависимости от обстоятельств). Но я знал и другое - стер-

вятники не ждали меня на свой пир, поэтому одноактная пьеса имеет шансы быть сыгранной.

Любопытствуя, я прошел к буфету. Э, да они сыто устроились! Заливной омуль, телячьи языки, красная икра. Болгарские и румынские вина и коньяк, почему-то грузинский. Сладости стояли прямо на столиках, и Робинзон Крузо присел, чтобы попробовать на язык пирожное. Шоколадное пирожное тает во рту. Я запиваю его можжевельным соком. Во время трапезы открыто смотрю на сливки иркутского общества. Есть лица не без телесного приятства, о духовном приятстве не рискну говорить.

К моему столику подсади два юных лейтенанта в парадной форме с золотыми позументами. Они надкусили пирожное, стрельнули восторженно друг в друга глазами и празднично, почти рождественски посмотрели в мое лицо. Я улыбнулся им. Но один из лейтенантов поперхнулся, опустил карее око, снова поднял, вперившись в меня, и сказал приятелю:

- Коля, прости, я сейчас, - бдительное сознание сработало, лейтенант узнал меня, видимо, по фотографии (наподобие тех фотографий, что расклеиваются милицией "Их разыскивают органы правосудия", портрет мой запущен в ряды КГБ). Ну, узнал да и узнал. В конце концов эти пирожные я не украл, я заплачу за них, допью, не торопясь, можжевельный сок. Интересно, в Ботаническом у нас есть можжевельник? Земную жизнь пройдя до половины, кажется, заблудился и я в можжевельном лесу...

На свободный стул за столиком приведен еще офицер, этот смотрит в глаза мои с прямой и активной ненавистью. Я встаю, чтобы расплатиться за яства на чужом пиру. Краем глаза вижу, тройца встала и следует за мной. Я протиснулся к богатому лотку, простреливая книжный раздел взглядом, нет ли "Вечерних огней", и увидел Александра Блока. И слава Богу: если здесь Александр Блок, ничего дурного со мной не случится. Я поднял двухтомник Блока, но смотрел в зал. Считанные минуты оста-

ются в моем распоряжении, я куплю "Записные книжки" и буду читать в саду, чтобы внять можжевеловым истинам. Я протянул деньги прелестной лоточнице. Сконфузившись, девушка отвечала:

- Простите, но нам запретили продавать книги сейчас. Только после торжественного, - ох, и здесь дела из рук вон плохи: они боятся, что верноподданная публика разбредется и зал окажется полупустым.

Но слушая вполуха ответ маркитанки, с А. Блоком в руках я внятно услышал вкрадчивый шепот:

- Борис Иванович, как вы оказались здесь? - по тональности, по фистуле шепот был ведомственным.

Я ответил бодрым шепотом:

- Пришел на праздник.

- Вас пригласили? - снова тихохонько.

- Да, у меня пригласительный билет.

Пауза. Но снова:

- У вас, Борис Иванович, не может быть пригласительного билета на наше торжество.

- Отчего же? Ваше торжество - торжество народное, значит и мое тоже.

Опять заминка. Три офицера, оставляя Робинзона Крузо в полукольце, отправляют четвертого за инструкциями. Мы стоим вольно, я листаю Блока, но смотрю в фойе. Толпа утончается, звенит призывная трель - публику приглашают в зал. Как на киноленте я вижу множество примелькавших лиц в городе, некоторые узнают меня и немедленно отворачиваются, застигнутые врасплох моим явлением. Наконец, на дальнем плане я вижу полковника Анатолия Ивановича Степаненко, заместителя начальника областного комитета госбезопасности.

- Если Степаненко возжелает ухода моего, я, пожалуй, уйду, - говорю я румяным офицерам, издали наблюдая старинного приятеля-неприятеля.

Степаненке докладывают диспозицию и приносят ответ: "Анатолий Иванович настоятельно просит вас оставить театр".

Театр военных действий.

- Что-то неблагополучно, ребята, в государстве Датском, - приоткровенно вздыхаю я (Саня, "Провинциальные анекдоты" твои не игрались с большим блеском на сцене, нежели въяве играем мы). - Друг мой по комсомолу всегда был рад приветствовать меня.

- Вы не верите нам, Борис Иванович? Что ж, полковник Степаненко даст понять издалека, что он настаивает на Вашем уходе.

Словно на батальном полотне, но где фигуры вдруг ожили и задвигались, я вижу: к полковнику подлетает нарядный адъютант, докладывает наглое условие ретиранды и отодвигается, высвобождает лицо Степаненко для - теперь это удивительно точно прозвучит - для моего лицезрения.

Симпатичные, в ямочках, жандармские щеки полковника пунцовеют. Ну, сыграй, сыграй, такова твоя доля, сизый. Уж много лет мы знаем друг друга, и всю-то жизнь ты занят не жизнью, а ролью сохранить добродетельную мину при жизни. И вот сейчас карьеру твою низвожу я к зыбкому рубежу, завтра получишь ты державный выговор за сегодняшний прокол. Но что сделал бы я на твоём месте? Я подошел бы, сказал, протянул руку: "Рад видеть тебя, Борис. Проходи. А, ты хочешь купить "Записные книжки"? Да ради Бога ("Бога" с прописной). А посмотри, здесь есть и "Избранное" Вампилова. Ты оказался прав, предрекая ему славу, а я зря пытался у тебя о настроенных драматурга. Клянусь, дурного я ему не хотел. Ты не веришь мне? К уходу Вампилова мы не имеем никакого отношения. А вот Гарсиа Лорка, "Романс об испанской жандармерии", чудная мелодия. Купи! Впрочем, покупаю я и дарю тебе. Знаю, рано или поздно ты, Боря, поднимешься, тебя будут печатать союзные, не провинциальные, журналы. Хочу: чтобы пылинки не омрачили нашей дружбы"...

Монолог прерываю. Холодное лицо функционера КГБ перекашивает гримаса, он вздымает очи и разводит пух-

лыми ладонями: "Прости, - говорит с другого конца сцены, но молча, - мы должны расстаться немедленно и теперь навсегда. Ты невозможно живой человек. Мы не договаривались, что ты будешь таким живым. Мы всех уже умирили в Иркутске, и только ты"...

Офицеры выводят меня из парадного к экипажу. Черная "Волга". Я отказываюсь сесть в машину.

- Не бойтесь, Борис Иванович, - сочным голосом басит старший лейтенант, - шофер подбросит вас до дому с ветерком.

Я сдаюсь. Не трястись в трамвае, а там еще в гору пешком, и холод собачий на улице.

Но водевиль они доигрывали завтра и послезавтра. По всему городу начинается поиск лица, которое посмело передать пригласительный билет антисоветчику. Распутин, надо отдать должное ему, молчит. Удалившись к озябшим деревьям в саду, молчу и я. А Иркутск в эти дни освобождается от страха. В редакциях газет, на телевидении, в театрах, в университете стоит негромкий смех, врачующий души. Смех сопровождает оперативные действия наличного состава Иркутского комитета госбезопасности, брошенного на розыски пригласительного билета. Отголоски трагикомедии друзья мои приносят под кроны соснового бора, и мы тихо радуемся: растормошить холодный сон сограждан, вернуть им улыбку, - и то дело. Я не в силах одарить прозой читателей, к издательству не подпускают меня. Телячьи языки и заливной омуль дать иркутянам не в силах. Но народ жив, пока смеется. Конечно, Степаненко считает неподобающей живость народа, но нашелся чудак, задевший за душу, и душа очнулась...

"Темные силы" - назвал я письмо третье. Да где же они, темные силы? - скажет читатель. - Уж не эти ли напыщенные офицерики? Этот дурак - полковник?

Первый допрос А. И. Степаненко, тогда в звании капитана, учинил мне в 1966 году. Пять лет жизни остается Александру Вампилову, еще нет у Вампилова российской известности, и исход в частную жизнь предощущается

гипотетически (Зилов в "Утиной охоте" кричит, надрывая душу: "Только там чувствуешь себя человеком", - там, на безлюдье), но мы задыхаемся в одиночных камерах своих квартир. И главный вопрос А. И. Степаненки, тайного шефа интеллигенции, о Вампилове: что пишет он? Вижу ли я в будущем, и каким вижу, Александра Вампилова? - вопросы смутили меня. Ссориться с ведомством я не хочу и готов сказать о лояльности. Но Вампилов?! Быть может, я тороплюсь посадить его на божницу, куда поднял давно Леонида Бородина.

Воздавая должное юному Вампилову, я не мог тогда предположить, что через пятнадцать лет молодежь Иркутска сойдется и назовет свое товарищество его именем, а Санины пьесы войдут в сокровищницу отечественной драматургии, и меня - по ветреному свею - поведут за созданное Вампиловское книжное товарищество. Но почему в рождественские дни 1966 года вопрос Анатолия Степаненки столь одиозен? Или прощупывается готовность к компромиссу? Гебист знает, что песня моя спета, да. Исторженный из обкома комсомола и молодежной газеты, иду я по чиновным этажам с безнадежным персональным делом о фракционной деятельности.

Стоило ли всесибирского грома Письмо в адрес 15 съезда комсомола? Соблюдая традицию, Письмо я назвал "Что делать? Некоторые наболевшие вопросы нашего молодежного движения". Единственный крамольный тезис Письма содержит призыв делегировать треть ЦК партии от молодых коммунистов страны. Дерзкая и сильная ветвь придаст Центральному Комитету устойчивость от ожирения и будет способствовать реформистской смелости. Напомню читателю - Алексей Косыгин замышлял тогда перевести союзную промышленность в жесткие условия действующего, а не прокламируемого, закона стоимости. Свержение Никиты Хрущева сошло с рук Брежневу и Суслову еще и потому, что обещана экономическая, базисная, реформа.

Сочинить пылкое Письмо немудрено. Письму необходимо придать статус официального документа, конституиро-

вать его на областной конференции. Я беру на себя риск и договариваюсь с комсомольскими деятелями Братска, Ангарска, Иркутска. Начало моей биографии.

И все же почему шефа 5-го отдела КГБ интересует - еще на взлете - Александр Валентинович Вампилов? Отгадка пришла позже и оказалась простой. Однажды в компании московских интеллигентов Саня в полемике неосторожно проговорил замысел будущей "Утиной охоты":

- Солженицын написал о том, как в предельных обстоятельствах человек остается человеком. Я хочу написать о другом - умирает, задыхаясь на воле, человек, полный сил и брожения токов, но сломленный необъяснимой усталостью..

Саня, Саня, прощаясь с иллюзиями 70-й аудитории, как опрометчив ты в открытости своей.

Об этом признании Вампилова рассказал мне прозаик Игорь Минутко. С Игорем Минутко бродим мы по Одессе после просмотра в Русском драматическом театре Вампиловской пьесы "Прощание в июне". Что занесло нас в Одессу? На дворе 1973-й год. Мы оплакиваем уход Сани и понимаем - нам придется писать и воспоминания о нем.

Упреждающий удар по художнику готовится исподволь, и мутноватая ухмылка на лице Степаненки сопровождает допрос. Что же делаю я? Неразумный, я бросаюсь в атаку, называя Саню надеждой русской литературы и "не трогайте его, Анатолий Иванович, если не хотите запятнать себя", и гебист удовлетворенно пыхтит сигаретой (или беломориной, тогда он задымливал меня беломориной), позывные сходятся в узел: Вампилов потенциально опасен и надо остановить его.

Это был заговор против литературы. Мутные лица заговорщиков вереницей тянутся из прошлого, я всматриваюсь лишь в самые одиозные.

Так будем свидетельствовать. Дадим возможность историку будущего по моим протоколам нарисовать портреты современников, с кем об руку пришлось нам обживать провинцию и умирать в провинции.

Не знаю, по чьей инициативе в канун моего ареста А. И. Степаненку перебросили в Монголию (и что он там делает, не умея связать двух слов на чужом языке? За посольскими сотрудниками следит?), и подполковнику Г. С. Дубянскому вменили засучить рукава. Вернемся в кабинет Дубянского...

Мы пьем ритуальный чай перед допросом. Я сижу за отдельным столиком, столик привинчен к полу, чтобы последственный не мог бросить в подполковника или в окно (а окно выходит на улицу Литвинова, иркутяне, обремененные тяжкими заботами, шествуют по улице. Мне бы ваши заботы, милые).

Дубянский ищет педагогические подступы ко мне, и я прошу его рассказать о себе. Оказывается, мальчишками мы приходили в летние дни на Урийскую барахолку - туда, где идет высокое и печальное действо урийских рассказов моих - я, чтобы вдохнуть воздух свободы... В сталинскую эпоху барахолка таила в себе сокровенные искры свободы... Дубянский, из состоятельной семьи, приходил сюда за покупками, которые могли мне только присниться. В 1949 году за рыболовные снасти дяди Ильи я выменял двухлитровую кринку соевого масла, а мальчику Дубянскому купили велосипед с красными шинами. Как, подпрыгивая я, велосипед с красными шинами, единственный на весь город, был тогда у старого еврея Гольдфейдера.

Земля ты мой.

Потом Дубянский поехал в Иркутск, чтобы стать студентом юридического факультета. Выбора у Дубянского (и у меня несколькими годами позже) не было: от Тихого океана до Томска единственным университетом был тогда Иркутский. И слетелось сюда орлиное племя Бородиных и Хороших, Вампиловых и Распутиных. Стервятники слетелись тоже.

Второй следователь косноязычной скороговоркой говорит о себе: "Следователь ОВД", - на скорости; из ОВД*

* ОВД - следователь по особо важным делам.

получалось по Юрию Домбровскому: "ОВОД". Правда, прозвище Овод в "Факультете ненужных вещей" дают сломленному в борьбе и ставшему осведомителем арестанту. Овод - Владимир Ковалев, росточка махонького, с комплексом физической неполноценности, но крепкий боровик, выучился, как и мы с Дубянским, у Пертцика и Ческис (Лобанова выжили с юридического быстро, это тоже довольно странная история - Лобанов давно стал с в о и м для улицы Литвинова. Видимо, противобрежневские парадигмы Павла Викторовича отозвались на страдальце). В 1987 году потерявшие страх однокашники Овода расскажут мне: Ковалев по затемненности ума, стесненного к тому же нежеланием лишний час провести в губернаторском доме (в резиденции Муравьева-Амурского, генерал-губернатора Восточной Сибири, размещена Научная библиотека университета, колыбель провинциального младогегельянства), невероятно обидчив и злопамятен. Упертый в азбучное, он боится воздуха абстракций. И то, что из сотен сотрудников разбухшего аппарата областного КГБ именно Ковалеву выпало стать Оводом, знаменательно. Да позвали бы Юрия Шаманова, отозвав с поста начальника Братского отделения госбезопасности (кровушки попортил братчанам циничный и умный Шаманов), или Николая Гудкова, уполномоченного по Политехническому институту. На самый крайний случай доверили бы особый участок Юрию Гуртовому, стрёмному коню, это Гуртовой переполошил весь Иркутск поисками пригласительного билета и Гуртовой же искал компромат на североамериканский вяз в Ботаническом саду, - но выбрали в Оводы попугая. Бедная Россия, бедная провинция. Но терпи, садовник, вслушивайся в дурацкие речения, на ходу не забывай и Овода допросить, да не дерзи ему, боком бы не вышла дерзость.

Когда Овод косоруко представился подследственному в досточтимом своем качестве, я сделал демарш: письменным заявлением вызвал прокурора области, явился Н. Ф. Луковкин, зампрокурора по надзору за КГБ. "Проводите ли вы, Николай Федорович, - спросил я, - инструктаж со

следственной группой? Если проводите, почему Владимир Иванович столь неумел в обращении с подследственным? Почему он грубит? Почему задает глупые вопросы? Вот пристал, зачем женщины чистили дворик от снега. Что ж, по сугробам ходить было?"

Н. Ф. Луковкин отвечал гримасой: "Да где мне взять другого ОВД? А если я найду доку, все равно он Канта не читал и Ленина цитировать на память следом за вами не сможет". - "Зачем же затеяли дело, если сил нет на него?" - "А я его затеял? Они его и затеяли!" - "Требуйте, чтобы не шел напором, и тогда мы сочиним повесть, потомки захлеб читать будут". - "Не воображайте много о себе", - проворчал зампрокурора области и ушел раздраженным.

Результат? Овод сник, стал покладистым, да ненадолго, глупость родилась раньше Овода, сорвался он скоро на истерический крик и угрозы: "Иносказанием мы не позволим заниматься вам, не на симпозиуме", - я поправил его: "На симпозиУме", - через десять минут в наручниках меня повезли из КГБ в тюрьму, там держали в грязном боксе, вырешивали степень мщения, кару определяли, затем вели по долгим вонючим коридорам и втокнули в камеру, где ждали меня рецидивисты с полосой лба такой же узкой, как у Ковалева, с хищными глазками.

- Ну ты чё, антисоветская рожа, - спросил убийца, шедший на вышку за расчленение трупа любовницы, - чё ребят наших мучаешь? - Я невольно рассмеялся. Дурная игра всегда вызывает у меня смех. Странно, смех мой вызвал симпатию у оголтелой компании. По-своему это объяснимо: они, получив указания и инструкции, ждали страха и паники с моей стороны, а тут на тебе.

- Мужики, всё наоборот, - сказал я. - Это ваши ребята отпетые антисоветчики.

- Чё говоришь! - вскричал атаман. - В КГБ антисоветчики?!

- Отпетые!

Они посмотрели друг на друга и задумались, наконец вожак осторожно сказал:

- А кто ты есть? Комиссар чё ли?

- Угадал, Василий Иванович. Меня в дивизию к тебе направили комиссаром.

- Чё ли Фурманов?

- Он самый.

Истосковавшиеся по вестям неординарным из мира законного, господа уголовники искали забвения, и я оказался находкой для них, патриотические настроения только мешали рецидивистам вникать в простые истины, принесенные политическим, пришлось потратить несколько уроков, чтобы перевоспитать мужиков. Но вожак ворчал, держал роль Чапаева, пытался назидать и сказал решительно в конце: "Не меня, а тебя надо подвести под вышак": - "А тебе самое время научиться петь "Варшавянку", - отвечал я ему.

Свидания же наши с Оводом не приносили радости.

- Почему у нас ничего не получается? - сожалеючи задавал я вопрос Ковалеву. - Андропов уволит вас. Всё-то у вас невпаад, и скучно, и угрюмо. Иль вы "Казакон" не читали?

И Овод попался в очередной раз:

- Антисоветскую литературу не употребляю.

Я было рассмеялся, но затем открыл, наконец, что действительно русская литература разделена им на советскую и антисоветскую, и Овод здесь неизбывно оригинален. Но как тогда прочитывает он советскую литературу?

- Владимир Иванович, а "Пир Валтасара" вы изучили вдоль и поперек? Согласитесь, у строителей социализма были славные вожди. Нынешние в подметки не годятся прежним. Сталин понравился вам в "Пире"?

- Сталин мне повсюду нравится, - отвечал Ковалев. Но сообразив, что я вывожу разговор на любимого мной Искандера, чья рукопись взята при аресте, зло мигнул и стиснул зубы. Оказалось позже - в приговор эта раблезианская фреска Фазиля Искандера не вошла. Несчастлиная потуга скрыть от читателя вакхический портрет мудрейшего вождя всех времен и народов смешна и нелепа. Но,

будучи под прессом, я узнал от Овода, что Комитет каждый год в декабре празднует день рождения Сталина. И не наш ритуальный чаек пьется на сталинском дне рождения. Солдатская шинель, жесткая койка, неприхотливость в пище поминается каждый раз ханжески, от сталинской скромности ничего не осталось в сем логове.

Внезапно однажды подступило затмение, я потерял сознание, считанные минуты спустя оказалась рядом врачиха. Когда я пришел в себя, упрекнул следователя по особо важным делам:

- У Комитета, оказывается, своя медсанчасть, с лучшими врачами, с лекарствами, которых на воле не добыть простым смертным.

- За вредность должны быть и условия подходящие, - получил в ответ.

- А у Сталина вредности, что ли, не было?

- Слушайте, заткнитесь вы со Сталиным! - сорвался Овод. - При Сталине вас давно увели бы в подвал.

Еще открытие. Расстрельный подвал, под зданием КГБ и МВД, находится здесь же, в средостении улиц Литвинова и Дзержинского. Замахиваются нынче вернуть этим улицам старые имена, а зря, зря. Да той же улице имени Феликса куда возвращаться? Она называлась именем графа Кутайсова, затем Арсенальской, затем Льва Троцкого. Нет уж, снизойдите, современники, оставьте в топонимике Иркутска тяжелые знаки эпохи.

- М-да, - итожил скоро мой поединок с Оводом генерал С. С. Лапин (два "С" - Степан Сергеевич), - нашла коса на камень.

Генерал привезен в область новым секретарем обкома партии Ситниковым. Практика опробованная. На милой родине моей та же история - Первый (Шарин) привез обласканного еще в Приморье гебиста Клецкина, чтобы жить с КГБ в обнимку. Так и здесь: Василий Иванович Ситников шага не делал без закадычного друга и, когда бежал в Монголию, в так называемые дипломаты, издали посматривал в Иркутск, пытался вытребовать Лапина к себе, но

пришел черед бежать Лапину - в Москву, под крыло Крюкова. Шарин с Амура прятался и спрятался под зонтик Лукьянова, в Верховном Совете. Но и Лапин, и Шарин выгоду соблюли - в столице их ждали квартиры и дачи и, что немаловажно, забвение темных трудов. Ситников же завез на Байкал и судью карманного, В. Чернова, все восьмидесятые годы Чернов вел в Иркутске политические процессы, а Лапин об руку с Ситниковым на встречах с народом, в огромных аудиториях, соответствующе комментировали, призывая массы к бдительности*.

Итак, решено подследственного привести к Лапину: то ли ему не терпелось посмотреть на жертву, то ли воодушевить хотел следователей дланью покровительственной.

Я всмотрелся в Лапина. Портрет изобличал человека из народа. Крупное лицо, крупные руки, замедленная реакция уверенного в себе человека. Либерализму Степаненки хребет сломан вот этими руками.

С. С. Лапин провозгласил - на словах - гуманность в обращении с инакомыслящими. Сергея Боровского не повели по 70-й статье, вот и гуманность. Выкрутив руки и измордовав, взяв десять подписок, выпустили на волю Сашу Панова, он вместе со мной создавал Вампиловское

* Пройдет много лет, в Иркутской газете я прочитаю о визите М. С. Горбачева на Байкал: "На пресс-конференции Президента в Листвянке довелось задать вопросы и корреспонденту "ДПР" ("Демократический путь России"): "Михаил Сергеевич, в свое время в Иркутске были осуждены по политическим статьям писатель и педагог Борис Черных, нынешний член координационного Совета "Демократической России" Сергей Боровский, баптист Лавренович. Всех их осудил председатель областного суда Чернов, до сих пор остающийся в этой должности. Как вы считаете, могут ли такие люди возглавлять областной суд?" - "Здесь не может быть однозначного подхода. (А у Президента Горбачева когда-нибудь был однозначный подход по какому-нибудь вопросу? - *Корр. В. С.*) По каждому судье надо разбираться отдельно и смотреть. Ведь тогда были такие законы и такие судьи, обреченные исполнять эту жестокую, неблагодарную роль". ("Газета "ДПР", Иркутск, 27 ноября 1991 г.)

товарищество, и держали на привязи до 1987 года. Приняли решение исключить из университета моего сына Андрея, но по настоянию, причем публичному, позволили защищать диплом. Гуманность! Но Юрий Гуртовой прыти не сдержал, инсценировал на улице города столкновение Андрея с дружинниками (повязочки одели агенты комитетские), Андрея схватили и сутки продержали в КПЗ. Андрей выдержал испытание, но оскал гуманистов запомнил на всю жизнь.

В перечень двусмысленных деяний генерала С. С. Лапина войдет и встреча с Валентином Распутиным. Именно после этой встречи произошел надлом в мировоззренческой ориентации Распутина, и горожане будут долго гадать, что сотворено с писателем и кем, будут ходить слухи о том, что некие уголовники избили его в подворотне собственного дома. Но драма оказалась непредсказуемой: именно он, будучи не в себе, нападет на веселую компанию и падет к ногам шпаны, врачи спасут Валентина, но время отжинок отойдет навеки и подступит старость, сразу и бесповоротно. По возвращении я приду к нему, бездомный, с просьбой позвонить в областной Совет (не дадут ли комнату с общежитии, буде дом в саду сожгли, он, передернув плечом, как раненая птица, скажет: "Не сердись, но я должен спросить об этом в КГБ". - "Да о чем ты должен спрашивать в КГБ?" - "Они лучше посоветуют, как тут быть". - "Да они, напротив, - помешают". - "Ну, я не могу иначе"... - я ушел растерзанный и больше не приходил к нему).

Генерал Лапин олицетворял триумф комитета госбезопасности на сибирской земле, и в эти дни торжествующий Овод, усугубляя тяжкое мое настроение, сообщил, что беда вошла в Твой дом, Марина (взяли Глеба), а в Ленинграде взяли Ростислава Евдокимова, внука каперанга, талантливого поэта и филолога, и идут аресты в Киеве.

До тюремных камер докатилось безумное известие - новый шеф КГБ Федорчук в бронированном автомобиле выезжает к Манежу и хватает за руку парней: "Студент?

Поч-чему не на лекциях?!" И неопровержимо узналось: идут облавы в Иркутске. Внезапно во время сеанса зажигается свет, люди в штатском перекрывают выходы из зрительного зала, и начинается опрос: кто, как, почему во время рабочего дня столь вольготно чувствует себя? И далее: почему пьет кофе и ест мороженое? Завивает волосы и бреется в парикмахерской? В три пополудни позволяет себе заказать рюмку коньяку в "Арктике", в "Сибири" и даже в "Интуристе" поч-чему? По какому праву до обеденного перерыва женщины шастают по Соломона Урицкого (Торговый центр Иркутска)? - Всё это идет на мертвенном фоне гражданского авиалайнера, сбитого вместе со стариками и детьми над водами Татарского пролива...

О чем мы будем говорить с господином Лапиным?

- Борис Иванович, а как вы относитесь к Юрию Бондареву? - и выслушав мой ответ, окунается в велеречивость. "Бондарев концептуально прав, у нас есть право гордиться достижениями", - генерал делает провокационную выstupку. И чтобы там, вдали, иметь возможность, иметь право сказать то, что я сейчас скажу, я говорю ему там, в тот час:

- У нас нет достижений, Степан Сергеевич. Гибель русского народа...

- А я принципиально не согласен. Новая общность советских людей. Интернациональное братство. Любовь передового человечества к стране победившего социализма.

- Вы называете то, что есть, победившим социализмом?

- Бесповоротно, дорогой Борис Иванович. Потому-то, кстати, мы сочувствуем вам. Предубежденность бывшая ушла, мы поняли - вы советский человек, но со своеобразным взглядом на мир. Да, а Ежи Ставинского вы читали, конечно?

- Читал, и вы знаете об этом. Но к польской "Солидарности" Ставинский не имеет отношения.

- Мы хлеб не зря едим. Нам о Ставинском известно другое. Ну, держитесь, Борис Иванович. Вы симпатичны мне. В вас есть корневое, характер у вас русачий, морозоустойчивый.

- Я не русак, я гуран, Степан Сергеевич.

- Гураны - забайкальские казаки? Дак то ж чистейшие русаки!

- Мы помешали кровь с местными народами, потому и стали морозоустойчивыми.

Встав из-за стола, мы пошли к выходу из кабинета. И уже на флажке Лапин добро усмехнулся, мужицкое начало высветилось и проступило наружу:

- Борис Иванович, а почему вы считаете, что евреи из одной с вами камеры - осведомители КГБ, так сказать? Неужели вы антисемит?

- Зная, что я не антисемит, вы пытаетесь через *ваших* свреев кое-что разведать у меня. Но работать они не умеют, милостивый государь.

- Да вы заблуждаетесь, уважаемый Б. И. Оперативная служба тюрьмы ведет свою работу, в том числе среди евреев. Мы не касаемся их епархии. Своих забот полон рот. Ну, не гневите душу, Б. И., я рад был беседовать с вами, - Лапин протягивает толстую руку простолюдина.

В приемной чистолицый моложавый человек цепко всматривается в меня. Глаза его совершенно безжизненны. Я притормаживаю и всматриваюсь в маску. Запомнить бы. Не знаю, зачем, но запомнить бы.

Много лет спустя на собрании ученых в Академгородке я внезапно признаю в выдвиженце (ученые рьяно выдвигали чистолицего кандидатом в депутаты России) того человека, что сторожил мой выход в приемной генерала Лапина, но воспрепятствовать ему не смогу. Он станет депутатом России.

(Окончание в следующем номере)

В большевистском инферно

1

Первая книга, посвященная ужасам советских Соловков, носит характерное название: "Адские острова". Написанная офицером знаменитой "дикой дивизии" С. А. Мальсаговым, она вышла на английском языке в Лондоне в 1926 году. На протяжении столетий островной северный монастырь был окружен ореолом святости. И вот происходит чудовищная метаморфоза: святое, чудесное превращается в адское, уродливое. Хозяевами островов становятся не богобоязненные монахи, а воинствующие богохульники. Там, где поклонялись Христу, прочно, надолго утверждается Антихрист.

Еще в 1904 году о. Павел Флоренский (через 30 лет ему предстоит стать узником Соловков) сделал попытку осмыслить пространство-время дантовского ада, используя для анализа язык новейшей геометрии. Теперь мы видим: фактически это язык теории относительности, - свой законченный вид она обрела в 1905 году благодаря гению Альберта Эйнштейна. Для того чтобы попасть в Инферно, Данте и Вергилий должны пройти через обращение пространственных отношений: верх и низ, правое и левое поменяются местами - как бы вывернутся наизнанку. Такая инверсия возможна лишь в искривленном пространстве - изучением его структуры занимаются и неевклидова геометрия, и теория относительности.

Топологически ад есть изнанка мира. Очевидно, в нем подвергаются инверсии не только пространственные, но и

ценностные отношения: правда становится кривдой, добродетель - пороком, красота - безобразием.

Советские Соловки отвечают всем этим критериям ада. По свидетельству соловецкого узника В. Кичкаса, чекисты устроили в алтаре Преображенского собора отхожее место. Вероятно, топографически это не совсем точно, но факт остается фактом: в сакральном пространстве Храма совершались физиологические отправления. Адская инверсия налицо: вместо возвышенного - низменное, вместо ладана - смрад. Собор, превращенный в тюрьму, - это ли не дьявольская рокировка значений и смыслов?

Всё же между адом мифологическим и адом соловецким есть существенное различие: если в первом - по справедливому решению Бога - страдают грешники, то во втором мученический жребий принимают ни в чем не повинные люди. Разве этим не усугубляются ужасы Инферно?

Темная изнанка мира вышла наружу в коммунистической России. Экспансия ада грозила принять глобальный характер, - и теперь, когда она остановлена, мы хотим проследить всю историю постигшего нас несчастья.

Сделать это непросто: архивы Лубянки только-только начинают становиться доступными для исследователей. Но всё ли в них сохранилось? Чекисты умели прятать концы в воду, уничтожая и документы, и свидетелей. Вот почему события семидесятилетней давности порой просматриваются так смутно, как если бы нас отделяли от них семь столетий или даже тысячелетий, - туман преданий и мифов густо стоит над зарей советских Соловков.

Когда монастырь превратился в концлагерь?

Читая книги о советских Соловках, удивляешься противоречиям в датировках: историки и мемуаристы никак не могут нащупать порубежный момент - фигурируют 1924, 1923, 1922 годы. Взгляды историков на эту проблему эволюционируют соответственно притоку новой информации.

Так, крупнейший историк Соловков Михаил Михайлович Розанов (1902-1989) в своей книге "Завоеватели белых

пятах" (Лимбург, "Посев", 1952) возникновение концентрационного лагеря на Соловках относит к 1924 году. Однако книга написана на основе личных впечатлений начала тридцатых годов - скрупулезное изучение более ранних и более поздних свидетельств было у Розанова еще впереди.

Это изучение вылилось в фундаментальный трехтомник "Соловецкий концлагерь в монастыре" (США, 1979-1987). Подытоживая свое изучение мемуарных источников, М. М. Розанов утверждает в первом томе, что у соловчан-узников сложилась традиция связывать начало концлагеря с мрачным именем А. П. Ногтева - начальника УСЛОНа. Тогда эта аббревиатура расшифровывалась как Управление Северных (пока еще не Соловецких! - Ю. Л.) лагерей особого назначения. Лагеря эти находились в Архангельске, Холмогорах и Пертоминске.

Социалист Борис Сапир, автор мемуарного очерка "Путешествие к северным лагерям" (США, 1947), вспоминает, как 9 июня 1923 года - события разворачиваются в Пертоминском лагере - "начальник УСЛОНа Ногтев явился к нам с вооруженной охраной и приказал немедленно готовиться к этапу. 1 июля наш этап в 150 человек доставили в Соловки". Вероятно, тогда УСЛОН перебазировался на острова, и его начальник Ногтев стал полновластным владыкой Соловков. Но у него были предшественники. Борис Сапир вспоминает, что на подходе к Савватиевскому скиту заключенные увидели дозорные вышки над проволочными заграждениями. Сей архитектурный ансамбль не производил впечатления новостройки - значит, превращение острова в ад началось раньше 1923 года? Позднее, основываясь на воспоминаниях А. Клингера (Архив русской революции. Т. 19. Берлин, 1928), М. М. Розанов опускает дату рождения Соловецкого концлагеря до августа 1922 года - Клингера он называет "первым соловчанином".

Однако в третьем томе исследования М. М. Розанова говорится уже о 1921 годе. Одним из оснований для очередной ревизии стали воспоминания некоего В. В. М., вышедшие отдельной книжицей в 1977 году в США. Отличаясь

хорошим почерком, В. В. М. был определен соловецким начальством в "приказисты": оформлял и переписывал бумаги. В. В. М. утверждает: книга соловецких приказов, которую он изучал с большим любопытством, начинается с 1921 года. Быть может, она продолжала записи архангельского периода? Или все же ее завели предшественники Ногтева по Соловкам? М. М. Розанов с азартом увлеченного исследователя восклицает: "А вдруг да СЛОН на острове на самом деле существовал уже с 1921 года! Темна вода во облацех". М. М. Розанов даже ставит вопрос о 1920 годе. Однако признается, что дополнительные свидетельства пока не найдены.

Теперь такие свидетельства есть. Вот одно из них: письмо, недавно полученное нами от 98-летней Нины Федоровны Буровой, ныне проживающей в США. Жена русского генерала, она с оружием в руках боролась против большевизма, - о ней, отважной всаднице, кубанские казаки сложили песню-балладу. Неравная борьба кончилась ранением и пленением. Затем - смертный приговор. Однако благодаря первомайской амнистии он заменяется соловецкой ссылкой. Талантливая художница, Нина Федоровна находит на Соловках совершенно неожиданное приложение своим способностям: по просьбам уголовников делает для них - на них! - татуировки. Здесь мы тоже видим своеобразную инверсию: в будущем тонкий иконописец, Н. Ф. Бурова проходит на Соловках воистину инфермальную художественную практику - расписывает чесоточную кожу воров и рецидивистов.

Приводим начала письма Н. Ф. Буровой.

26 апреля 1991

Дорогой Юрий Владимирович.

Получила журнал "Север" № 9, в котором много написано о Соловках, о которых у меня тяжкие воспоминания. Была я на острове в самое холодное время года, всего с сентября 1920 до марта 1921 г. Молилась св.св. Зосиме и

Савватию, которые услышали мою молитву, и я осталась с ногами (а они от мороза были уже черные для ампутации). А обуви у меня не было...”

Итак, сентябрь 1920 года. Очевидно, именно с этого времени начинается история лагерных Соловков*. Но у истории была предыстория: гонения на монахов, издевательства над дими. Фактически они стали заложниками советской власти в собственной обители. 20 июля 1920 года настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Вениамин писал в Кемский уездный продовольственный комитет: "...всепокорнейше прошу... обратить внимание на нашу Соловецкую обитель и не дать братству погибнуть зимою с голоду, потому что, если недостает хлеба хотя бы на пятнадцать дней, - все мы должны будем помереть с голоду на диком, суровом морском острове" ("Север", 1990, № 9, с. 126). Поводом для обращения стал беззастенчивый грабеж монастыря, осуществленный в несколько этапов советскими комиссарами: монастырские кладовые к осени опустели. Как в безвоздушное пространство обращается архимандрит - никто его не услышал и никто не помог чернецам.

Можно предполагать, что в 1918-1919 годах монастырь, несмотря на гражданскую смуту в России, вел относительно нормальное существование. Английские корабли тогда бороздили Белое море, в Архангельске утвердилось правительство Н. В. Чайковского. Интересно, что состав так называемого Временного Управления был настолько "левым", что это вызвало недовольство офицеров-монархистов: они в сентябре 1918 года арестовали Чайковского и отправили его вместе с коллегами... на Соловки. Так что первыми политическими узниками после 1917 года надо

* В недавно изданной книге В. В. Скопина "На Соловецких островах" читаем: "Уже в 1920 г. на островах располагается лагерь принудительных работ, который вместе с конвоем насчитывал триста пятьдесят человек" (М., "Искусство", 1990. С. 31).

считать этих рьяных противников большевистской власти. Как же не хватало русским людям солидарности! Конечно, трудно представить себе союз монархистов и эсеров, но вскоре судьба соединит их: и те, и другие окажутся на большевистских Соловках. И будут пить из общей чаши величайших унижений.

В конце сентября 1919 года англичане покинули русский Север. 10 февраля 1920 года на ледоколе "Минин" отплывает в изгнание и белый генерал Миллер. Чекистская месь настигнет его 22 сентября 1937 года в Париже.

Соловки теперь остаются без всякой защиты. И вскоре в их пейзаже появится новая деталь: вместо старинных литых крестов - фанерные красные звезды.

Когда монахи оставили острова? Мы видели, как не просто было выявить момент рождения концлагеря. Столь же трудным для соловецких летописцев стал и этот вопрос. Дефицит информации всегда приводит к рождению легенд, мифов - история советских Соловков изобилует ими. Показания свидетелей, будучи часто вторичными, основанными на слухах, догадках, весьма противоречивы. Но эта противоречивость - тоже черта времени. Поэтому перед историками Соловков стоит двойственная задача: с одной стороны, отвеять все вымыслы, с другой, - собрать и систематизировать их. Ведь это своеобразные - и часто самоценные, независимо от отношения к истине, - знаки трагической эпохи.

Соловецкий узник А. Клингер утверждает, что высшие монастырские лица были расстреляны, а простая братия - за исключением тридцати человек, оставшихся на островах в качестве "спецов" - рассеялись по всей России: кто оказался в тюрьме, а кто на принудительных работах. Мифоподобно звучит информация писателя-соловчанина Б. Ширяева о том, что настоятель увел монахов на Валаам, - тогда остров был уже территорией Финляндии (Борис Ширяев "Неугасимая лампада". Изд-во им. Чехова. Н. Й., 1954) об этой книге речь впереди). Столь же сомнительна и версия другого соловчанина С. Пидгайного: без тени со-

мнения он заявляет в своих воспоминаниях, что монахи в 1919 году перебрались в Лондон и основали там Соловецкое подворье.

Где истина?

Несомненно, что чекисты оставили часть монахов на острове из прагматических соображений: уход за каналами, огородом и скотом требовал профессиональных навыков, а их не было ни у шпаны, ни у интеллигентов, вперемежку расселенных на острове. Ловля рыбы, ее засол - это тоже искусство, и монахи передавали его заключенным. Была ли у них возможность оставаться верными принятому обету? Какая-то инерция монастырской жизни безусловно ощущалась на Соловках и в самые страшные годы. Но эта жизнь неизбежно приняла катакомбные формы.

Соловецкий концлагерь просуществовал до 1940 года. В его истории есть свои периоды, или, хочется сказать, эпохи: одна непохожа на другую. Соловки времен А. Клингера (1922-1925) отличаются от Соловков времен Г. Андреева (1922-1929)*; М. Розанов видел на Соловках (1930-1932) то, что уже не застал о. Павел Флоренский (1924-1927). Задача будущих историков - разобраться в этой периодизации. Частично она совпадает со сменой соловецкого начальства - волны чисток смывали одного сатрапа за другим. В памяти свидетелей история Соловков размечена их именами: кровавое начало лагеря - это А. П. Ногтев; расцвет культурной жизни Соловков - это Ф. И. Эйхманс; слияние СЛОНа с Беломорлагом - это Н. А. Френкель. Конечно, суть не в именах. И не в своеобразии личности палачей. Ритмы Соловков вторили - то синхронно, то с опозданием, то с опережением - ритмам огромной державы. Малое отражало великое. Причем отражало с особой контрастностью и общечеловечностью: изучая Соловки, мы полу-

* Повесть Г. Андреева "Соловецкие острова" опубликована в журнале "Север" № 9, 1990.

чаем полное представление о том безумии, которое творилось в масштабе всей нашей страны.

2

Эта мысль настойчиво повторяется едва ли не у всех свидетелей: Соловки воспроизводят, как бы моделируют всю Совдепию. Б. Ширяев пишет: "Соловки были всегда микрокосмом, чутко отражавшим в уменьшенном во много раз виде все процессы, возникавшие на материке". А вот слова, сказанные Г. Андрееву командармом 13-й армии И. С. Кожевниковым: "У нас тут только сгусток того, что на воле. Тут все раздеты и мерзость прет наружу". Созвучную мысль высказывает и Ю. Д. Бессонов, автор книги "Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков" (Париж, 1928): "Тонко и умно построили большевики соловецкую каторгу. Да, собственно, и всю Россию". Бессонов ставит задачу перед социологом: глубже, пристальней исследовать этот страшный параллелизм - сходство между государством и концлагерем.

Свидетельствует автор "Народной монархии" Иван Солоневич, совершивший вместе с братом и сыном легендарный побег из Карелии в Финляндию: "Всё то, что происходит в лагере, происходит и на воле. И наоборот. Но только в лагере все это нагляднее, проще, четче". Генерал И. И. Зайцев, выпустивший в Шанхае в 1931 году жуткую книгу "Соловки. Коммунистическая каторга, или место пыток и смерти", пишет по-военному четко и кратко: "Соловки есть отображение Советского Союза - в организационном отношении есть миниатюрная копия его". Аналогичный вывод делал и М. М. Розанов: "Концлагерь - это оголенный большевизм под микроскопом... копия советского государства".

Соловки как микрокосм...

Соловки как компактная модель, изоморфная грандиозному оригиналу...

Сколь интересны для исследования все эти параллели и

аналогии! Мы знаем, как помогает ученым метод моделирования, - в данном случае уникальная модель создана самой действительностью.

Бесправие - одна из характерных черт тоталитарного общества. На Соловках бесправие достигло своего апогея. Вспомним знаменитую формулу: "Здесь власть не советская, а соловецкая". Формула строится на внутреннем противопоставлении, тогда как на самом деле имеет место тождество: власть соловецкая концентрированно выражает сущность власти советской.

Большевизм создает новый тип человека, точнее античеловека: ведь все доброе и святое выхолощено из красных комиссаров. Кто они, носители власти соловецкой? Стоит присмотреться к их облику.

Известно, что А. П. Ногтев был матросом "Авроры". Слава однократного залпа, закрепившегося за крейсером, своеобразно повторилась в судьбе этого негодяя: он вошел в историю концлагеря как мастер одиночного выстрела... по новоприбывшим на Соловки... ради внушения им страха...

Жутко, омерзительно!

Однако такова реальность - ярко и убедительно ее описал Б. Ширяев.

Советско-соловецкая власть не терпит никакой конкуренции, ее претензия на монополию носит абсолютный характер. Хорошо сказал М. Розанов: "Где ГПУ, там нет двоевластия". Об этом свидетельствует история с присылкой на Соловки полка в 600 штыков для осуществления береговой охраны. Кому должен подчиняться комполка Лыков? Своему непосредственному начальству: командованию Петроградского военного округа. Однако единоличному хозяину Соловков А. П. Ногтеву такое положение дел явно не по нраву. Начинаются инсинуации, жалобы в Москву. И вот результат: арест Лыкова и суд над ним.

Советско-соловецкая власть имеет меценатские склонности: поощряет художников, которые - обычно не по своей воле - готовы обслуживать ее. Узником Соловков

был замечательный живописец И. И. Браз. Портрет А. П. Чехова его работы - одна из жемчужин Третьяковки. Ученик И. Е. Репина, И. И. Браз продолжает свою "учебу" в концлагере у А. П. Ногтева: тот дает ему инструкции, как следует изображать Соловки в пропагандистских целях. Помните претензии КПСС на руководство искусством и литературой? А. П. Ногтев действует в этом духе: марксистско-ленинская эстетика утверждала себя на Соловках штыком и дрынком.

Другой чекист, Ф. И. Эйхманс...

Свидетели отмечают его особую любовь к бане. Да не простой, а с массажистками: в качестве таковых использовались красивые каэрки*. Соловецкая эротика! Любители клубнички тут могут почерпнуть много интересного. Только клубничка эта приправлена слезами и кровью.

Объективности ради надо сказать, что Эйхманса проклинают не так рьяно, как других властелинов Соловков. Существует мнение: он спас от гибели духовенство. Но сделал это вовсе не из сострадания, а ради вполне конкретной выгоды: разогнав проворовавшихся чекистов, поручил распределение духовным людям - положился на их честность. И не ошибся в своем трезвом и тонком расчете! Доверив каптерки священникам, он добился того, что растраты и хищения сошли на нет. Однако впоследствии за эту свою практичность Эйхманс получит вышку. Быть может, на Страшном суде ему зачтут и то, что он был - пусть формально - председателем Соловецкого общества краеведения. Редакторская подпись Эйхманса стоит под некоторыми номерами журнала "Соловецкие острова". Содержание их отмечено тематическим разнообразием и элементами инакомыслия. Странная для чекиста терпимость! Вероятно, что-то оставалось у него за душой. Ведь и своих "массажисток" он не забывал отблагодарить: когда на острова приплывала так называемая Разгрузочная комис-

* Каэры - КР - контрреволюционеры.

сия, скашивавшая сроки, то Эйхманс включал в белый список кое-кого из невольниц. Мотивы послабления? Островитяне шутили: "за образцовый уход за быками". Нельзя исключить, что Эйхманс действительно использовал эту вполне убедительную формулировку.

Еще одна запоминающаяся фигура: Нафталий Аронович Френкель. В его биографии есть что-то от динамики детектива. Одесский контрабандист, он сотрудничает с ГПУ, однако в благодарность получает от органов статью за шпионаж; узник Соловков, он вскоре становится начальником всего широко раздавшегося УСЛОНа - и вот уже его грудь украшают высшие ордена социалистического отечества.

Это один из выдающихся архитекторов большевистского Инферно. Талант организатора, менеджера сочетается в нем с абсолютным цинизмом и беспринципностью. Соловецкий нэп: его ферментом был Френкель. Памятью об этом нэпе - и заодно о Френкеле - навсегда останется ресторан в Кеми. Здесь и сейчас приятно посидеть, несмотря на бедность меню, а во времена Френкеля оно поражало разнообразием ассортимента и дешевизной. Впрочем, это говорится не в заслугу сталинскому палачу: и на Соловках, и на Беломорканале заключенные жили впроголодь.

К счастью для человечества, революции несут в себе таинственную тенденцию самоуничтожения: они пожирают своих собственных детей. Палач приканчивает палача - таков алгоритм революции. Благодаря этому постепенно ослабляется ее смертоносный заряд. Пулю от своих коллег получили и Ногтев, и Эйхманс, и Бокий. Однако Френкель благополучно пережил все чистки! Поразительна его увертливость: ужом он прополз длинящийся путь - от Дзержинского до Семичастного. На доме № 12 по Второму Обыденскому переулку можно было бы вывесить памятную табличку: "Здесь жил и умер Нафталий Френкель". Умер в чине генерал-лейтенанта. Последние годы он жил затворником - совсем как Лазарь Каганович: избегал всяких контактов, не подходил к телефону. О чем он думал, что вспоминал в своем уединении?

Все мы помним "Утопию" Томаса Мора, одного из предтеч научного коммунизма. Помним и утопический проект Л. Троцкого: построить в планетарном масштабе милитаризованный рай - пусть трудовые армии замаршируют по всем континентам.

Фантастический остров Томаса Мора: стань он реальностью - и мы получили бы подобие советских Соловков. Да, только так! Теперь мы знаем, что общество, реализующее идеал всеобщего равенства, неизбежно приобретает сходство с концлагерем. Соловки - это не просто место заключения, Соловки - это модель утопии, грозно превращающейся в действительность. Причем модель особая: она не приукрашивает систему, а резко - порой в утрированной и гиперболизированной форме - выявляет все ее пороки.

Можно как угодно обзывать хозяев Соловков: подонки - самодуры - алкаши - хамы. Но что толку от подобной запоздалой ругани? Конечно, хочется разрядить эмоции. Однако тут есть опасность: отойти от истины, представляя соловецких чекистов как людей недалеких, грубых. О, среди них были настоящие интеллигенты! Это вполне совместимо: циничный аморализм - и верность ригористически строгой утопии. Пусть в специфических условиях, но хозяева Соловков осуществляли свои коммунистические идеалы, коммунистические чаяния. Об этом надо сказать со всей серьезностью: без ядовитой иронии и злой усмешки, без всякого сарказма.

В Соловках строили лагерно-казарменный коммунизм. И строили очень близко к проектам Л. Троцкого! Организация концлагеря воспроизводила типично военные структуры. Это была подневольная трудармия. Физическое насилие над людьми здесь органично сочеталось с идеологическим давлением на них: делались попытки поработить не только тело, но и дух - соответствие утопической установке налицо.

Б. Ширяев утверждает: "Соловки пережили свой период военного коммунизма". А может ли коммунизм быть, так сказать, гражданским? Опыт показывает: навязывае-

мый им порядок способен держаться лишь на штыках - иначе он рассыпется в прах. Не случайно устав КПСС имел много глубинных созвучий с воинским уставом. Милитаристское начало, скрыто заложенное в коммунизме, у Л. Троцкого вышло наружу. Случайно ли Соловки так похожи на адский полигон, где проверяется на прочность и эффективность модель коммунизма? Да, коммунисты с их размахом ставили эксперимент в масштабе всей страны. Но они не пренебрегли опытной проверкой своих идей и на малых пространствах. Будем помнить: Соловки были не просто местом заключения, а еще и лабораторией военизированного коммунизма.

Академик Д. С. Лихачев пишет в архангельском журнале "Северная Гилея" (№ 1, 1991, с. 8): "Военные были поначалу единственной организующей силой, способной разместить, накормить, навести элементарный порядок среди прибывавших и прибывавших на острова Соловецкого архипелага заключенных. Они и делали многое по армейскому образцу". Мы знаем: этот образец мог стать матрицей для того, чтобы организовать жизнь всего человечества, - именно такую перспективу рисовала утопия.

До 1929 года СЛОН состоял из шести отделений. Кремль со всеми прилегающими к нему службами назывался Первым отделением. В его состав входило 15 рот. Как вспоминает Д. С. Лихачев, 16-й ротой в шутку называли кладбище. Первая рота состояла из старост и лиц, заведующих различными предприятиями. Население второй роты - особо ценные специалисты. В третьей роте мы находим проштрафившихся чекистов, которые и использовались соответственно своему профилю. Четвертая рота, как и часть седьмой, - музыканты, артисты, подсобный персонал соловецкого театра. Пятая рота - многие метили в нее как в санаторий - была пожарной. Шестая рота - духовенство. Седьмая рота - фельдшеры, санитары, банщики, парикмахеры. Восьмая рота - весьма скандальная и шумная - состояла из уголовников, не замеченных ни в чем дурном за время заключения. Состав девятой роты М. Розанов определяет так: "Хозяйственная и партийная мелкота, осужденная за служебные преступления". Десятая рота

- счетно-канцелярская, осенью ее численность достигла 600 человек - какой же коммунизм без учета? В одиннадцатой роте обитала отчаянная шпана - для ее усмирения имелся специальный карцер. Двенадцатая рота - общие работы: она всегда была переполнена людьми, которых бросали на выполнение любого аврального наряда - будь то разгрузка застрявшего во льдах парохода или срочный вывоз леса. Тринадцатая рота - карантинная: так сказать, чистилище соловецкого ада. Четырнадцатую роту называли "запретной" - ее насельники считались склонными к побегу; когда начинается навигация, их не выпускают из Кремля, а ночью запирают на замок. Пятнадцатая рота сосредоточила всех тех, кто жил в разных точках за пределами Кремля, - как свидетельствует Д. С. Лихачев, эта рота считалась самой "блатной", то есть привилегированной.

Как мы видим, соловецкая жизнь была четко и жестко структурирована в полном соответствии с принципами военного коммунизма.

Равенство является одной из главных категорий коммунизма. Зачем различия, перепады уровня? Они являются источником антагонизмов. Не потому ли на Соловках столь успешно занимались уравниванием и нивелированием людей? Фрейлины здесь помещались рядом с проститутками; дворян перемешивали со шпаной.

Физика показала: на любом уровне бытия выравнивание всех различий ведет к вырождению системы - к энтропии. А энтропия есть смерть! Уже Н. А. Бердяев стал говорить о коммунизме как о социальной системе с максимальной энтропией. По сути дела, ту же самую мысль, но в очень оригинальной форме развил И. Шафаревич: коммунистическое мироощущение он связал с танатофилией - инстинктивным стремлением к смерти (Игорь Шафаревич "Социализм как явление мировой истории"). Думается, что советские Соловки блестяще подтверждают идеи как Н. Бердяева, так и И. Шафаревича: это средоточие энтропии - это острова смерти.

Вот фрагмент таблицы, приводимой в трехтомнике Михаила Розанова:

<u>Год</u>	<u>Прибыло за навигацию</u>	<u>Погибло за год</u>
1924	5000	2000
1925	7000	3000
1926	9000	6000
1927	12000	8000
1928	13000	5000
1929	15000	7000
1930	7000	6000

Понятно, что перед нами статистика условная, приближительная: она скорее намечает общие пропорции, но не дает безусловно точных цифровых данных. Да и откуда взяться точной статистике? М. М. Розанов пишет: "Очевидцы - в могилах, документы - за семью печатями или уничтожены. В летописях об этом - пустые листы или общие фразы; заполняйте их какими угодно цифрами и начинайте спор о них. Те же цифры, что порою приводятся, чаще всего отражают субъективную оценку и, конечно, не в сторону приуменьшения, по вполне ясным мотивам".

Каково число соловецких жертв? Хорошо, если со временем появится возможность более строгих подсчетов, но вряд ли будет ошибочным такой обобщенный вывод: не менее половины соловчан нашли свою смерть в концлагере. А быть может, и две трети...

Утопическое сознание и ложь - корреляция этих понятий является предельно тесной. Большевики показали себя мастерами в строительстве ложных фасадов. Но что таилось за ними? Нищета - отчаянье - горе. Одним из таких ложных фасадов является известный очерк М. Горького о его поездке на Соловки.

Вот вопрос для психолога: верил ли большой писатель в свою же ложь? Язвы Соловков не остались скрытыми от его взора. Он узнал про страшное. Но не написал об этом. Думается, что тут сыграла свою роль не только опасность, но и своеобразная, очень характерная для коммунистов форма самовнушения: они верили в реальность построенных ими самими потемкинских деревень.

Какова природа этого удивительного самогипноза?

Создается ощущение, что он является чуть ли не наследственным: передается от поколения к поколению. Выдавая желаемое за действительное, носители утопического сознания искренне верят в собственную фальсификацию, причем разубедить их невозможно. Что опаснее этого жуткого заблуждения! Быть может, inferнальная природа коммунизма ярче всего проявляется именно здесь: в самоослеплении фанатика, в отсутствии у него способности адекватно отражать действительность.

Понятно, что журнал "Соловецкие острова" не мог не преследовать вполне определенных целей, - и все же странно читать на его страницах панегирики В. И. Ленину, написанные заключенными. Вот строки талантливого Николая Литвина:

Если ж мальчик на твоих коленях
Не поймет иль не расслышит слов, -
Расскажи ему, как дядя Ленин
Поджигал громадины дворцов.

Как лачуги забывали голод,
Одеваясь алым кумачом,
Как орла прикопчил Серп и Молот,
Вознесенный дядей Ильичом.

И еще тогда скажи сынишке
Про январь далеких Соловков,
Про сполохов пламенные вспышки
И огни чудесных маяков.

Вряд ли стихи эти были социальным заказом, выполненным из-под палки, - Николай Литвин вполне искренен в своем романтическом восприятии вождя, чья деятельность привела к созданию СЛОНа. Это особый, хочется сказать - inferнальный, романтизм. Он тоже работает на танатофилию. Вспомним, что коммунисты умирали в застенках НКВД, с пафосом восклицая имя своего палача, - прозрение не приходило к ним даже в смертную минуту. Вот как прочно внедрилась в сознание людей ядовитая ложь утопии.

Фабрика лжи работала и на Соловках. Правда, без осо-

бого успеха: благодаря целой серии побегов мир быстро узнал правду о северном концлагере. Интересно, что заключенным предлагалось опровергать факты, изложенные в западной прессе, но подобные контрпубликации не вызывали доверия. Соловки стали еще и моделью крушения коммунистической лжи - создать розовый миф о гуманном концлагере не удалось. Если кто и верил в него, то только фанатики - вольные или заключенные. Вероятно, фанатизм индифферентен по отношению к таким вещам, как свобода и несвобода, - эта его особенность просто ужасна. Прозрели Николай Литвин и ему подобные? О спасении их душ надо молиться с особым усердием.

Коммунизм зиждется на страхе. Боятся все: и власти-тели, и подчиненные. Специфической формой выражения страха первых является система доноительства. На Соловках она была хорошо отработана - здесь острова тоже вторят державному макрокосму. Но они отличаются от материка тем, что в стесненных условиях несвободы каждый человек просматривается лучше, чем на воле. Отсюда частые провалы стукачей. Дабы спасти их от мести, чекисты создают на Кондострове нечто вроде изолятора - там неудачливые доносчики чувствуют себя в безопасности. Хотя это самое гиблое место в архипелаге. Потому и звался Кондостров "Могилевской губернией". Впрочем, несчастные островитяне не теряют чувства юмора - об этом свидетельствует сатирический журнал "Стукач", выпущенный на Кондострове осенью 1924 года литографическим способом. Интересно, была ли в "Стукаче" самокритика?

В 141-м номере "Нового журнала" (Нью-Йорк, декабрь 1980) была опубликована рукопись неизвестного соловчанина. О стукачестве там читаем следующее: "Шпионаж был везде поставлен очень хорошо, и ГПУ прилагало все усилия, чтобы заручиться наибольшим числом доносчиков из заключенных, что при небольших побрякках достигалось без всякого труда. Изголодавшиеся и раздетые люди зачастую без всякого принуждения сами предлагали ГПУ свои услуги". До какой же меры отчаяния надо дойти, чтобы убивать в себе совесть! Феномен стукачества в стране по-

бедившего социализма заслуживает самого пристального социологического и психологического исследования. Что может сильнее деформировать душу, чем двойная жизнь под прессом постоянного страха разоблачения! Соловки уничтожили многих физически - еще больше людей они убили духовно.

Утопия иррациональна в своей основе. Она много говорит о царстве разума, но пытается утвердить его безумными средствами. Не здесь ли заключается одно из главных противоречий большевизма? Можно и должно говорить о социальной психопатологии, о сумасшествии на уровне больших коллективов, даже целых партий. Читаешь историю ВКП(б)-КПСС - и ловишь себя на мысли: как это похоже на воспаленный бред!* Никакой саморефлексии, никакого самоанализа. И только типично маниакальная убежденность в своей непогрешимости. Несомненно, что ГУЛАГ - это не знающее аналогий творение большевизма - есть апогей безумия.

Но вот что особенно печально: в безумном мире сходят с ума нормальные люди - лагерь оставляет им жизнь, но отнимает разум. Потрясает судьба профессора Шухновского, поведенная нам соловчанином В. Кичкасом. Большой поклонник беломорских чаек, он становится их безжалостным убийцей. Это характерная черта соловецкого безумия: человек отрицает, перечеркивает себя - превращается в свою собственную противоположность. Как не узнать здесь все ту же адскую инверсию? Вывернулась наизнанку душа и командарма Кожевникова, о котором рассказал М. Розанов. Убежденный антимонархист, Кожевников однажды

* Один, еще совсем недавний (а уж вроде и забытый) жуткий пример: чудовищный проект "поворота рек". И если "исполнительная" сторона проявила невиданный в истории антинаучный, антиприродный, преступный цинизм для выкачивания денег, то "финансирующую" сторону иначе как безумной не назовешь. Вот уж постине - "после нас хоть трава не расти". И вся жуть в том, что после "них" и... не растет. И атом можно сделать "мирным", и мечи на плуги можно переплавить, а вот Арала не вернешь никогда... - Ред.

обратится к соловчанам с таким манифестом: "Мы, Иннокентий Первый, император Всероссийский, даруем всем свободу".

Изоморфизм между Соловками и всей страной Советов прослеживается до деталей. Соловки действительно были моделью, уплотненно передающей все особенности оригинала, занимающего одну шестую часть света. Но всё же острова - вещь особая: любой эколог подтвердит, что природа там необычная - изоляция от материка накладывает на нее печать своеобразия. Касается ли это социальной экологии? Думается, что да: на советских Соловках мы обнаруживаем феномены, маловероятные - или вообще невозможные - в материковых условиях. Взять хотя бы отмеченные мемуаристами факты едва ли не дружеских отношений между образованными чекистами и заключенными из интеллигенции. Когда вечерами они спорили по различным духовно-культурным вопросам, то не всегда можно было понять, кто тут правоверный, а кто контра. Это кажется нетипичным, но это было: тюремщики восхищенно хлопают подневольным артистам. Увидишь ли такое на материке? Отличалась от материковой и островная цензура: "Соловецкие острова" печатали вещи, которые просто немыслимо представить на страницах столичных журналов тех лет. Во многом повторяя и даже сгущая мерзости большевизма, Соловки в чем-то были неповторимыми, - некоторые реалии их жизни не знают аналогий.

Понятие микрокосма указывает на полноту, универсальность модели. Соловки действительно отвечают этому критерию. Здесь были свои академики - и свои епископы, свои поэты - и свои математики, свои радикалы - и свои консерваторы. Пусть под терновым венцом неволи, но Соловки в каком-то смысле осуществили идеал экуменизма: здесь встретились православные, католики, протестанты, сектанты, мусульмане, буддисты, теософы, розенкрейцеры, масоны. Вероятно, на Соловках можно было увидеть представителей всех социальных групп: от титулованных особ до безродных бродяг и нищих. Сложная иерархия уголовного мира тут тоже была адекватно представлена. Если на материке всё прочнее утверждалось единомыслие,

то под сенью соловецких башен еще можно было услышать споры анархистов и эсеров, последователей Н. Федорова и учеников А. Мейера. Соловки неисчерпаемы! Как губка, они впитали в себя столько талантливого, интересного. Всплывают все новые и новые яркие имена; выявляются все новые и новые уникальные обстоятельства. Исследователи Соловков еще не раз испытают радость открытий. Правда, она будет противоречивой, окрашенной в трагические тона. Ведь Соловки - это прежде всего сгусток боли. Горючей, до сих пор еще не изжитой боли...

3

Власть, оказавшаяся в руках недостойного человека, закономерно вызывает его обратную эволюцию: он легко превращается в зверя. Сколько таких метаморфоз произошло при соловецкой власти! Чернь - явление не социальное, чернь - категория биологическая. Когда к власти приходит чернь, то милосердие и сострадание идут на убыль: звериным вытесняется человеческое.

Если заключенный отказывался работать, то чекист Воронин заставлял его выпить кружку мочи своего напарника. Еще одна метода убеждения - авторство принадлежит чекисту Вейсу: штрафника принуждают переливать воду в Савватьевском озере из одной проруби в другую. А сидение на так называемых жердочках? А стояние на морских валунах? А групповое заточение в каменном мешке? Невозможно промерить бездну унижений, в которую ввергла человека соловецкая власть.

Женщине труднее противостоять издевательствам, чем мужчине, - поэтому скажем прежде всего о трагедии соловецких узниц.

В условиях бесправия чекисты могли дать полную волю своей низменной похоти. Уже на пересылке производилась "классификация" женщин - в зависимости от внешних достоинств их цинично делили на "рублевых", "полтинничных", "пятиалтынных". Подобие гарема у начальника - совсем не экзотика на Соловках. Насильники не стес-

нялись в средствах, чтобы ослабить сопротивление. Нередко женщина оказывалась перед выбором: или уступка, или смерть.

Генерал И. М. Зайцев вспоминает: "Во время утрени в кладбищенской церкви, когда пели "Хвалите имя Господне", раздался громкий истеричный женский крик: "Боже! За что? За что?" Это была Наживина из Царицына. Муж расстрелян. Ей дали десять лет Соловков. Дома остались без присмотра пятеро детей и никого из близких. А тут, как говорят, чекисты заразили ее. Можно ли придумать для нее еще какие-нибудь страдания?"

Женское население острова тоже отличалось большой разнородностью: благородные княжны, идеалистки-казрки - и рядом, на тех же нарах, зараженные венерическими болезнями проститутки. Приходилось спать рядом с ними, есть из общих бачков. Одна из глав в книге воспоминаний И. М. Зайцева носит характерное название: "Кошмар для каэрок". Такой была стратегия служителей соловецкого ада: смешать чистое и грязное - уравнивать возвышенное и низменное. Однако далеко не всегда удавалось достичь этой цели. На Соловках было всё: от необратимого падения в бездну греха - до обретения душой недосыгаемой высоты.

В результате пережитых страной потрясений оказались расшатанными и нравственные устои. Социальная система, не признающая никаких абсолютных ценностей, порождает цинизм. Это бесстыдная система. Причем бесстыдство проявляется на всех уровнях и во всех формах: будь то ложь вождей - или произвол чиновников - или выходки проституток. У них одна антимораль, антиэтика.

Заметным явлением первых лет советской власти были облавы на проституток. М. М. Розанов вспоминает: "Забирали таких в столицах без всяких формальностей с квартир и улиц, "без вещей", а на Соловках тогда никого ничем не прикрывали, разве что из жалости - мешком. Приезжали на остров так: сверху мантия, под ним - голо. Протестуя, они и на Кемперпункте в 1924 году ничего лучшего не придумали, как скопом идти в баню через лагерь в чем мать родила".

Чекисты на островах выполняли еще и функцию полиции нравов. Любовь была под запретом; если общение между мужчиной и женщиной выходило за рамки дозволенного, то их ждала кара в виде ссылки: любовника - на Секирку, любовницу - на Зайчики, то есть на Секирную гору и Заяцкие острова, - там жизнь была еще лютее, чем в кремлевском лагере. Особую ретивость в борьбе с человеческой природой проявил ссыльный чекист Райва - азартно и увлеченно он охотился за лагерными парочками; имя его стало притчей во языцех.

Неотъемлемой чертой власть имущих в тоталитарных системах является ханжество, двуличие: на словах они проповедуют ригоризм и воздержание - на деле обнаруживают свое равнодушие к удовольствиям жизни, сластолюбие. Свидетельствует Н. И. Киселев-Громов, автор книги "Лагери смерти в СССР" (Шанхай, 1936): "Мелкие и средние чекисты в 9-й роте (их там, по Клиггеру, свыше ста человек) открыто водят казрок к себе в комнаты и там делают с ними что хотят. Те молчат, чтобы не попасть в лес на верную смерть... Едят они в ресторане вольнонаемных, а если в роте, то обеды готовят их кухарки. Одна из них была княжна Гагарина... У чекистов-надзирателей издавна заведено обменивание "марухами" (наложницами), о чем они заранее договариваются... А некрасивые работают в лесу на вывозке бревен и дров";

Человек создан по образу и подобию Божию.

Этот образ был поруган на Соловках. Не нужно думать, что в святотатстве виновны только чекисты, - не испытывали пиетета перед религией и заключенные социалисты. Эсерка Екатерина Олицкая в изданной "Посевом" (1971) книге "Мои воспоминания" пишет: "Для нашего любимца, шестилетнего Вовы, сына Дерновской, политические смастерили на дворе снежную гору и салазки и сами увлеклись катанием. Так горка разрослась в большую гору, со спуском на самое озеро. Вместо больших салазок катались на досках, на перевернутых табуретках и на оставшихся от монахов старых иконах, облитых водой и обледеневших".

Катание на иконах!

Это тоже пример типично сатанинской инверсии - когда перебрасываются, меняются на противоположные ценностные знаки и функциональные смыслы. Поруган Бог - и унижен человек: одно с фатальной неизбежностью вытекает из другого.

С. А. Мальсагов вспоминает: "На Соловках и в Кемперпункте довольно часто можно встретить шпану совершенно голую. К этому ее доводит страсть к картам и водке. Проигравшие пайки и одежду голодом и холодом вынуждаются грабить других заключенных". Б. Н. Ширяев красочно рисует шпаненка, который вместо одежды использовал ящик. Людей, проигравших с себя всё, называли на Соловках "леопардами" - они действительно опускались на уровень животных: сходство с божественным первообразом фантазмагорически искажалось действительностью.

"Леопардов" вывозили на остров Анзер. О дальнейшей судьбе этих несчастных рассказывает М. З. Никонов-Сморodin, чья книга "Красная каторга" вышла в Софии в 1938 году: "Их сажают на голодный паек, и к весне осенние пришельцы заполняют своими обезображенными цынгой трупами вырытые с осени братские могилы у скита Голгофа". И дальше: "Вот представьте себе такие ямы, наполненные голыми, застывшими трупами. Кругом бегают песцы. Зачем им искать мышей и прочую живность или приходиться на подкормку к Пильбауму, коли тут столько человеческого мяса?"

Картины соловецкого ада куда как мрачнее дантовских фантазий. Тирания поставила миллионы людей в экстремальные условия. Конечно, выдержали далеко не все. Тем дороже нам каждый факт противостояния духа насилью. Однако и те, чьи души удалось раздавить, не должны быть судимы нами - это дело Бога. Нельзя от всех людей требовать одной и той же меры героизма, твердости, силы духа. Тем не менее у нас есть все основания сказать о том, что в схватке ада и неба победа досталась небу. Человеческое восторжествовало над звериным! Лампада действительно оказалась неугасимой.

Наверно, не все согласятся со столь категоричным выводом - вспомним хотя бы о той позиции, которую выразил Варлам Шаламов в своем споре с Александром Солженицыным. За этим спором стоит глубочайшая антиномия: тезис контрастно противостоит антитезису, компромисс между ними кажется невозможным.

В тезисе - позиция Шаламова: лагерь помогает осознать бессмысленность жизни, человек в нем навсегда теряет себя. В антитезисе - позиция Солженицына: через лагерную муку человек способен обрести Бога, страдания высвечивают высший смысл бытия.

Кто прав в этом споре?

Думается, что наметившаяся здесь антиномия может быть претворена в дополительность: и та и другая позиции отвечают диалектически сложной, как бы двухполюсной истине.

Большинство соловецких летописцев близки к точке зрения В. Шаламова. Что ж, у них есть все основания для того, чтобы рисовать жизнь Соловков в безнадежно черных тонах. Но вот исключение из ряда подобных свидетельств: глубоко трагическая, и в то же время удивительная светлая книга Б. Н. Ширяева "Неугасимая лампада". И в жанровом, и в содержательном плане это очень необычное произведение. Поэтому о нем следует сказать особо.

4

Ознакомившись с девятым - "соловецким" - номером журнала "Север" за 1990 год, Д. С. Лихачев отметил ряд неточностей в двух главах из "Неугасимой лампы". Вероятно, подобные неточности в мемуарах неустранимы - даже самая цепкая память со временем что-то упускает, ступшевыивает, искажает.

Тому живой пример - разноречия в свидетельствах о названии, которое раньше носил перевозивший заключенных пароход "Глеб Бокий", - якобы оно всё же читалось сквозь новую краску. Ширяев его прочел как "Св. Савватий", Клиггер как "Жижгин", Никонов-Сморозин как

"Архистратиг Михаил". Каждый без тени сомнения предлагает свой вариант. Между тем пароход в дореволюционные времена носил название "Вера". Аберрация памяти? Конечно, да: мемуаристы никого не хотели вводить в заблуждение. Вероятно, подобного рода накладки будущий исследователь сможет выявить со всей доказательностью, однако он совершит большую ошибку, если везде и всегда станет упрекать Б. Н. Ширяева в отсутствии документальной точности.

Автор "Неугасимой лампы" и не претендовал на такую точность. Нельзя к его книге относиться только как к историческому свидетельству - она имеет весьма сложную жанровую природу, сочетая в себе черты мемуаров, лирического повествования и мифа.

Да, мифа.

Мы привыкли это ёмкое понятие синонимизировать с баснословием, вымыслом. А ведь мифогенез, выражая сущностные потребности человеческого духа, подчас помогает постичь те глубинные аспекты истины, которые недоступны фактографическому знанию.

Мифология Соловков XX века - явление удивительное, уникальное. Как и любая другая мифология, она имеет разные уровни - может быть разделена на "высшую" и "низшую". Был миф о смерти о. Павла Флоренского, который будто бы по своей воле занял место юноши на барже, предназначенной к затоплению. Пусть о. Павел погиб при иных обстоятельствах, но это возвышенное предание добавляет какие-то очень точные черты к его портрету.

"Низшая" соловецкая мифология разнообразна: это фантастические биографии чекистов, похожие на повествования о нечистой силе; это рассказы о немислимых пытках; это мрачная лагерная мистика.

Трехтомное исследование М. М. Розанова "Соловецкий концлагерь в монастыре" имеет такой подзаголовок: "Факты - домыслы - параша"* . Понятно, что ученому хо-

* "Параша" на лагерном жаргоне - заведомая выдумка, трёп.

телось бы иметь дело с чистыми фактами, но историк Соловков XX века получит в свои руки весьма синкретичный материал: безусловно достоверное здесь переплетено с безусловно вымышленным. Такова ткань памяти о Соловках: ут́ок - истина, основа - фикция. Стоит ли досадовать на это? Подобная синкретичность сама является фактом, который нуждается в пристальном и всестороннем исследовании.

Соловецкие слухи, пусть самые бредовые, соловецкие истории, пусть самые невероятные, - весь этот своеобразный лагерный фольклор подчас имеет не меньшую ценность, чем документы. Ибо несет на себе печать представлений людей о страшной действительности. И выражает их отчаянье, а порой и надежду, упование.

"Неугасимая лампада" считается бестселлером нью-йоркского издательства им. А. П. Чехова. Бесспорно, это один из шедевров литературы русского зарубежья. Отдавая должное таланту Б. Н. Ширяева, восхищаясь художественными достоинствами его прозы, М. М. Розанов пытается отфильтровать из нее элементы поэтического вымысла. Что ж, для беспристрастного историка такая фильтрация законна, хотя у филолога она может вызвать возражения: истинно художественный текст обладает в его глазах качеством нерасчленимой цельности. Реальность и миф образовали в прозе Ширяева удивительно органический сплав. Отсюда убеждающая сила его книги - мы склонны верить каждому слову автора. Предупреждения Д. С. Лихачева и М. М. Розанова в мифологичности некоторых ширяевских страниц поначалу не хочется принимать в расчет. И все же это сделать надо, если мы желаем воспринять "Неугасимую лампаду" не только как произведение большого искусства, но и как весьма богатый объективными фактами исторический источник.

Для нас важна прежде всего правда о Соловках. Но не менее важно реконструировать и тот образ, который они оставили в сознании прошедших через их ад людей. Книга Б. Н. Ширяева предоставляет блестящие возможности для решения этой задачи. Воссозданная им панорама соловецкой жизни отчасти мифологизирована, однако поэтический

вымысел отражает глубинную правду человеческого сердца: святая лампада действительно не гасла в нем.

Потрясает созданный Б. Н. Ширяевым образ схимника, скрывавшегося в делях соловецких лесов. Для него уже словно нет времени, чей поток замутнен антихристом, - он живет в вечности, принадлежит вечности. Это ему суждено сохранить неугасимую лампаду. Ключевая, центральная для книги фигура! Но она мифологична - М. М. Розанов приводит резонные аргументы, заставляющие усомниться в ее реальности.

Б. Н. Ширяев ярко описывает встречу мифического схимника и вполне реального А. П. Ногтева. Вовсе не значит, что он сам придумал этот эпизод, - легенда могла бытовать в мифологии Соловков. Однако Ширяев придает ей художественную глубину и убедительность. Это очень тонкий прием: пересечение реального и вымышленного, их контрапункт - Ширяев мастерски владеет им. М. М. Розанов пишет: "Нет нужды галерею реальных, известных хороших и плохих соловчан дополнять несуществовавшим схимником". Но тут хочется возразить беспристрастному и строгому исследователю. Его заочный спор с Б. Н. Ширяевым как бы предвосхищает спор В. Т. Шаламова и А. И. Солженицына. Б. Н. Ширяев был бы на стороне А. И. Солженицына. Среди лагерных ужасов он прозрел "...великое таинство пробуждения Человека". Неугасимая лампада - это прежде всего сердце человеческое: в окружении адской тьмы оно способно излучать свет несказанный.

Наметим канву биографии Б. Н. Ширяева. Родился он в Москве в 1889 году. Здесь же окончил гимназию, потом историко-филологический факультет университета. За проявленные способности к научной работе был оставлен при кафедре. В 1914 году добровольцем уходит на войну; определяется в Черниговский гусарский полк. 1918 год: развал фронта; возвращение в Москву в чине ротмистра. Попытка прорваться на юг, где действует Добровольческая армия. Попытка проваливается: красные приговаривают Ширяева к смертной казни. Однако ему удается бежать в Одессу, оттуда в Среднюю Азию, где он участвует

в Белом движении. Победа большевиков принуждает к конспирации: Ширяев работает на отдаленных среднеазиатских пастбищах. И все же он решает вернуться в Москву. Там - арест и смертный приговор. Но вместо расстрела - Соловки: десять лет каторги. На Соловках Ширяев работает в лесу и вяжет плоты; одновременно сотрудничает с лагерным театром и прессой. Пишет на Соловках повесть "Паук на колесиках". После пяти лет (1922-1927) пребывания на архипелаге высылается в Среднюю Азию. Работает в газетах, преподает в Ташкентском университете. Выпускает несколько брошюр по искусству Средней Азии. Одна из них, наиболее крупная, называется так: "Кукольный театр в Средней Азии". Печатается в "Огоньке", "Вокруг света", "Прожекторе". После ссылки - возвращение в Москву. Снова - арест. И тюрьмы. И скитания после освобождения. В 1936 году попадает в Ставрополь. Работает преподавателем. Однако в 1941 году Ширяева увольняют: места таких ненадежных людей, как он, предоставляют беженцам, нахлынувшим из западных областей. Но немцы приходят и на Северный Кавказ. Ширяев редактирует русскую газету, ратуя за освобождение военнопленных и помогая соотечественникам, - эта деятельность сопряжена с большим риском. Дальнейшие этапы жизни: Берлин - Белград - с 1945 года Италия. Днем Ширяев - продавец кукол; ночью - когда в беженском лагере стихает шум - пишет. В 1952 году в Аргентине выходит его первая книжка "Ди-Пи в Италии"* . Затем еще две книги: "Я - человек русский" и "Светильники Русской Земли". Вышедшая в 1954 году в США "Неугасимая лампада" (а до этого в 3 номерах "Граней") становится бестселлером. Эмигрантские журналы публикуют его повести "Последний барин", "Ванька-вьюга", "Овечья лужа", "Кудеяров дуб". Уже посмертно выходит эссе "Религиозные мотивы в рус-

* Ди-Пи (displaced persons) - так назывались "перемещенные лица", проживавшие в эмигрантских лагерях.

ской поэзии" (Брюссель, 1960). Б. Н. Ширяев принял католичество. Скончался он 17 апреля 1959 в итальянском городе Сан-Ремо.

На Соловках Б. Н. Ширяев вошел в тот возраст-акме, о котором писал Данте:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...

Девятым кругом ада называл М. М. Розанов соловецкий лесоповал, на котором трудился замечательный русский писатель. Работа была действительно адская. Подчас тяжелые бревна-баланы трелевались вручную, поэтому на Соловках бытовала такая аббревиатура: ВРИДЛО - временно исполняющий должность лошади. Людей превращали в тягловых животных: метаморфоза, характерная для эпохи ГУЛАГа. Через девятый круг прошел и Борис Ширяев. Но вот что удивительно: в его прозе нет и тени ожесточения - полная горечи, она вместе с тем насыщена добром и мягким светом.

Это свет веры - неугасимой лампы. Свою веру в Бога и человека Ширяев пронес и через Соловецкие лагеря, и через лагеря Ди-Пи. Сбылось пророчество соловецкого гадала В. И. Кривоша-Неманича, знатока шифров и древних письмён, который по линиям руки предсказал своему соузнику немыслимое: жизнь в стране Петрарки и Данте. Но соловецкий хиромант оказался прав! Свой смертный час писатель встретил на итальянской Ривьере. Казалось бы, это почти идиллия: море - лазурь - Италия. Однако в стране вечного солнца Б. Н. Ширяева не оставляла тоска по родине, по русскому Северу, чьей красоты не смогли заслонить страдания и лишения.

Приведем отрывок из книги Б. Н. Ширяева "Ди-Пи в Италии". Писатель рассказывает о своем визите в Руссикум - так называется католический институт, где латиняне изучают православие в порядке подготовки католиков восточного обряда. Вот он заходит в келью о. Станислава Тышкевича - и ему открывается такая картина:

"В углу кельи темнел скорбный лик Спаса, а под Ним

светилась желтеньким огоньком самая простая стеклянная - какие в каждой избе бывали - неугасимая лампадка...

Где видел я ее - вот такую - в последний раз? Где?

В туманных глубинах памяти всплывают неясные тени черных елей под усыпанным бледными звездами небом, в делях далекого северного острова; окно землянки последнего еще жившего в ней схимника Земли Русской, огонек такой же, совсем такой же лампы под таким же темным ликом Спаса.

Сам я смотрю сквозь окно, не смея войти... Я вижу только темную тень инока, склоненного перед Неугасимым Светочем, и его белую бороду, спадающую на грудь из-под схимничьего клобука...

Я стяхиваю туман видений. Не надо! Ведь я же в Риме... а не там... не на Соловках..."

Быть может, схимник всё же был? И М. М. Розанов не прав в своем скепсисе? Вспомним, что есть различные уровни реальности: отсутствуя на физическом плане, схимник мог существовать ментально - как невидимый носитель христианской души Соловков. Но для избранных скрытое становится явным - так произошла мистическая встреча Б. Н. Ширяева и бессмертного соловецкого старца.

Это фантастика, сказка, миф?

Расширенному сознанию доступна потаенная реальность, о которой на языке намеков говорят мифические предания.

Аура Соловков...:

Она оставалась светлой и духоносной даже в самые страшные для островов годы. Б. Н. Ширяев прозрел ее. И затеплил от ее сияния свою "Неугасимую лампаду".

5

В стране победившего социализма любят уродливые аббревиатуры. Одну из них, пародируя языковую реальность своего времени, придумал соловецкий поэт Борис Емельянов: ХЛАМ - художники, литераторы, артисты, музыканты.

Настоящее искусство стало ненужным в Совдепии. В. И.

Ленин предлагал его удалить - "чик-чик" - как аппендикс: об этом вспоминает художник Юрий Анненков. Зачем захламлять строительную площадку коммунизма иконами, книгами, партитурами?

ХЛАМ - название соловецкого театра. ХЛАМ - окно света среди мрака. ХЛАМ - средоточие творческой жизни Соловков.

Таинственный мир сцены - в окружении ада: невероятная экология духа! "Лес" Островского, "Борис Годунов" Пушкина, "На дне" Горького, "Коварство и любовь" Шиллера, "Мандат" Эрдмана - это далеко не полный перечень поставленных спектаклей, соловецкий репертуар отличается серьезностью и разнообразием.

Сюда приходили после изнуряющих работ. После бесконечных допросов. После избиений. Где еще так был нужен катарсис, даваемый искусством? Здесь его духоподъемная сила проявлялась со всей наглядностью. Г. Андреев благодарно вспоминает соловецкий театр: "Пока открыта сцена, ты ощущаешь себя полноценным, настоящим человеком".

Среди так называемых отбросов общества, попавших в ХЛАМ, оказались талантливейшие люди. Назовем лишь некоторые имена. Борис Глубоковский, поэт, артист, режиссер: его роман "Путешествие из Москвы в Соловки" заслуживает переиздания. Макар Борин, комик из провинции, неплохой организатор: это по его инициативе монастырская трапезная была переоборудована под театр. Николай Бернер, ученик В. Брюсова, впоследствии эмигрант "второй волны", - вот строки из его книги "След на камне" (1955):

А Русская Камена, став бродягой,
Цыганствовать пошла на милость стран -
Кастальский ключ не залипает влагой,
Как осень мира - осень россиян.

На Соловках писались романы, повести, сочинялись стихи, поэмы, даже венки сонетов; разрабатывались филологические и мистические теории; велись исторические, филологические, искусствоведческие исследования. Вспомним, что здесь было создано знаменитое Обращение соловецких

епископов-узников - это шедевр одновременно и богословской, и публицистической мысли.

Поразительное цветение духа!

И ведь где? В условиях неволи, рабского труда, систематических унижений. Воистину, Соловки не знают аналогий - это уникальное явление мировой культуры.

Свое письмо в журнал "Север" Д. С. Лихачев завершает такими словами: "Вспоминая всех, кого я помню по Соловкам, я должен сказать: сколько же там было талантливых и способных людей, высоких по своим нравственным принципам, тихо погибавших в неизвестности".

Нет сомнений, что когда-нибудь будет создана Соловецкая энциклопедия. В ее словнике мы найдем много знаменитых имен. Перечислим лишь некоторые из них: Николай Анциферов, автор незабываемых книг о Петербурге; Николай Виноградов, фольклорист и археолог, исследователь соловецких лабиринтов; архиепископ Иларион, выдающийся богослов Русской Церкви; Юлия Данзас, знаток гностицизма и католическая мыслительница; Николай Ульянов, исторический романист и тонкий эссеист; Валериан Муравьев, самобытный философ, поставивший перед человечеством задачу овладения временем; Генрих Мёбес, крупнейший русский розенкрейцер, создатель "Энциклопедии оккультизма"; о. Михаил Польский, мужественный составитель житий российских новомучеников; о. Павел Флоренский, разносторонний гений, заслуженно зовущийся русским Леонардо да Винчи.

Мы еще мало знаем соловецких поэтов. Самым интересным из них Д. С. Лихачев считает Владимира Кемецкого (Свешников). Свое виденье мира, своя образная система были у Г. Русакова, Б. Евреинова, А. Панкратова, Ю. Казарновского, Н. Бернера, Б. Емельянова, С. Каргопольского, А. Чекмазова. Антология соловецких стихотворцев наверняка привлечет внимание любителей поэзии.

Перелистывая поэтические страницы "Соловецких островов", удивляешься тому, как часто авторы-узники обращаются к форме сонета. Утонченные, подчеркнута изысканные кружева сонетов - на фоне колючей проволоки и

лагерных вышек - что может быть разительнее и резче этого контраста! Да, сонет имеет ажурную, прихотливо сложную конструкцию. Но в то же время его структуре присуща прочность алмазных кристаллов. Это и есть кристаллы культуры. Замечательно, что они прорастали на политой кровью Соловецкой почве, - так дух утверждал себя в противостоянии насилию и смерти.

В пятом номере "Соловецких островов" за 1930 год - на нем обрывается уникальное издание - находим сонет Александра Ярославского "Случайной женщине":

Весна... Карелия... и струи рельс...
И десять лет, распахнутые в вечность...
И хрупкий смех, змеящийся беспечно
Вдоль узких губ, вдоль глаз, где бродит хмель.
Есть, вероятно, в этой жизни цель, -
Она в любви и радости, конечно,
Но разве можно так бесчеловечно
Мне прямо в сердце выплеснуть апрель.
На будущее жалобней взгляни,
Как испугнутые кони эти дни...
Но в этих днях над дымкой сероватой,
Сквозь скучный мрак болот и острых скал -
Лица очаровательный овал
И лишь улыбка, как письмо без даты.

Много ли скажет современному читателю имя Александра Ярославского? А между тем это выдающееся явление двадцатых годов, пестревших разнообразием художественных направлений. Вождем одного из них - биокосмизма - был Александр Ярославский. Две великие идеи Н. Ф. Федорова - неизбежность выхода в космос и обретение человеком бессмертия - поэты-биокосмисты связали с революционной установкой. Но это была не большевистская, а скорее анархическая установка - свобода трактовалась Александром Ярославским как высшая космическая ценность. Отклонение от марксистской догмы налицо. И потому - расплата: "десять лет, распахнутые в вечность". Почему бы один из томов "Соловецкого мемориала" не по-

святить Александру Ярославскому? Туда могли бы войти не только его замечательные стихи и поэмы, но и научно-фантастический роман "Аргонавты Вселенной", звучащий весьма актуально. Аналогичных томов заслуживают многие соловецкие авторы.

Александр Борисович Ярославский был расстрелян за попытку побега.

Трагична судьба Владимира Кемецкого. Совсем мальчиком увезенный родителями в Париж, он в 1926 или 1927 году по собственному почину вернулся в Россию. Вскоре был репрессирован. В 1928-1931 годах находился на Соловках. О дальнейшей его судьбе имеются противоречивые и неполные сведения. Как вспоминает историк А. И. Клибанов, он видел Кемецкого в трюме баржи, транспортировавшей заключенных в Воркутинские лагеря. Впоследствии до Клибанова дошли сведения, что Кемецкий умер в лагере от туберкулеза.

Б. Н. Ширяев пишет: "Работа в области культуры ничтожной кучки русских интеллигентов на Соловках была действием Духа". Противостояние интеллигенции и большевизма имело место всегда, ведь большевизм несовместим с истинной культурой. На Соловках противоборство двух начал - культурного и антикультурного, космического и хаотического - имеет предельно трагические формы.

Есть такое выражение, которое обычно применяют по отношению к русским святым: веселость духа. Это удивительное качество может проявляться, несмотря на страдания, вопреки им. Быть может, в нем ярче всего выражена сила жизни, ее неистребимость.

О соловецком юморе можно писать отдельное исследование. Категория смеха имеет глубинную связь с категорией свободы. М. М. Бахтин ввел важнейшее понятие: "смеховая культура". Прежде всего он соотносил его с удивительным явлением карнавала. Разумеется, на Соловках не устраивали карнавалов как таковых, но поэтика карнавала просматривается в соловецких шутках, скетчах, анекдотах. Как показал М. М. Бахтин, карнавал осуществляет инверсию ценностей: высокое в нем занижается, сакральное - профанируется. Можно сказать, что в усло-

виях Соловков эта инверсия была обратной: она восстанавливала те ценности, которые приняли перевернутый вид в зеркалах большевистского антимира. Раскрепощающий смех активно участвовал в действе Духа.

Промчится год. Треска и каша
Сорвут с надежд печальный креп.
- Вновь едет, - возвестит "параша", -
На "Глебе Боком" - Бокий Глеб.

Это истинно inferнальная и вместе с тем смехотворная картина: невежественный чекист - на пароходе, носящем его имя. Подобные переименования - тоже форма инверсии. Подчеркивая в подтексте их нелепость, шутка делает Глеба Бокия не таким уж страшным. И вместе с тем адаптирует узников к будущим разочарованиям: не следует ждать от палачей никаких послаблений и поблажек.

Увы, до сих пор иногда говорят о некоей гуманности Соловков - это явная идеализация и романтизация. В письме к XXIII съезду КПСС соловчанка А. П. Скрипникова писала, протестуя против издевательств над диссидентами: "Согласитесь, что такого безобразия не было даже при Сталине! В предисловии к "Соловкам" (рукопись Скрипниковой. - Ю. Л.) я отмечаю, что Соловецкий лагерь был, несмотря на все, самым гуманным лагерем за все время существования советской власти". Спорный тезис! М. М. Розанов блестяще опровергает его, давая тонкий психологический анализ утверждения Скрипниковой. Соловки были настоящим Инферно. И все же многие вспоминают о них со своеобразной ностальгией. Здесь нет противоречия: пройдя через все круги соловецкого ада, выжившие обрели в себе человека и Бога. Из ада их души выходили спасенными.

Иеромонах **ДАМАСКИН (ОРЛОВСКИЙ)**

Святитель Василий Кинешемский

Епископ Василий Кинешемский (в миру Вениамин Сергеевич Преображенский) родился в 1876 году в городе Кинешме Костромской губернии* в семье священника Сергия и жены его Павлы и своим христианским воспитанием целиком был обязан родителям. Очищение ума и сердца таинствами и молитвой - в этом был смысл и цель земной жизни супругов. И потому родители старались оградить детей от влияния мира, зная, как трудно вырвать из сердца тернии грехов и страстей, если те уже проросли.

Всё устроение жизни, окружавшей мальчика с детства, было подобно монашескому. Ни новостей, ни сплетен, ни праздных разговоров не проникало за высокую изгородь их дома, покидать который детям воспрещалось. И было для ребенка отрадой посещение их дома нищей братией и странниками. В самый день его крещения, когда Вениамина принесли из храма домой, к ним пришла странница-старушка, которая, глянув на мальчика, сказала: "Это будет великий человек". Были и иные предзнаменования его незаурядного будущего.

После окончания гимназии Вениамин поступил в Киевскую духовную академию, которую окончил в 1901 году со степенью кандидата богословия, и был определен препода-

* Ныне Ивановская область.

вателем в Воронежскую духовную семинарию. От юности интересуясь христианским подвигом, он пишет диссертацию под названием "О скитском патерике", за которую ему была присуждена степень магистра богословия. В Воронеже Вениамин пробыл до 1910 года.

Зная в совершенстве как древние, так и новые европейские языки, Вениамин для более углубленного изучения европейской культуры уехал в Англию и 1910-1911 годы прожил в Лондоне. По возвращении в Россию он поступил преподавателем иностранных языков и всеобщей истории в Миргородскую мужскую гимназию. В 1914 году Вениамин переехал в Москву и устроился преподавателем латинского языка в Петровской гимназии. Преподавание настолько его увлекло, что он закончил Педагогический институт, приготовившись окончательно к профессии педагога. Но Господь распорядился иначе.

Однажды, приехав в гости к родителям, Вениамин уговорился с друзьями покататься на лодке по Волге. Уже далеко от берега лодка внезапно перевернулась. Вениамин взмолился, прося Господа сохранить ему жизнь, обещая посвятить себя служению Православной Церкви. В этот момент он увидел толстую длинную доску и, ухватившись за нее, выплыл.

Вскоре после этого Вениамин переехал на родину в Кинешму и в октябре 1917 года поступил псаломщиком в Вознесенскую церковь, где служил его престарелый отец. Памятуя обет, данный Богу, он стал проповедовать в храмах Кинешмы и ее окрестностей. Сознывая, что без точного и глубокого понимания Священного Писания человек может стать добычей лжеучителей, Вениамин приступил к созданию православных кружков. И здесь ему много помог опыт христианского студенческого движения, который он, еще будучи в Англии, внимательно изучал, стараясь усвоить все полезное и здоровое, что впоследствии помогло ему в устройении христианских кружков на родине.

В 1918 году он стал ездить по приходам епархии. Однажды после службы в селе Захарьевском Вениамин обра-

тился с разъясняющим Евангелие словом к прихожанам, а потом зашел в дом Анны Васильевны Честухиной в соседней деревне Балахонка. Пообедал у нее, попил чаю, поговорили. И хотя не был Вениамин Сергеевич еще священником, беседа с ним произвела на Анну и всех присутствующих такое впечатление, что они решили по его совету организовать в своей деревне церковный кружок. К Анне в дом стала собираться молодежь, пели молитвы, читали Священное Писание. Для прихожан это было явлением невиданным, и в то же время лучшего невозможно было желать. Народ сердцем почувствовал, что Вениамин предложил им самое нужное, без чего ни жить, ни умереть нельзя достойно. В кружках читались жития святых, пелись уставные церковные песнопения и любимые народом духовные стихи. Вениамин знал: кто любит духовное, кто хотя бы раз ощутил радость и мир, идущие от Господа, тот никогда не отдаст эту радость за греховные утешения преходящего мира. И потому в каждом человеке он прежде всего старался пробудить интерес и жажду к духовному.

В начале 1918 года власти запретили преподавание Закона Божия в школах, так свет Христова учения насильственно отнимался от детских сердец. Вениамин стал собирать детей в Вознесенском храме.

16 июля 1920 года Вениамин был рукоположен в сан священника в городе Костроме митрополитом Серафимом (Мещеряковым). Вскоре после этого скончался его отец. Вениамин принял постриг с именем Василий - в честь Василия Великого - и 19 сентября 1921 года был хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. В хиротонии участвовали: митрополит Сергей (Мещеряков), митрополит Иерофей (Померанцев) и архиепископ Севастиан (Вести).

Рукоположенный во епископа, он усилил подвижнические труды. Отказавшись от какой бы то ни было собственности, он поселился на окраине города в маленькой баньке, стоявшей на огороде у вдовы-солдатки Анны

Александровны Родиной. Никакого имущества или обстановки у святителя не было, спал он на голом полу, положив под голову полено. Подвиг свой он от посторонних скрывал, принимая приходящих в канцелярии, устроенной при Вознесенской церкви. Далеко находилась банька от храма. Каждое утро, еще до рассвета, владыка шел пешком через весь город в храм и возвращался домой поздно ночью. Не один раз грабители останавливали его на улице, и он с кротостью и любовью отдавал им всё, что имел; вскоре они стали узнавать его и не тревожили.

Помимо ежедневных служб, во время которых он обязательно проповедовал, святитель исповедовал своих многочисленных духовных чад, обходил дома всех нуждающихся в его помощи со словом утешения, посещал монастыри и основанные им кружки, разбросанные по всей епархии.

В дни больших праздников святитель служил в соборе, а с четверга на пятницу - всенощные в Вознесенской церкви. Народ любил эти всенощные, посвященные воспоминанию Страстей Господних, и собирался на них во множестве. Особенно много было рабочих, некоторые из них жили в окрестностях города, они отстаивали долгую всенощную и только поздно ночью добирались домой, а утром снова шли на работу, но так велика была благодать этих служб, что люди не чувствовали усталости. Святитель сам читал акафист Страстям Господним, и в храме стояла такая тишина, точно в нем не было ни одного человека, и в самом дальнем конце его слышно было каждое произнесенное слово.

Благодатные проповеди епископа Василия привлекали в храм всё больше людей. Некоторые совершенно меняли образ жизни; иные, следуя примеру святителя, раздавали имущество нищим, посвящая жизнь служению Господу и ближним. Свет веры достигал и неверующих. Как бы ни относился иной человек к христианской вере и к Православной Церкви, почти всякий чувствовал, что слово, произнесенное епископом, отвечает внутренним запросам души, возвращает ей жизнь, а жизни - озаряющий смысл.

Не напрасны были труды владыки по созданию кружков, изучающих Евангелие. Многие свидетельствовали позже, что только благодаря епископу обрели веру в Бога. Не могла и предположить Екатерина Александровна Книшек, что придет время, когда она обратится к Богу и будет жить сугубо церковной жизнью, имея к тридцати шести годам стойкие навыки жизни нецерковной. Родилась она в Санкт-Петербурге, дед был выходцем из Чехии, но уже отец ощущал себя коренным петербуржцем. Более всего почитая образование, родители отдали Екатерину учиться на Высшие женские курсы, которые она с успехом закончила по историко-филологическому факультету. В 1920 году она с матерью уехала из разоренного революцией Петрограда в Кинешму. В храм она не ходила и все церковное было ей непонятно и чуждо. Но с 1921 года Екатерина все чаще слышала от разных людей, что в городе служит необыкновенный епископ, который говорит необычные проповеди. Человек любознательный, образованный и даже несколько скучающий в маленьком городке, Екатерина пошла в храм. Проповедь, которую она услышала, была действительно необыкновенной и показывала в проповеднике человека талантливого и широко образованного. Екатерина пришла еще раз и еще, а затем стала ходить в храм постоянно. Ей открылась всечеловеческая глубина Православия. Екатерина и сама удивлялась - как быстро она становится церковным человеком, изменяется внутренне. Вскоре она познакомилась с епископом лично. Увидев в ней человека с выдающимися способностями, он предложил Екатерине стать председателем церковного совета вознесенской общины. С этого времени она стала его ближайшей помощницей.

За короткий срок владыка организовал кружки в Кинешемском, Юрьеveckом, Вичугском, Семеновском, а потом и Вязниковском районах. Только тех кружков, которые он посещал лично, было более десяти; другие организовывались по его благословию.

В Вознесенском храме прихожане, староста и священники были единомысленны с владыкой. В те годы там служили священник Николай Панов*, диакон Иоанн Груздев и псаломщик Василий Потапов. Старостой храма был Григорий Федорович Иванов, а во время его долгой болезни - монахиня Агния (в миру Орлова Анастасия Захаровна), бывшая казначеем Успенского монастыря в Кинешме. В храме было ежедневное богослужение и две литургии, владыка всегда служил позднюю, без священника и диакона. Только по праздникам служили все вместе. Часто епископ приглашал на свои службы священника из Заволжья, из села Ширяево, о. Владимира Голубева, которого он любил и почитал за твердость в исповедании Православия и за подвижническую жизнь. Согласие клира со своим епископом было таково, что при изъятии церковных ценностей в 1922 году прихожане единодушно собрали средства, отдав их вместо церковных ценностей.

Миссионерская деятельность епископа стала вызывать у властей всё большее беспокойство. Но повода для ареста святителя не находилось. И тогда власти стали посылать в храм людей, обязав их во время проповеди задавать искусовые вопросы, чтобы привести епископа в замешательство. Владыка провидел, что такие люди есть в храме, и заранее - в проповедях - давал ответы на многие их вопросы. Обличаемые совестью, понимая всю невыгодность своего положения, они покидали храм, ничего не спросив.

Как истинный пастырь святитель оберегал свою паству от всякого рода зла и заблуждений. Если узнавал, что кто-

* Священник Николай Иванович Панов родился в 1884 году в селе Хемилово Шишкинской волости Костромского уезда. Служил в Вознесенском храме в Кинешме. Впервые был арестован в 1928 году вместе с епископом Василием. В 1932 году вернулся в Кинешму, работал уличным сторожем и совершал требы по домам. В 1933 году был снова арестован и приговорен к пяти годам лагерей. Находился в Рыбинской колонии. Скончался от непосильной работы и голода в 1937 году.

то из его духовных детей мыслит неправо, то спешил этого человека посетить. Неподалеку от города Вичуги жила в те годы старица Марфа Лаврентьевна Смирнова. Она была строгой подвижницей. С детства ведя богоугодную жизнь, последние двадцать два года она тяжело болела, непрестанно благодаря Господа, и Он дал ей дар рассуждения, которым пользовались многие.

Узнав, что старица принимает у себя людей, находящихся в духовном заблуждении, епископ отправился в Вичугу, по пути заходя в дома духовных детей.

Лишь к вечеру он добрался до кельи старицы. Она была полна народа, и святитель попросил всех выйти, чтобы остаться наедине с Марфой Лаврентьевной и ее келейницей.

- Я хочу испытать тебя, - сказал святитель, - в прелести ты или нет. Мне стало известно, что тебя посещают одни люди из Иванова, которые тебя по всему городу прославляют как святую, а меж тем они - неправославные. Если ты будешь продолжать общение с ними, то я тебя из своего кружка исключу.

Без колебания согласилась старица прекратить общение с еретиками.

У одной из духовных дочерей святителя - Евдокии - в полночь сама собой перед образом стала зажигаться лампада.

"Видно, это Господь призывает меня встать на молитву, - подумала она, впрочем и сомневаясь, - принять ли это явление за благодатное или за лестчее". А лестчий дух она сердцем уже ощутила - вот, мол, ты какая молитвенница, тебе и лампаду Сам Господь зажигает.

На следующую ночь Евдокия пригласила свою знакомую Екатерину Дмитриевну. Но и в ее присутствии лампада зажглась. Тогда она пригласила переночевать у себя третью свидетельницу. И в ее присутствии произошло то же самое. В полночь лампада сама собою зажглась. Это окончательно убедило Евдокию принять явление за благодатное.

Выслушав ее, святитель строго сказал:

- Нет, это явление не благодатное, а от врага, а за то, что ты приняла его за благодатное, я налагаю на тебя епитимью - год не приступай к причащению Святых Таин. А лампада больше зажигаться не будет.

Действительно, с этого дня лампада не зажигалась.

Летом 1922 года возникло еретическое церковное течение - обновленчество. Повсюду в стране обновленцы захватывали храмы, изгоняли православных священников и архиереев, которых советские власти предавали на заключение и смерть. В тех приходах, где храм был захвачен обновленцами, святитель благословлял священников не покидать своей паствы, а литургию совершать на площадях сел. Пример такого служения он подавал сам, и на эти службы сходились сотни и тысячи людей.

С величайшим благоговением святитель Василий служил литургию, часто во время совершения проскомидии сослужащие видели, что по его щекам обильно текли слезы. Одному из близких людей он рассказывал, что во время литургии Преждеосвященных Даров, когда хор поет "Ныне Силы Небесные с нами...", он воочию видел предстоящие престолу Небесные Силы в образе белых голубей.

Вскоре после хиротонии владыка Василий познакомился со своим будущим келейником Александром Павловичем Чумаковым; разделившим с ним трудности изгнания и тюремного заключения. Его рекомендовал владыке священник Владимир Голубев. Позже, в ссылке, митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) о нем говорил: "Много я видел келейников, но такого, как Александр Павлович, не видел. Повезло владыке Василию". /.../

В 1922 году в Нижнем Поволжье разразился голод, от которого ежедневно умирали тысячи людей. Иногда власти распоряжались подбирать оставшихся без родителей детей и отправляли их по разным городам в детдома. Незадолго перед наступлением Пасхи привезли таких детей в Кинешму. Узнав об этом, святитель после богослужения обратил

ся к народу с проповедью, призывая помочь голодающим детям: "Вскоре наступят праздничные дни пасхального торжества. Когда вы придете от праздничной службы и сядете за стол, то вспомните тогда о голодающих детях..."

Многие после этой проповеди взяли детей в свои семьи. Сам епископ в доме своей прихожанки Валентины Арсеньевны Альтовской устроил приют, в котором нашли себе кров восемь девочек-сирот. Не желая обременять пожилую хозяйку, епископ нанял женщину-прислугу, чтобы та присматривала за детьми. И сам часто навещал их, иногда оставаясь здесь ночевать, но и тогда не изменял своему правилу - ложился на полу в кухне и подкладывал под голову полено.

Утонченный аскет и подвижник, святитель был любвеобильно прост в общении. Когда владыка ездил по епархии и навещал кружки, слух о его приезде распространялся быстро, люди торопились увидеться с ним, и обстановка здесь была самая простая. Пришедшие располагались, где кто мог. Владыка часто устраивался на полу и пел духовные песни, играя на цитре. И столько было простоты и любви в его проповедях, евангельских беседах и пении, что и сам он, казалось, как бы цевница духовная в руках Божиих. Никому из присутствующих не хотелось, чтобы беседы эти кончались. Для многих встреча с владыкой стала путеводной звездой на всю последующую жизнь.

Вскоре Господь стал открывать окружающим, что не только в проповеди даровал Он Своему рабу благодать, но и молитву его Он слышит и исполняет.

Одна девушка попала в затруднительные обстоятельства и, будучи наущаема дьяволом, приходила в состояние все большего уныния; дело дошло до того, что она решила покончить с собой. Добрые люди привели ее к святителю, которому она обо всем рассказала. Молча выслушал он ее исповедь, а на прощание благословил и поцеловал в голову. В тот же миг прошла тягость в душе и исчезли мучительные мысли, занимавшие ее столько времени. /.../

Святитель имел дар прозорливости.

Однажды попросили его рукоположить одного человека в священники.

- Подождем, - ответил владыка.

Человек этот оказался болен и впоследствии сошел с ума.

В другой раз пришла к владыке женщина и попросила благословения на отъезд.

- Нет, - сказал святитель, - тебе нужно сейчас пособороваться и причаститься.

Во время соборования у нее стал отниматься язык, и вскоре она умерла.

Одна женщина просила владыку благословить ее вкушать пищу в Великий пост раз в день.

- Нет, этого я тебе не благословляю, ешь два раза в день, а то тебя не хватит до Пасхи.

Случилось так, что при наступлении дней Великого поста у нее заболели обе снохи и ей пришлось ухаживать не только за больными, но и за их детьми, и за скотиной. Теперь ей едва хватало сил, чтобы управляться с хозяйством.

Меньше двух лет прослужил святитель на кафедре, и 10 мая 1923 года был арестован и сослан в Зырянский край, в поселок Усть-Кулом на два года. Сюда же были сосланы митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), епископ Новоторжский Феофил (Богоявленский), епископ Петергофский Николай (Ярушевич), священник из Великого Устюга о. Михаил Шилов и из Петрограда священник Петр Иваницкий. Проездом в Усть-Куломе был епископ Ковровский Афанасий (Сахаров). Митрополит Кирилл подарил епископу Василию свое архиерейское облачение, которое тот, почитая великого святителя, бережно хранил, а перед смертью благословил разрезать на части и раздать своим духовным детям как святыню.

Ссылные архиереи и духовенство совершали службы в небольшой таежной избушке. После литургии чередной архиерей произносил проповедь. По общему мнению, толь-

ко митрополиту Кириллу уступал епископ Василий в благодатной силе и глубине слова.

Вскоре сюда приехал келейник владыки Василия, чтобы добровольно разделить с ним тяготы ссылки.

Знакомство и близкое жительство в ссылке с митрополитом Кириллом оставило в душе епископа неизгладимое впечатление. Узнав митрополита, невозможно было сомневаться в его праведности. Глядя на него, служа с ним, живя рядом, не было сомнений - это истинный учитель и хранитель веры православной, столп современной Церкви, и потому так значительны были его суждения о вере и современном положении Церкви. За митрополитом был авторитет православного богослова, подтвержденный благочестием личной жизни. Не случайно великий праведник о. Иоанн Кронштадтский именно ему завещал отпеть его после кончины.

В мае 1925 года ссылка закончилась, и владыка Василий возвратился в Кинешму. О своем возвращении он известил духовных детей, и они стали, собираясь небольшими группами, приходить к нему в Вознесенскую церковь; здесь после вечерней службы он исповедовал. Долго, до поздней ночи длилась исповедь, много накопилось неразрешенных вопросов. Святитель не торопил исповедников, давая место действию Бога и Его благодати.

Ни в отношении службы, ни в отношении проповеди - ни в чем святитель не изменил своих правил, и Церковь в Кинешме стала быстро расти.

На Рождество 1926 года власти, обеспокоенные духовным ростом и укреплением Церкви, потребовали, чтобы епископ покинул город. Келейник Александр Павлович предложил уехать на свою родину в деревню Анаполь, чтобы там переждать тяжелое время. Владыка согласился.

За две недели Александр Павлович поставил небольшой дом, подобный тому, в котором епископ жил в Кинешме. В доме был установлен престол и совершались ежедневные уставные богослужения. Служил владыка с

Александром Павловичем вдвоем, никто из посторонних на их службах не присутствовал, так как рядом был православный храм, где служил близкий святителю священник, у которого Александр Павлович был когда-то псаломщиком.

Так почти в полном уединении епископ прожил около полугода, а затем поехал в Саров - в последний раз помолиться у мощей преподобного Серафима; был в Дивеево, оттуда поехал в Нижний Новгород, где вместе с заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) и епископом Александром (Шукиным) участвовал в хиротонии иеромонаха Николая (Голубева) во епископа Ветлужского. Митрополит Сергей сообщил владыке Василию о переводе епископа Вязниковского Корнилия на Екатеринбургскую кафедру и что вязниковцы просят его к себе. Впрочем, добавил он, вы будете считаться Кинешемским, Вязниковская кафедра будет для вас временной. "Я принял это назначение, - писал епископ митрополиту Кириллу, - по долгу послушания, хотя, конечно, этот перевод был встречен в Кинешме с великою скорбью. Кинешемцы и теперь всё еще хлопочут о моем возвращении, но пока без заметного успеха. Лично я не ропщу, хотя и грущу по родине. По-видимому, это перемещение было необходимо по условиям моей внутренней духовной жизни, а внешние причины, пожалуй, и несущественно важны. Господь лучше нас знает, что делает, и я могу только преклониться перед премудростью и заботливой благостью Промысла, управляющего миром не по человеческим соображениям.

Помолитесь, дорогой Владыко, чтобы Господь помог мне относиться к новому делу с прежним чувством интереса и участия.

Чувствую себя здесь пока спокойно: духовных детей пока не завожу, так как не уверен в долговременности своего пребывания здесь. Административных хлопот также очень мало, так как в викариатстве всего около 70 приходов (в Кинешемском было 160). Остается много времени

свободного для молитвы и для личных занятий, чему я очень рад.

Александр Павлович живет со мною в одной комнате. Кланяется, благодарит за привет и просит благословения и молитв...

Да сохранит Вас Господь, дорогой Владыко! От всей души обнимаю и желаю бодрости и здоровья. Не нуждаетесь ли в чем? Напишите. Простите, благословите, помолитесь.

Искренно любящий Е. Василий”.

В Вязниках епископ продолжил дело, начатое еще в Анаполе. Давно ему хотелось евангельские беседы, которые он вел в храме и в кружках, собрать в одну книгу. Рукопись книги он передал доверенным людям в Кинешме, и они переписывали от руки.

В начале 1927 года епископ Афанасий послал к владыке в Вязники своего келейника иеромонаха Дамаскина (Жабинского) с запиской - не примет ли владыка Василий во временное управление Владимирскую епархию ввиду того, что он, епископ Афанасий, арестован и не может продолжать служение.

Заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) был арестован, и в управление Православной Церковью вступил архиепископ Серафим (Самойлович). Епископ Василий обратился к нему за разрешением этого вопроса, но владыка Серафим во Владимир послал епископа Дамиана, а владыку назначил на Ивановскую кафедру. Но назначением воспользоваться не пришлось. К этому времени проповеди святителя, его духовная стойкость стали привлекать в храм множество народа, и власти выслали владыку в Кинешму. Здесь он прослужил несколько месяцев, когда власти потребовали, чтобы он уехал.

В июне 1927 года владыка Василий приехал в Кострому, где прожил около года. Главной заботой были духовные дети, о каждом он хотел знать всё и не упускал случая наставить и духовно поддержать каждого из них. Пе-

реписка с ними занимала много времени и ее нельзя было доверить почте. Епископ отдавал письма своему иподиакону Василию Смирнову, тот отвозил их Екатерине Книшек, и та уже разносила по адресатам, в свою очередь собирая письма к владыке.

В 1928 году епископ поехал в Ярославль переговорить с митрополитом Агафангелом по вопросам церковной жизни. Он встретился с ним в храме, куда тот приехал помолиться. Митрополит предложил епископу Василию остаться в Ярославле викарным архиереем. Владыка отказался. Его не прельщали административные церковные должности, когда в современных условиях архиерей почти ничего не мог предпринять для Церкви полезного без того, чтобы сразу же не быть арестованным. Семь лет архиерейского служения уже определили духовный путь владыки - духовничества и старчества.

В августе того же года епископ вернулся в Кинешму и через месяц был арестован. Вместе с ним были арестованы священник Вознесенской церкви о. Николай Панов и председатель церковного совета Екатерина Книшек. Арестованных отправили в Ивановскую тюрьму. Каждую неделю ездил Александр Павлович в Иваново, чтобы передать узнику передачу. Около полугода епископ Василий, священник Николай Панов и Екатерина Книшек пробыли в Ивановской тюрьме и были приговорены к трем годам ссылки.

В ссылку владыка ехал с тюремным этапом и в Екатеринбурге в камере пересыльной тюрьмы встретился с епископами Амвросием и Прокопием (Титовым).

Святитель поселился в маленькой таежной деревушке Малоречка в двадцати пяти километрах от районного города Таборово Екатеринбургской области.

Александр Павлович и здесь разделил с ним трудности ссылки. Вдвоем они поставили в домике престол, епископ освятил его, и они ежедневно совершали богослужение.

Молитва, тяжелая работа в лесу - жизнь была подобно скитской с самым суровым уставом. Александр Павлович

подрабатывал тем, что ловил рыбу и делал деревянные корытца.

Разговаривали они друг с другом мало и редко. Иногда наступал час отдыха, и они уходили в лес. Плещутся в темноте воды речки. Горит костер, освещая сосредоточенное лицо святителя, душа его погружена в молитву. Плотно окружает их лесной мрак, хочется Александру Павловичу поговорить, но, глянув на владыку, не решается его потревожить.

Как только они обосновались, Александр Павлович поехал на родину отвезти письма владыки и сам разнес их по адресатам.

Кружки по-прежнему собирались, хотя и не так открыто, как раньше. Собирались у Марии Андреевны Дмитриевой на окраине Кинешмы, у Валентины Арсеньевны Альтовской, которая переехала из Кинешмы в деревню Гручиха, у Золотаревой Зинаиды Николаевны в Вичуге и в других местах. Но чаще всего собирались для общей молитвы на хуторе Макарьиха у Федора Павловича Суворова. Место было глухое и отдаленное, и чужому человеку ни к чему было туда заезжать. Когда-то Федор Павлович имел бакалейную торговлю и два дома в Кинешме, но после колхозного ограбления остался ему только хутор, за дальностью никому не нужный. Федор Павлович и его жена были людьми глубоко религиозными и потому без всякого сомнения предложили осиротевшей пастве собираться у них. На общих молитвах поминали патриаршего местоблюстителя митрополита Петра Крутицкого, митрополита Казанского Кирилла и епископа Василия.

В уединении, в молитве и работе прошли три года и уже кончался четвертый. Мысль епископа склонялась к тому, чтобы остаться здесь навсегда.

Но оказалось, что и ссылку вольно выбрать нельзя. Только он собрался попросить у местных властей разрешения остаться, как они сами начали требовать, чтобы он уехал.

- Разрешите остаться, - попросил он.

- Нет, здесь нельзя. Уезжайте. Вы можете поехать в любой город, кроме запрещенных.

- Я должен подумать, - сказал святитель и вышел на улицу к ожидавшему его келейнику.

- Ну что, Александр Павлович, куда поедем?

- Я вам не указчик, владыко святой, вы сами выберите.

Святитель задумался. Куда же, куда ехать? Какое место выбрать себе местом изгнания? Разоренный Саров... Дивеево... Оптиная пустынь. Об Оптиной, о своем пребывании в ней Александр Павлович часто рассказывал святителю, и тот любил слушать об этой любимой русским народом обители. Любил слушать о послушаниях, на которых приходилось трудиться Александру Павловичу.

- А что, пекарь Фотий, которому ты помогал в Оптиной, откуда был родом?

- Из Орла.

- Ну вот и хорошо - поедем на родину Фотия.

В Орел епископ приехал в сентябре 1932 года. Сразу же к нему приехала из Кинешмы монахиня Виталия*, при-

* Монахиня Виталия (в миру Фекла Ивановна Кузнецова) - монахиня Успенского монастыря в Кинешме. Арестованная по "делу" епископа Василия, она от растерянности в первые дни заключения и не зная истинной механики следствия, давала обширные показания, поясняя следователям, что, действительно, она является "последовательницей епископа Василия", что после его ареста участники кружков продолжают собираться то у одних, то у других. "С епископом Василием мы держали и держим связь, он руководит нами и знает, как живет наша община". Впрочем, в том, что они собирались вместе молиться и, бывало, обсуждали события церковной жизни, мать Виталия не находила ничего преступного или антигосударственного. После месяца заключения в тюрьме она поняла истинные цели следствия. И на следующем допросе сказала:

- У епископа Василия Преображенского в городе Орле была... возила ему письма и деньги. От него также отвозила письма для кружковцев. Больше он от меня ничего не требовал. От дальнейших показаний отказываюсь.

везла множество писем. На некоторые он писал ответы сам, на иные давал ответы устно, и чтобы уже сами записали и передали. Марии Калёновой велел передать, чтобы сидела дома и молилась, и не думала о суете. Анне Частухиной, чтобы молилась и была покойна. Пора ей уже стать тихой и умиротворенной старушкой, ведь она самая старшая. Велел передать ей три просфоры. Недолго пробыла мать Виталия у епископа. Пока он писал письма, она отдохнула, и он велел ей не задерживаясь ехать обратно.

До декабря епископ жил один, потому что Александр Павлович задержался на Урале, ожидая, когда установится зимний путь, чтобы вывезти из таежной глуши вещи.

В 1932 году вернулся в Кинешму из заключения священник Вознесенской церкви о. Николай Панов. В храм он служить не пошел, тем более, что многие храмы к тому времени были захвачены обновленцами, устроился работать сторожем и служил в домах православных. В селе Наволоки, где у епископа был кружок, храм захватили обновленцы, и православные - и прежде всего духовные дети епископа - стали ходить в храм села Семигорье, где служил священник Павел Никанорович Березин. Он не был лично знаком с епископом Василием, но заочно был его большим почитателем и всегда поминал его за богослужением, даже тогда, когда была упразднена Кинешемская кафедра и святитель был арестован. Следователям на допросе он говорил: "Я считаю епископа Василия столпом Русской Православной Церкви и праведником". Отец Павел был хорошим проповедником, и храм его во время

- Почему? - спросил следователь.

- Мое дело, и отказываюсь от каких-либо объяснений.

Следствие обвинило монахиню в том, что она, "являясь активной последовательницей епископа Преображенского, воспитывала в антисоветском духе членов кружков; являясь нелегальной связью между кружками и ссылкой, собирала средства в помощь ссылке; в организации выполняла функции связистки и собирательницы сведений религиозно-политического настроения населения района".

богослужения всегда был полон. Осведомители подробно доносили властям о церковной жизни в Семигорье. В декабре 1932 году ГПУ арестовало о. Павла и диакона храма Василия Магера, многих стали вызывать на допросы.

В марте 1933 года епископ получил известие, что в Кинешме многих его духовных детей допрашивают, некоторых уже арестовали, следователи спрашивают о владыке. 31 марта владыка Василий и Александр Павлович были вызваны в Орловское ГПУ, арестованы и отправлены этапом в Кинешму.

Следователи ГПУ допрашивали всех, кто хоть сколько-нибудь знал епископа. Достойны уважения ответы некоторых. Мария Марова столкнулась с безбожной властью в первый раз в 1921 году, когда ей было шестнадцать лет. Она работала машинисткой в уездном исполкоме и отказалась работать в церковные праздники. Ее арестовали, судили, но суд тогда оправдал ее. Арестованная второй раз в 1933 году, на все вопросы следователя она отвечала:

- С епископом Василием впервые познакомилась в 1920 году, пела у него в хоре и состояла у него в религиозном кружке. Об остальных последователях епископа Василия давать объяснения отказываюсь. И вообще отказываюсь подписывать на допросе что бы то ни было и не желаю объяснять почему*.

У Александра Павловича спрашивали об отношениях его с владыкой. Он отвечал:

- В 1922 году я поступил на службу к епископу Василию Кинешемскому, при котором и до настоящего времени нахожусь как келейник, оказываю ему во всем всяческую помощь...

* Между прочим, бывало часто, что те, кто твердо держался, получали меньший лагерный срок. И при повторных арестах в сороковых годах, когда давали сроки заключения на основании протоколов тридцатых годов, на некоторых следователи не сумели составить обвинительного заключения, и они избежали повторного ареста.

Следователь интересовался подробностями, особенно относительно других людей. Александр Павлович попробовал отвечать, но очень скоро убедился, что следователя никоим образом удовлетворить невозможно, чем больше ему говоришь, тем больше он спрашивает, и всё о пустом, во вред людям, и наотрез отказался отвечать:

- Отказываюсь давать показания по существу дела, по своим религиозным христианским убеждениям, не хочу никого выдавать, а поэтому от всяких ответов по существу дела отказываюсь.

Спрашивали у самого епископа, правда ли, что он считает, что советская власть недолговечна.

Владыка отвечал:

- Советская власть, по моему убеждению, это временная власть и поэтому в идею, проводимую советской властью и партией коммунистов о построении социализма-коммунизма, я не верю... этого не будет... Коммунизм может быть осуществлен лишь частично. Полное осуществление невозможно в силу внутренних противоречий...

Интересовались отношением епископа к советским учреждениям. Владыка отвечал:*

- Колхозы, профсоюзы и прочее я рассматриваю только как формы организации труда, с религиозной точки зрения вполне допустимые, по крайней мере в их настоящей фактической обстановке. Та борьба с религией, которая существует в этих организациях, попущена волей Божией для испытания нравственно-религиозной жизни народа. В этот период испытания народа, несомненно, произойдет раскол в народе на верующих и неверующих. Причём верующие могут оказаться в меньшинстве. Но несмотря на это, Церковь - победит, и врата ада не одолеют ее.

Следователь интересовался, когда ждать победы. Епископ отвечал:

* Хотя я цитирую протоколы допросов дословно, читателю не должно забывать, что следователи никогда не записывали ответы подследственных точно.

- Победа Церкви Христовой последует лишь после заключительного периода мировой истории.

Владыку обвинили в том, что, "являясь противником советской власти, ориентируясь на реставрацию государственной власти, в 1918 году создал сеть контрреволюционных кружков - филиал ИПЦ (Истинная Православная Церковь. - и. Д.), ставивший своей задачей через религиозное антисоветское воспитание религиозных масс свержение существующего строя... организовал и воспитывал кадры тайного моления монашества... Добился в ряде сельсоветов Кинешемского района упадка роста коллективизации, массовых волнений и ухода старых работниц с производства".

В июле 1933 года епископ Василий был приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Вместе с ним приговорили одиннадцать человек, в частности, священника Павла Березина, Александра Чумакова и монахиню Виталию - к пяти годам, Марию Андреевну Дмитриеву* и ее сестру Елизавету - к трем годам лагерей.

* Мария Андреевна Дмитриева, 1899 года рождения, уроженка деревни Ильино Костромской губернии. Болела глазами, была слепая от юности. На допросах держалась подчеркнуто твердо. "Я в настоящий момент не имею никакой связи с епископом Василием... - показывала она. - Суворова Федора Павловича с хутора Макарьиха я знаю хорошо... Как с ним и через кого познакомилась, совсем не скажу... Молений в доме у Суворова совсем никаких не делали. Не молились даже в одиночку... Разговоров... кроме как о жизни друг друга, никаких не было, про веру и про религию... ничего не говорили" и т. п. Подписывать протокол она отказалась. Следствие обвинило ее в том, что она, "являясь заместителем епископа Преображенского по руководству контрреволюционным филиалом, в своих руках сосредоточила всю антисоветскую деятельность кружков; сосредоточила в своей квартире всю нелегальную переписку и денежную помощь ссылке; информировала Преображенского о религиозно-политическом настроении населения; руководила всей нелегальной связью между кружками через вызов руководителей кружков, являясь идейным руководителем кружковщины".

Заключение владыка отбывал неподалеку от Рыбинска на строительстве канала. Александр Павлович был отправлен в лагерь под Мурманск.

Верующие посещали владыку, привозили продукты, деньги. В 1935 году к нему на свидание приехал иеромонах Дамаскин, келейник епископа Афанасия. Разговор происходил в присутствии конвоира, и многого сказать было нельзя. Отец Дамаскин сообщил, что арестовали владыку Афанасия, и он сам, опасаясь ареста, переехал из Владимира в Рыбинск.

Александр Павлович освободился из лагеря на год раньше; весной 1937 года он приехал в Рыбинскую колонию навестить святителя и попросить благословения на поездку к митрополиту Кириллу (Смирнову) в Среднюю Азию, где тот находился в ссылке. Это был исключительный случай, когда можно было через доверенного человека о многом спросить митрополита, тем более, что упорно ходили слухи, что местоблюститель Петр (Полянский) скончался. Но свидание с Александром Павловичем было неожиданным и кратким, и владыка ничего не успел написать и только на словах просил передать митрополиту поклон.

Александр Павлович нашел митрополита Кирилла в селе Ям-Кургане Чимкентской области и пробыл у него несколько дней. Митрополит интересовался всем, и Александр Павлович много рассказывал ему о владыке Василии. От митрополита Александр Павлович уехал в Ташкент и устроился работать на завод.

Начиналось новое, жесточайшее гонение на Церковь. За одно исповедание христианской веры тысячами расстреливались епископы, священники и миряне.

Ее сестра Елизавета обвинялась в том, что, "являясь сестрой Дмитриевой М. А., была у нее исполнительницей всех ее контрреволюционных действий, в связи с ее физическими недостатками - слепота, обвиняется в том же, что и Дмитриева Мария Андреевна".

Мария Андреевна пережила всех своих мучителей и умерла в конце 1980-х годов в городе Кинешма.

Был вызван к мучителям и святитель Василий.

- Как вы относитесь к советской власти? - спросили его.

- Как гражданскую власть я ее признаю, но вмешательство в дела Церкви и те неслыханные в мировой истории нестроения, которые она произвела, - с этим я согласиться не могу.

Вызванным на допрос священникам мучители говорили:

- Вот Преображенский не такой, как вы, он прямой, не вертится, а вы при нас - за нас, а без нас - против нас.

В январе 1938 года епископа освободили из Рыбинского лагеря. Он поселился тут же, в Рыбинске у хозяйки, которая предоставила ему отдельную комнату. В лагере владыка познакомился со священником села Архангельское Углического района о. Сергием Ярославским, который после освобождения стал служить в Угличе, и владыка часто посещал его. В один из своих приездов в Углич епископ познакомился с регентом храма села Котово Ираидой Осиповной Тиховой, и она пригласила его жить к себе в Котово. В прошлом учительница, она была близка к архиепископу Серафиму Углическому (Самойловичу) и в свое время закончила организованные им богословские курсы. После ареста архиепископа Ираида много раз ездила к нему в ссылку, передавала собранные прихожанами продукты и деньги.

Переехав в село Котово, владыка Василий договорился с местным священником Константином Соколовым в будние дни служить вместе всенощную и литургию в присутствии только самых близких людей; позже на огороде хозяйки дома, в баньке, устроили небольшой храм.

Ираида Осиповна познакомилась владыку с девушками-певчицами, они стали навещать его и так образовался кружок. Девушки родились после революции, и епископ старался восполнить недостаток их образования беседами на богословские темы. Но совсем недолгими были эти беседы. Пребывание его в селе скоро было замечено местным

НКГБ, и началась слежка. Тем временем религиозный отдел НКГБ без всякой связи с епископом Василием начал по России оперативную разработку дела под условным названием "Проповедники". Арестовывали всех не имевших регистрации епископов и священников, а заодно и тех, кто поддерживал с ними близкие отношения. По одному "делу" были арестованы люди, не знавшие друг друга и даже никогда не слышавшие друг о друге.

5 ноября 1943 года Ярославским НКГБ были арестованы епископ Василий, иеромонах Дамаскин и Ираида Тихова. Обвинили их в том, что "они являются сторонниками истинно-православной церкви, ведут активную антисоветскую деятельность, организовали подпольную домашнюю церковь".

7 ноября епископ был заключен в Ярославскую внутреннюю тюрьму. Конфискованного имущества у владыки оказалось немного: один ветхий подрясник, деревянный крестик, иконка, детская игрушка, кожаный ремень и расческа.

При приеме в тюрьму врач поставил диагноз - миокардит и рекомендовал легкую работу. Владыке было шестьдесят восемь лет.

Допросы начались на следующий же день. И в тот же день - ночью. И на следующий день. И на следующий день. И снова ночью. Следователей было двое и они менялись. Иногда их сменял третий следователь. Но епископа допрашивали, не давая ему спать по много суток.

Следственный конвейер, когда многосуточно не давали спать, пытка голодом на фоне немощей и болезней старости сломили волю к сопротивлению следственным домыслам. И когда следователь в очередной раз принес загодя отпечатанный на машинке протокол допроса, владыка его подписал; он решил говорить хоть как-то, объяснять хоть что-то. Долго рассказывал о своем религиозном пути. Как был до революции в Англии и с интересом там наблюдал за христианским студенческим движением, как вернулся в Россию и здесь сам стал участником Московского студен-

ческого кружка. Как впоследствии создал и свои "евангельские кружки" и что к октябрьскому перевороту отнесся совершенно отрицательно. Некоторое время думал, что в результате закона об отделении Церкви от государства и она обретет свободу от государственного насилия, но скоро государство открыло жесточайшее гонение на Церковь, и тогда он уехал в Кинешму к отцу. Попутно назывались имена людей, с которыми владыка был хорошо знаком. Владыка говорил о них как о единомышленниках-христианах. Следователь записал иначе: "Все перечисленные мною лица принадлежат к нелегальной церкви и являются убежденными врагами советской власти. Встречаясь со многими из них, я вел на различные темы антисоветские разговоры... Объединив вокруг себя недовольных советской властью лиц из числа сторонников нелегальной церкви, проживающих... в городах и районах Ивановской и Ярославской областей, я создавал антисоветскую организацию и руководил ею до момента своего ареста, вынашивая в себе надежду на неизбежность изменения у нас в стране политического строя и надеясь в этом отношении на помощь иностранных государств..."

Всё было вопиюще кривдою, но от Бога отречься не требовали, и владыка, впадая на допросах в обморочное состояние, когда казалось, что смерть приближается вплотную, и главное - не было сил бороться за каждую фразу и слово, - подписывал. Следователь требовал называть единомышленников. Епископ называл - всех тех, кого следствие знало, многие были арестованы одновременно с ним, другие проходили по предыдущим "делам", следователи сами подсказывали имена. Иногда записывали что говорил (с чем соглашался) епископ, но чаще добавляя от себя, и обязательно, что тот или иной человек антисоветски настроен, и владыка подписывал. Следствие было мучительным и тяжелым, и в редкие моменты, когда епис-

коп приходил в себя после пыток бессонницей и голодом*, он начинал скорбеть и ужасаться, что ставит подписи под протоколами следствия. Следователи, хорошо зная, насколько твердо держался он при предыдущих арестах, были весьма обрадованы своим успехом и даже опасались, как бы владыка в горькие минуты раскаяния не покончил с собой, и тщательно следили за его камерой. Впрочем, это уже было домыслами следователей.

В январе 1944 года из НКГБ СССР телеграфировали в Ярославль, чтобы епископа Василия переслали этапом в Москву во внутреннюю тюрьму.

Измученный двухмесячным пребыванием в Ярославской тюрьме и допросами, едва живым был доставлен свяtitель в Москву. При приеме во внутреннюю тюрьму НКГБ 26 января врач поставил диагноз: миокардит, артериосклероз, истощение и выписал направление в больницу.

В конце января владыку отправили в больницу Бутырской тюрьмы. Но пробыл он в ней недолго. Через две недели его перевели во внутреннюю тюрьму НКГБ для допросов. Допрашивал владыку Василия майор госбезопасности Полянский.

Епископа включили в одно "дело" с епископом Афанасием (Сахаровым), которого тоже доставили в Москву. Основанием послужило то, что келейник епископа Афанасия иеромонах Дамаскин (Жабинский) несколько раз навещал епископа Василия. И следователь упрямо теперь добивался подтверждения своих домыслов о близком знакомстве епископов. Владыка Василий ответил:

- Я видел епископа Афанасия всего один раз, в ссылке, у митрополита Кирилла. И с тех пор я его не видел.

* Не исключено, что следствие пользовалось и всем ужасающим набором пыток, которые были изобретены в древности по подсказке падшего ангела помраченным человеческим разумом, и применялись во все периоды упадка общественной и личной нравственности, достигли расцвета во время гражданской войны в России и последовавших двадцатых, тридцатых, сороковых годах.

Следователь:

- Вы лично переписывались с Афанасием?

- Нет.

- Почему?

- Потому что Афанасий является для меня случайным знакомым.

Следователь:

- Выше вы показывали, что Афанасий Сахаров возлагал на вас руководство Владимирской епархией, писал вам письмо, слал приветы через своего келейника Жабинского, а сейчас заявляете, что для вас он случайный знакомый. Как видите, ваше заявление противоречит фактам.

- Я и Афанасий Сахаров являемся почитателями митрополита Кирилла. В этом общее между мною и Афанасием Сахаровым.

13 июля епископа перевели в Бутырскую тюрьму и здесь объявили приговор - пять лет ссылки, после чего у владыки случился тяжелый сердечный приступ. Общим этапом он был отправлен в тюрьму города Красноярск. Путешествие в тюремном вагоне для больного епископа явилось сущей пыткой. В Красноярске ему объявили, что до места ссылки в село Бирилюссы он должен следовать сам. Кроме подрясника, иконки, креста, у владыки не было ничего; он нашел крохотный клочок бумаги и написал заявление в Красноярское НКГБ, чтобы из денег, отобранных при аресте, ему выдали хотя бы сто рублей на первоначальное обзаведение.

Глухое, заброшенное среди бескрайних лесов и речек сибирское село. Нравы молодежи развращены безбожием и ужесточены войной. От происходящей кругом жестокости даже малые дети дичали. Долго епископ не мог найти себе подходящей квартиры и, наконец, поселился в доме вдовы, имевшей трех малолетних детей. Когда владыка молился, они скатывали из конского навоза шарики и бросали ими в святителя со словами: "На, дедушка, покушай".

Вскоре Господь даровал ему некоторое облегчение, верующие женщины нашли ему другую квартиру. Хозяйка

была одинока, и у нее в это время жила ссыльная монахиня.

Подвижнические труды, годы заключения и ссылок подорвали здоровье святителя, он начал сильно болеть, в Бирилюссах его разбил частичный паралич, теперь ему стало трудно ходить и требовался уход.

Поздравляя с Пасхой Христовой в 1945 году, он писал своей духовной дочери:

"Дорогое дитя мое. Еще раз поздравляю тебя с праздником. Воистину Христос Воскресе!.. Пасху встретил очень хорошо. Господь благословил всеми благами, все твои желания исполнились. Слава Создателю за Его милости и щедрости.

...Дитя мое! Не расстраивайся очень, всё в воле Божией, я уже достиг предела человеческой жизни - семидесяти лет, и в дальнейшем жизнь представляет мало интереса. Несомненно одно, что пять лет в бирилюсских условиях мне не выдержать. Смерть не страшна. Хотелось бы умереть в кругу детей и родных и со всеми поговорить и благословить. По крайней мере иметь возле себя близкого человека, которому можно было бы доверить свое завещание и похоронные распоряжения.

Увы! Ни одной души нет. Тягостно это полное одиночество. Лечусь, принимаю йод, но самое главное драгоценное лекарство получил в Великий четверг. Благодарю Творца за все радости и утешения. Душит кашель, трудно дышать, больше лежу. Но слишком много лежать не годится. Как бы то ни было, полная неподвижность облегчает дыхание, можно вздохнуть полной грудью.

...Прощай, дитя мое! Устаю писать, не унывай. Будь здорова. Доверься вполне воле Божией; склони голову и скажи: да будет воля Твоя. Помодись. В детскую молитву я верю, она мне часто помогала. В молитве найдешь утешение. Желаю здоровья, долгой счастливой жизни.

Искренно любящий епископ Василий Кинешемский. Деткам привет и наилучшие пожелания. У всех прошу прощения и земно кланяюсь".

Весной 1945 года владыка отправил письмо Александру Павловичу, приглашая его приехать. В ответ Александр Павлович писал, что выедет, когда закончится сенокос.

"Разве я до этого времени доживу", - подумал владыка, получив письмо от Александра Павловича. И в свою очередь отписал ему, что здоровье его становится всё хуже и он не надеется дожить до осени.

13 августа епископ почувствовал приближение смерти и позвал жившую у хозяйки монахиню. Он попросил ее прочесть канон на исход души. Монахиня начала неспешное чтение, владыка молился. Когда она прочла последнюю молитву, святитель сам твердым голом произнес: "Аминь", - и тихо почил.

ПРИМЕЧАНИЯ

Жизнеописание епископа Кинешемского Василия составлено на основании свидетельств очевидцев и архивных документов:

"Дело по обвинению митрополита Кирилла (Смирнова)". Архив УКГБ, арх. № 6991, т. 1.

"Дело по обвинению Преображенского В. С.". Архив УКГБ по Ивановской обл., арх. № 7972-П.

"Дело по обвинению Смирнова К. И.". ЦОА КГБ СССР, арх. № П-17429.

"Дело по обвинению Преображенского В. С.". ЦОА КГБ СССР, арх. № Р-35561, т. 2.

"Личное дело 4963 заключенного Преображенского Вениамина Сергеевича". Арх. № СО-28724.

Россия и монастырь

Сердцем Святой Руси тысячу лет почиталась Православная Церковь; средоточием же церковной жизни искони служила монастырская обитель. Недаром Гоголь с краткою точностью отождествил их, дав соотечественникам завет: "Монастырь Ваш - Россия".

В последний переломный век русское иночество не только разделило участь всей страны. В его судьбе все нагрянувшие на державу беды воплотились с особенной яркостью.

... В начале восемнадцатого столетия в стране был 1201 монастырь; Екатерина при проведении реформы оставила всего 483 наиболее жизнеспособных, - но полтора века спустя, на самом пороге октябрьского переворота, число обителей даже возросло: теперь их было 1245 внутри империи и еще пятнадцать за-ее границами.

Первый свой удар богоборческая власть нанесла почти сразу именно по русскому монашеству: за первые три года было национализировано 722 монастыря, в 1921 - еще 49. Как с радостью подсчитывает пропагандист "научного атеизма" Г. Прошин в книжке с милым названием "Черное воинство", в них расположились 188 военных учреждений, 287 советских, 14 тюрем, 349 больниц, 168 собесов ("советских бесов", как тогда мрачно шутили), 197 школ, 48 санаториев и даже пара родильных домов. А к 1930 году закрылся последний в СССР монастырь - московский Данилов.

Неожиданно сто обителей "оказалось" в Союзе в 1940

году с вхождением в его состав Прибалтики, Западной Украины и Молдавии. До 1958 года их кое-как терпели. А потом начались новые гонения, теперь уже хрущевские - и лишь чудом восемнадцать обителей кое-как уцелело.

Первенцем подлинного возрождения стал тот же самый, что был затворен остатним: коснеющею рукой Брежнев отдал Даниловский для проведения торжеств в честь Тысячелетия Крещения Руси. За пять лет бывший детский приемник-распределитель МВД - попросту говоря, тюрьма - превратился к юбилею в благоустроенную, вновь осененную крестами святыню. Нынче же стремительное открытие всё новых и новых центров монашества довело их число почти до полутора сотен.

В одной Москве, где до семнадцатого года числилось 29 монастырей, а после начисто снесено из них пять, в той или иной форме вновь начинает звучать молитва в обителях Заиконоспасской, Никольской греческой, Богоявленской, Знаменской, Ивановской; Сретенской, Рождественской, Высокопетровской, Новодевичей, Донской, Новоспасской, Андрониковской, Алексеевской, Николо-Перервинской, Андреевской и Николо-Угрешской.

Но возрождение отечественной духовности происходит отнюдь не гладко. Когда ему препятствуют бывшие гонители-чиновники, общий разброд государственного хозяйства, отвычка людей трудиться на совесть - это понятно, хотя и обидно. Сложнее обстоит дело, если сталкиваются интересы двух родственных и однокоренных даже по этимологии сфер: культуры и культа. В этом отношении пример московского Высокопетровского монастыря особенно выразителен.

Основан он был в селе Высоком в 1330-е годы митрополитом Петром, который, перенеся кафедру главы русской Церкви из Владимира в Москву, положил начало возвышению последней как столицы. В конце XVII столетия он был заново отстроен на средства бояр Нарышкиных и прежде всего матери Петра Великого Натальи Кирилловны, чьи братья Иван и Афанасий, убитые при стрелец-

ком бунте, были здесь похоронены. Родовые могилы Нарышкиных, включая деда Петра - Кирилла Полуэктовича, сохранились в Боголюбском соборе и стоящем подле него склепе донныне, хотя и были за советские годы изрядно обезображены. По преданию, сам первый русский император венчался с Евдокией Лопухиной в монастырской церкви Петра-митрополита, выстроенной впервые знаменитым Алевизом Фрязином. К началу нашего века обитель процветала, хотя всё ее население составляли архимандрит с четырнадцатью монахами и еще двумя послушниками, а содержания из казны выдавалось 1249 рублей 37 копеек в год.

После 1917-го обитель стала прибежищем епископов, которых лишили кафедр по настоянию властей, а также тех из них, кто только возвращался из ссылки и пока не был отправлен в новую. Первой закрыли в 1921-м теплую Сергиевскую церковь, последней - в двадцать восьмом - Казанскую часовню у Святых ворот.

Но монастырь, в общем-то, по советским меркам повезло: из семи его храмов вчистую сломали только эту часовню. Остальные, вместе с кельями, были заняты такими полезными учреждениями, как шляпная мастерская, чайная общества помощи инвалидам, механический завод Осовиахима, электроламповый завод, медицинская библиотека, клуб, завод коньков, ДСО "Трудовые резервы" и даже туберкулезный диспансер. Помимо них, когда во владение всем участком в 1959 году вступило Министерство культуры в лице Дирекции художественных фондов и проектирования памятников - известной "Росизопропаганды" - им пришлось еще подыскать место для переселения 323 жильцов.

С тех пор более тридцати лет эта организация, потерявшая недавно идеологический хвост "пропаганда" из своего названия, ведет реставрацию многочисленных памятников монастыря, истратив на нее несколько миллионов рублей. Она официально числилась до 1991 года балансодержателем всего комплекса; однако около половины

его площади у нее арендуют Литературный музей и ансамбль "Березка". Для тех, кому не приходилось сталкиваться в жизни с деятельностью "Росизо", нужно пояснить, что организация эта приобретает произведения искусства как старинного (в меньшем числе), так и современного, образует из них различные выставки, возит их по стране и миру, а впоследствии передает в музеи; впрочем, значительная часть остается на складах самой дирекции, расположенных тут же, на Петровке 28.

Наконец, настала пора возвращать церковное имущество исконным хозяевам. Сперва это был соседний с Высокопетровским храм Сергия в Крапивниках, состоявший до двадцатых годов местопребыванием подворья вселенского Константинопольского Патриархата. За последние несколько лет он был поднят из руин - и вот, чуть было не сделавшись выставочным залом, а затем "историко-этнографическими театром", он неожиданно стал церковью, причем не простой, а принадлежащей Отделу преподавания и катехизации Московской Патриархии. Окружающий его живописнейший дом бывшего подворья, сооруженный по мотивам дворца византийских императоров архитектором С. Родионовым, теперь берется поднять из руин греческая архиепископия.

Согласно же решению президиума Моссовета от 25 июля 1991 года и весь монастырь, в числе шестнадцати передаваемых Церкви "объектов", также должен быть отдан в ведение возглавляющего этот Отдел отца Иоанна. Причем городскому правительству "предложено своевременно принимать меры по предоставлению зданий и территорий для размещения организаций и учреждений (в первую очередь для учреждений и организаций культуры), выводимых из передаваемых памятников" (пункт 5-й). Но, как говорится в известном крылатом выражении: "Гладко было на бумаге, да забыли про овраги - а по ним ходить..."

Директор "Росизо" О. Е. Шандыбин, возглавляющий его уже десять лет, справедливо сетует на то, что ему некуда вывезти свои сорок пять тысяч "единиц хранения";

помимо того, остаются бездомными Литмузей и вдруг объявившая себя безвалютной "Березка". Он однозначно заявляет, что в конце концов все здания, на ремонт которых потрачены немалые средства, должны быть возвращены по назначению, и подчеркивает, что между дирекцией и Отделом катехизации уже год как подписано соглашение о сотрудничестве.

Несколько отличное мнение у о. Иоанна и его сотрудников, которым покуда приходится ютиться только в бывшем настоятельском корпусе, откуда недавно выехал Российский фонд культуры. Дело с переселением, как считают они, чрезмерно и, быть может, кем-то даже намеренно затягивается. В монастыре нет ни одного действующего храма, а префектура Центрального района во главе с г. Музыкантским всё никак не может подыскать помещения для переезжающих. Между тем, пляски танцовщиц в алтаре преподобного Сергия иначе как кошунством не назовешь. Причем оскорбление это знакомое и недаром приводит на память историю тысячелетней давности, когда захватившие Константинополь католики учинили точь в точь такие же бесовские игрища на престоле Святой Софии.

Притчей во языцех стали особенно неподходящие кумиры из собрания дирекции, изображающие печальной памяти деятелей "социалистического выбора". Ни в коем случае это не должно быть уничтожено - в них ведь тоже по-своему зримо воплотился воздух отошедшей, слава Богу, эпохи; и никто не призывает с большевицкой прямо-той всё это вышвырнуть на свалку. Но, согласимся, и в православном монастыре им не место.

В этой связи вспоминается поучительная история, произошедшая в Даниловом. Колония уже выехала, а что делать с оставленной статуей Ульянова, никто не знал. Тогда догадались, что истукан числится на балансе МВД - вот пусть оно и забирает. Милиция подогнала тягач, действуя, чтобы не соблазнить кого-то, на всякий случай в вечернем сумраке, кран приподнял идолище - и тут оно,

точно сатана, вдруг оглушительно лопнуло, разлетевшись на тысячи мелких осколков. Их уже с превеликим облегчением и выгребли на помойку...

Еще раз повторим: уничтожение таких "памятников" недопустимо; при монастыре же, как справедливо предлагает о. Иоанн, можно оставить и музей литературы, и собрание скульптуры с живописью - но только такой, которая подходит ему по духу, то есть духовной, православной. А для ускорения переезда он почитает нужным установить для чуждых обители учреждений жесткие сроки, после окончания коих взимать соответствующую арендную плату - тогда, коли совесть их не подвигнет с места, то погонит копейка.

Схожие проблемы встают сейчас и в Донском, где находится обнищавший Музей архитектуры, всё-таки спасший за прошедшие чадные десятилетия немало памятников, в том числе церковных; и перед Центром древнерусского искусства и культуры имени Андрея Рублева, расположенном в Андрониковом, и перед отделами и реставрационными мастерскими Исторического музея, занимающими Крутицкое подворье, и перед "Росреставрацией", годами шатко-валко вычинивавшей собственные помещения в Новоспасском, покуда его чуть не за год вдесятеро быстрее подняли четыре вернувшихся инока - а, в первую голову, перед музеями Московского Кремля. Семь его соборов возвращаются Московской Патриархии, только вот никто не может решить - как это сделать "безболезненно, непостыдно и мирно".

В свое время тот же Исторический музей выступил зачинщиком закрытия Казанского собора, храма Василия Блаженного и - в 1919 году - того же Высокопетровского монастыря. Теперь при возвращении трудно избежать передела имущества, взаимных обид и - что тоже немало важно - ломки человеческих судеб. Ведь не везде, как в Андрониковом, работники культуры самую тему своих исследований почти поголовно приводят к вере...

Ведь и церковная власть тоже не поголовно из анге-

лов состоит, ее действия не всегда можно счесть непогрешительными: мы все - дети своего времени, учились в одних и тех же школах и прочих "заведениях", где впитали немало общих ложных навыков и предрассудков. Скажем, Оптинское подворье взяло да и убрало из иконостаса переданного ему храма Троицы в Останкине знаменитых "эллинских мудрецов" - дескать, сии ученые язычники не соответствуют богословским канонам. Между тем, подобные же изображения имеются и в других православных церквях, начиная с Благовещенского кремлевского собора. Стоит вспомнить еще замечательный рассказ из "Степенной книги", составленной митрополитом Афанасием при Иване Грозном, гласящий, что когда в Греции в начале "нашей эры" случайно открыли останки Платона, то его кости торжественно крестили за одно только то, что почитали сего "еллина" христианином до Христа.

...В праве есть понятие "регрессного иска". Попросту говоря, если вор продает похищенное ничего не подозревающему человеку, то подлинный хозяин вправе истребовать вещь обратно, а обманутый покупатель в свою очередь - подать на бессовестного продавца иск о возмещении ущерба. Принципиально здесь так и надо было бы поступить: отдать монастыри и храмы по принадлежности Церкви, а вложившим свои средства в их реставрацию светским учреждениям истребовать компенсацию от виновника разрушений. Только вот грабителем-то здесь выступает некто иной, как провалившаяся в тартарары коммунистическая власть, а, если посмотреть глубже, то и все мы со своими отцами и дедами, бестрепетно терпевшие ее художества столько времени. Так что вряд ли теперь найдется, с кого спросить - восстанавливать погубленное культурное достояние следует сообща.

Именно так ставит вопрос недавнее послание Архиерейского собора Русской Православной Церкви от 4 апреля 1992 года.

"Мы обращаемся к людям, озабоченным сохранением памятников православной культуры. Церковь разделяет

эту озабоченность и будет всеми имеющимися силами содействовать возрождению культурного наследия. Мы готовы к сотрудничеству с подлинными радетелями сохранения памятников прошлого. Мы уважаем их знания, опыт и труд, помним об их подвижническом служении культуре в трудные годы. Однако мы против того, чтобы храмы, оживающие лишь в молитве верных чад Христовых, превращались в мертвенное хранилище древностей. Там, где веками служили Богу наши предки, должна вновь зажечься неугасимая лампада молитвы, и туда должны быть возвращены в течение веков почитаемые церковные святыни”.

...Несколько лет назад мне случайно попала в руки небольшая икона. Ее из-за современного письма не взяли записные собиратели - ей действительно всего чуть более полувека. Об этом гласит выцветшая надпись, которая читается с обратной стороны доски: "24 августа 1925 года Москва день открытия мощей св. Петра митр. моск. и 1-ая годовщина открытия в Высоко-Петровском монастыре Боголюбского Собора. От святого владыки Варфоломея, моего духовного отца и наставника в жизни во Христе Спасе нашем. Грешная послушница Варвара Платонова". Мне неизвестна судьба этой женщины; владыка же Варфоломей (Ремов) считается погибшим в лагерях в 1936 году.

Наших новомучеников отважились начать канонизировать на родине лишь недавно; и всё же будем надеяться, что по молитвам всех святых, в земле Российской просиявших - от основателя державного величия Москвы и Высокопетровского монастыря святого Петра, глядящего в мир с этого образа, до самых неведомых свету подвижников - Господь дарует нашему истерзанному отечеству мир гражданский и мир душевный, чтобы блудный отпрыск культа - культура - вновь обрел покой в отчем доме.

Сельское хозяйство в Крыму*

Печатаемая ниже статья С. С. Крыма, дающая исторический обзор развития высших сельскохозяйственных культур в Крыму и мероприятий по их улучшению, а также рисующая положение сельского хозяйства в крае при водворении советской власти, хотя и не трактует вопросов собственно местного самоуправления, но несомненно освещает область, тесно связанную с деятельностью Таврического губернского земства, а также уездных земств, в особенности Ялтинского и Феодосийского. В области изучения вопросов улучшения водопользования и мелиорации деятельность министерства земледелия и Таврического земства перекрещивалась, шла параллельно и дополняла друг друга. Вообще земство уделяло много внимания вопросам водного хозяйства. За много лет до уничтожения большевистской властью губернского земства этим последним был организован гидротехнический отдел, который вел многолетнюю и систематическую работу по изучению вопросов орошения и водопользования. В силу обязательных постановлений, принятых губернским земством, ему принадлежало право разрешения производить буровые артезианские скважины, причем буровые журналы обязательно поступали в распоряжение губернского земства. Благодаря этому удалось составить карту водных горизонтов, что давало возможность с точностью указывать, на какой глубине в той или иной местности можно найти артезианские воды. Гидротехнический отдел тщательно собирал все данные, относящиеся к водному режиму источников Крыма. В дальнейшем деятельность этого отдела должна была еще расширяться; неза-

* Доклад С. С. Крыма печатается без изменений, включая вступление и примечания, по: Местное самоуправление. Труды общества для изучения городского самоуправления в Чехословацкой республике. Вып. II. Изд. Общества совместно с Книгоиздательством "Пламя". Прага, 1925.

долго до войны губернским земством была учреждена должность гидрогеолога для специальных работ в горной части Крыма по заданиям как губернского земства, так и Ялтинского и Феодосийского уездных земств. Не довольствуясь теоретической и консультативной деятельностью, земства Таврической губернии осуществляли ряд проектов по водоснабжению селений. Особенно много таких сооружений было создано в Ялтинском уезде. Перед войной и частью во время войны было закончено свыше десяти водопроводов с общим протяжением трубопроводов до двадцати верст. Глухие татарские деревни Байдарской и Богатырской волостей, лежащие за хребтом Яйлы, были снабжены водопроводами. Средства для выполнения работ черпались из правительственных ассигнований на выдачу мелiorативных ссуд, из пособий на улучшение санитарного состояния, так называемый кредит на борьбу с чумной и холерной заразой и из ссуд из кассы мелкого кредита Ялтинского уездного земства, обороты которой до войны достигали почти миллиона рублей в год. Самый закон о пользовании проточными водами Крыма, о котором упоминает в статье С. С. Крым, был разработан земством и проведен при участии членов Государственной Думы от Таврической губернии, среди которых был и С. С. Крым. Таврическое губернское земство всегда относилось с большим вниманием и заботой к развитию сельского хозяйства и специальных высоких культур, в частности. Существовала стройная губернская агрономическая организация. В Ялтинском уезде была опытная табачная плантация, которой удалось путем селекции вывести чистую расу местного табака (Южнобережный Дюбек), не уступающего лучшим турецким сортам. Здесь деятельность Министерства земледелия и земства шла рука об руку (плантация принадлежала земству, работами на ней руководил специалист министерства по табаководству г. Евко). Ялтинским земством был намечен путь экспорта табака в Англию, для чего делались опыты со специальной упаковкой табака в бочонки, принятой в Индии. Инициативой Ялтинского земства был образован кооператив производителей табака района культуры сорта "Дюбек", который, организовав кредит, способствовал борьбе с понижательными тенденциями табачного треста, объединявшего крупных табачных фабрикантов. Для борьбы с понижением цен на виноград, которое происходило ежегодно вследствие массового предложения винограда в продажу мелкими собственниками, не могущими делать собственное виноделие за отсутствием оборудования, а также в виду запрещения религиозными правилами мусульман держать в доме забродивший виноградный сок, Ялтинское уездное земство организовало виноделие в трех пунктах уезда. Мелкие собственники сдавали

свой виноград в земские подвалы и получали из земской кассы мелкого кредита ссуды в размере, приблизительно, рыночной стоимости винограда. Затем земство делало виноделие, в течение года молодое вино продавалось, удерживались расходы по ведению предприятия и остаток распределялся между сдавшими виноград пропорционально сданному количеству и качеству. В 1913 году Ялтинским земством было принято до сорока тысяч пудов винограда и по окончании операции удалось выплатить до четырех рублей за пуд сданного винограда, тогда как продажная цена во время виноделия едва превышала один рубль. Можно было бы привести и еще много примеров деятельности земства, где чисто практические агрономические мероприятия и научное изучение теоретических вопросов составляло задачу земства, при этом использовались работы частных лиц, обществ и правительства. В "хороших земствах" гласные, земская управа, служащие, всевозможные научные общества составляли одно целое, дружно работавшее на пользу населения. В таких земствах преобладание работы поддерживалось традицией. Традиция теперь порвана. В будущем, при возобновлении местного самоуправления в России, придется его заново строить и весьма важно, чтобы задачи самоуправления не были сужены и чтобы опыт прошлого не пропал даром, поэтому-то и ценно собирание всего, что еще не исчезло из памяти.

Бывший председатель Ялтинской уездной земской управы, член редакционной коллегии сборников "Местное самоуправление" Н. Богданов

Милостивые Государи!

При составлении настоящего доклада** о положении сельского хозяйства в Крыму я пользовался Симферопольской газетой "Красный Крым" и Берлинской газетой "Хаймкер", посвященной интересам немецких колонистов в России, личными встречами с лицами, приехавшими из России, и частными письмами.

* В этой последней фразе очень точно выражено, почему мы поощаем этот доклад С. Крыма именно в рубрике "ПУТЬ К БУДУЩЕЙ РОССИИ". - Ред. "Граней".

** Доклад был прочитан в Крымском землячестве в Париже.

Все эти источники носят общий недостаток: их сведения случайны, отрывочны и очень часто субъективны, но они дают достаточный материал для сопоставления главных отраслей хозяйства на полуострове до войны, в период войны, до 1920 г. и за последние четыре года при советской власти.

Крымский полуостров занимает около 2.000.000 десятин с излишком и на этой небольшой территории представляет такое разнообразие географических и естественно-исторических условий, что дает место самым разнородным системам хозяйства, от залежного хозяйства до интенсивных культур Южного берега. Из этих 2.000.000 десятин нужно отнести 10% на земли неудобные, скалы и солончаки у берегов морей. Если провести черту от города Феодосии через города Карасубазар, Симферополь и Севастополь, то этой изогнутой линией можно разделить полуостров на две неравные части: горную и степную. В первую войдут Таврические горы, представляющие три параллельные гряды с высшей точкой на Чатырдаге в 4.000 ф. высотой. Все три цепи, приближаясь к Черному морю, повышаются и круто обрываются. Эти горы дают начало рекам полуострова как текущим на север - Салгир, Карасу, Индоль, Кача, Альма, Бельбек, Булганак, так и тем пересыхающим речкам, которые сбрасывают свои воды в Черное море на Южном берегу. - Яланчак, Отузы, Козы, Суук Су, Узень-Кучук и Узень Алуштинский и т. д., образуя долины тех же наименований. Долины, образуемые этими речками, богаты диллювием со щебнем и речной галькой. Склоны гор и Южный берег имеют шиферные виноградные почвы. Чернозема в горной части Крыма нет. В самом центре полуострова имеется типический чернозем (до 4-5% гумуса, по определению профессора Докучаева). Все крымские почвы богаты железом, калием и фосфором. Крымские степи представляют собой суглинок, который очень тяжел в восточной части, местами переходит в супесок и в совершенный песок на Арбатской стрелке.

Солнечных дней в Крыму больше, чем на Ривьере. Среднее количество осадков на полуострове, кроме самой узкой полосы Южного берега, равняется 360 миллиметрам в год. А в Ялте среднее количество повышается до 440.

Распределение дождевых дней неравномерно (всего 36). Их очень много зимой и очень мало летом, причем одна треть осадков выпадает в летние месяцы. Самые обильные дожди - ливни - бывают в конце июня и начале июля (от Петра и Павла до Илии пророка), причем зачастую в течение получаса ливень дает летом около ста миллиметров, как это было, например, 20 июля 1913 г.

Поэтому мысль хозяина в Крыму при выборе растений и подготовке почвы под них с незапамятных времен прежде всего сообразовалась с недостатком влаги, с фактором, который находится в минимуме и всегда в напряженном состоянии. Выпадающая летом влага большей частью пропадала для растительности и производила систематические опустошения, переполняя и засоряя русла рек, культурные площади и унося с собою в море целые богатства в виде плодородного ила.

Бережное отношение к воде и улучшение режима вод составляло предмет непрерывных забот населения в Крыму. До сих пор можно найти остатки остроумных и сложных водосборных сооружений греческих, генуэзских и татарских, имевших целью сберечь воду и понизить разрушительную силу ливневых потоков.

На Феодосийских горах, на склоне, обращенном к городу, можно наблюдать теперь выветрившиеся кучи щебня определенной формы: усеченного конуса. Археологи предполагали, что это были сторожевые посты, но раскопка двух куч показала, что под ними имеются резервуары, из которых идут гончарные трубы в город. Под одной из них мы нашли монеты IV в. до Р. Х. Исследование окружающей местности установило, что воды грунтовой здесь нет; проф. Лейпцигского университета Фолькер объяснил нам, что эти искусственные сооружения должны быть древними водосборными сооружениями, которыми конденсировали парообразную воду из воздуха. При содействии Таврического земства на Феодосийских горах был поставлен опыт. Был устроен бетонный резервуар 20 метров диаметром, глубиною 1 метр, с выводной трубкой от его центра. Его нагрузили сложенными в усеченный конус камнями в три-четыре сантиметра диаметром. В разных слоях были по-

ставлены термометры и лезиметры с выводными трубами. Рядом оборудована метеорологическая станция II разряда. Куча должна была иметь 115 куб. метров и 11 метров высоты. Когда конус был доведен до 7 метров, в августе месяце дождемер отмечал 0 осадков, а выводная труба стала давать около 40 ведер воды в сутки. Опыт был поставлен лесничим Ф. И. Зибольдтом со всей тщательностью и с учетом всех привходящих элементов. Довести опыт до конца не удалось. Во время революции были похищены термометры, лезиметры, а впоследствии разрушена метеорологическая станция и барьер, ограждавший конденсатор. Сам Ф. И. Зибольдт погиб от истощения в голодную зиму 1920-21 гг. По последним сведениям, не осталось и следов всех этих замечательных работ.

Бережное отношение к воде было и со стороны генуэзцев.

В каждой генуэзской колонии существовало особое должностное лицо "кустос акварум", на обязанности которого лежал надзор за источниками, правильным действием фонтанов и порядков пользования оросительными водами.

Во время турецкого владычества сооружены небольшие запруды для отвода ливневых вод.

По магометанскому вероучению и освященной традиции проведение воды в населенное место есть богоугодное дело. Татары сумели каптировать ряд мелких ключей на горах и делали за всё время своего пребывания в Крыму кустарные попытки задержать воду на горах.

Самая главная заслуга татар - это стойкий обычай пользования проточными водами. За основание водопользования брались во внимание три условия: 1) количество воды весной в речке, 2) площадь подлежащих орошению культур, 3) близость их к морю, к устью речки или, другими словами, отдаленность их от главного источника. В зависимости от этого определялось число дней пользования водой для каждого владения.

Закон, проведенный Государственной Думой в 1910 г., пытался закрепить этот обычай в законодательных нормах. С захватом Крыма советской властью закон был отменен, обычай заменен усмотрением бесконечного числа началь-

ников и опекунов, совершенно запутавших систему орошения. Мне не удалось найти хотя бы намек в имевшихся у меня источниках на декрет центральной власти, заменивший обычай.

Факт только тот, что в основу распределения воды принимали в 1921 и 1922 годах во внимание не площадь культур, не их местонахождение, а социальное положение их хозяев: пролетарий, совхоз и т. д. Это повлекло за собой гибель ценнейших культур частного хозяйства: напр., кн. Голицына, Горчакова. Одним из способов наказания и воспитания населения установили в Крыму, Туркестане и Закавказье лишение населения оросительной воды.

Русское правительство с присоединением Таврической области к России не переставало до самого последнего времени интересоваться вопросами правильного водоснабжения и ирригации в Крыму.

В самом начале прошлого века была заложена в центре полуострова в Айбарах буровая скважина, очень глубокая, но не давшая артезианской воды.

В 1880 году экспедиция генерала Жилинского устроила на Керченском полуострове 9 запруд для сбора ливневых вод. Эти запруды послужили образцом для устройства таких же водосборов. В них появилось рыбоводное хозяйство, а некоторые из них служили для орошения интенсивных культур.

В настоящее время рыбоводные хозяйства в искусственных запрудах уничтожены, из 9-ти запруд министерства земледелия существуют только три. Большая частновладельческая запруда Зевулун, имевшая плотину в 284 сажени длины и 6 сажень высоты, с карликовым садом и с опытной станцией разрушена совершенно, а опытная станция уничтожена бесследно.

С 80-х годов исследованиями гидрогеолога Таврического земства профессора Головкинского в 3-х частях Крыма была установлена наличность двух горизонтов артезианской воды, а именно: Сивашская мульда в Перекопском уезде, отчасти Симферопольском и Чокракская мульда около Керчи. Наиболее мощной оказалась Перекопская.

Эти воды вывели из горных долин в степь огородную и

плодовую культуру, но хищническое пользование артезианской водой сразу понизило дебит всех колодцев. Таврическое земство сразу обязательным постановлением старалось ограничить бесплодное расхищение этих вод. Наступившая война приостановила рытье колодцев, но за последние три года количество скважин, в особенности с верхнего горизонта, по моим сведениям, настолько увеличилось, что эти колодцы обратились из артезианских, изливающих воду на поверхность, в абиссинские, гребующие выкачки.

Громадное значение водного вопроса для Крыма и возможность, благодаря разнообразию его условий, осветить вопросы ирригации вообще, побудило бывшее Главное управление землеустройства и земледелия (преобразованное засим в Министерство земледелия) образовать в 1913 году особую Партию Крымских водных изысканий для всестороннего изучения условий водного хозяйства Крыма и выработки мероприятий по урегулированию этого хозяйства. В основу работ партии Крымских водных изысканий положена была подробная программа, выработанная Гидрологическим комитетом на основании данных, разработанных на месте, в Совещаниях с широким участием общественных деятелей. Выпущено Партией в печатном виде 6 выпусков обработанного гидрометрического материала по измерению источников, рек и ручьев горного Крыма за время до 1 января 1915 года (и приготовлены к печати такие же материалы за время по 1 января 1917 года).

По метеорологическому отделу за пятилетие построена и оборудована высокогорная метеорологическая обсерватория на Караби-Яйле, перестроена и расширена метеорологическая станция на Ай-Петри и устроено 9 метеорологических станций 2-го разряда и установлены сношения, с получением необходимых материалов, с 10-ю метеорологическими станциями 2-го разряда, принадлежащими другим учреждениям и частным лицам, производились наблюдения на 51 дождемерной станции, из которых 42 устроены и оборудованы Партией, и на 12 омбрографах, установленных и принадлежащих Водным изысканиям. Издано в печатном виде два выпуска обработанных данных метеоро-

логических наблюдений за время с 1913 по 1915 гг. включительно и подготовлены к печати такие же данные за 1916 и 1917 годы*.

Геологические обследования производились во всех районах, где намечено устройство искусственного орошения, являясь, таким образом, необходимой предпосылкой составляемых проектов: так, геологические обследования производились в долине реки Салгира, в Булганаке, в Отузской долине, в бассейне р. Учан-Су и в других местностях. Сверх этой служебной, по отношению к составлению проектов оросительных сооружений, деятельности Геологический отдел с 1915 года был привлечен к производству сплошного обследования оползней на южном берегу Крыма на протяжении до 100 верст, от мыса Ласпи до Алушты, для выработки мероприятий по борьбе с разрушительными явлениями оползней.

Съемочными (топографическими) работами партия Крымских водных изысканий покрыла большую часть южного района Крыма, включенного в программу исследований и сооружений. Результатом этих работ являются составленные Партией топографические карты в масштабе 100 саженей в дюйме, а для более ценной части южного побережья - и 50 саженей в дюйме. Таким образом, были закончены карты долин Салгира, Отузской, Биюк-Узеньской, Учан-Су, Дерекоевской, Биюк- и Кучук-Карасу, Бельбекской, Качи, окрестностей Керчи и других районов, не считая небольших карт и планов, изготавливаемых в связи с запроектированными отдельными гидротехническими сооружениями.

На основании данных, собранных и разработанных изысканиями и наблюдениями выше названных отделов Партии, техническим отделом Партии был составлен ряд проектов более крупных гидротехнических устройств в южном Крыму.

Из числа более крупных проектов следует указать:

* Подготовлены к печати описания ливней за время с 1912 по 1916 гг. по данным 12-ти самопишущих дождемеров.

1) Проект устройства плотины и водохранилища в верховьях реки Салгира для орошения 2000 десятин земли и водоснабжения гор. Симферополя. 2) Проект водоснабжения 14 деревень Феодосийского уезда, м. "Коктебель" и минного завода "Русский Уайтхед" из источников "Кринички". 3) Проект устройства плотины в долине р. Булганак для орошения до 600 десятин земли. 4) Проект укрепления галерей им. "Кринички". 5) Проект орошения в долине реки Отузы. 6) Ряд проектов по устройству бетонных резервуаров в Килен-балке для водоснабжения гор. Севастополя. 7) Проект устройства курорта в д. Канака в Туакской лесной даче. 8) Проект водопровода из долины реки Бельбека для водоснабжения гор. Севастополя. 9) Проект водоснабжения гор. Алушты и ряд (свыше 55) проектов гидротехнических сооружений.

Приведенные выше краткие данные о деятельности Партии Крымских водных изысканий далеко не исчерпывают всех ее работ в области гидротехники и водного хозяйства.

Не говоря о ряде случайных работ, не предусмотренных программой Партии, но выдвигаемых жизнью, преимущественно в области гидротехники, Партия работала и над общими вопросами экономики и права, связанными так или иначе с водным делом в крае.

В настоящее время Партия распущена.

Из всех этих учреждений функционирует только станция на Ай-Петри, остальное все загублено, разобрано, развезено...

Нельзя не упомянуть работы Лесного департамента по задержанию ливневых вод посадками крымской сосны по горизонталям в канавках: около Ай-Петри и около Феодосии.

Почти все леса Крыма, кроме курортного и эстетического, имеют и водоохранное значение. К заслугам государственной власти и общественных учреждений надо отнести то, что они стремились охраной леса поддержать водный режим в Крыму.

Площадь лесов ко времени присоединения Крыма равнялась 350 тыс. десятин, в 1860 году эта цифра понизилась

до 175 тысяч десятин, а в 1918 году поднялась до 181 тысячи десятин (из них: 69 тыс. казенных и приписных и 177 тысяч общественных и частных).

Господствующими породами были бук и дуб, затем сосна крымская и обыкновенная, граб, берест, клен, ясень и ольха, на южном берегу можжевельник и *Pinus Pinea*.

В 1915 году 16 августа и 12 февраля 1916 года были изданы правила о чрезвычайных по военным обстоятельствам отпусках леса с целью снабжения городов, фабрик и населения древесным топливом. Этими правилами во всех губерниях и областях России, в том числе и в Крыму, была разрешена десятилетняя рубка вперед. Вырублено за этот период сплошь 4.500 десятин в лестничествах Крыма в наиболее удобных для вывозки участках. С 1920 года опустошение лесов приняло характер стихийного лесоистребления, очень пострадали дачи Гурзуфская, Симеизская, Мисхор-Кореизская, Ай-Василь-Дерекойская и Старокрымская. Совершенно обезлесены - Ацым-Чокракская и Юзуф-Керменская.

Закультивированные участки Феодосийского горно-культурного опытного лесничества, Старокрымского, Айляминского истреблены совершенно. Порублена Романовская дорога.

Остались леса на недоступных местах, но уничтожены все питомники, поставлявшие посадочный материал.

Тотчас же стали налицо все последствия такого лесоистребления: 1) ливневые воды, не сдерживаемые, с оголенных склонов стали производить опустошения, небывалые в Крыму, уже весной, в феврале и марте 1923 г., 2) стойкость воды в речках и ключах изменилась, и в том же году источник Аян, около Симферополя, считавшийся одним из обильных ключей, пересох. Из союзника сельского хозяйства ключи и речки обратились в его злейшего врага, унося в море целые культурные площади. Таким образом, ирригационное хозяйство и водоснабжение Крыма разрушены. И это сказалось на всех отраслях хозяйства.

На всем полуострове, за исключением самой узкой полосы южного берега, в апреле и в августе свирепствуют

северо-восточные ветры. Они достигают неимоверной силы в степной части, в особенности на Керченском полуострове, где в 1911 году было выдудо несколько тысяч десятин посевов озимой пшеницы. В августе этот бич сбивает на землю самые лучшие тяжелые плоды; борясь с этим, все сады в Крыму обсаживают ветроломными линиями посадок, большей частью тополем, акацией, дубом, глядицией, а деревья во время плодоношения к августу месяцу подпираются особыми подпорами (чаталами), которые с особым искусством распределяют виртуозы по этой части - горские татары. Обыкновенно считается одна жердь на полпуда фруктов. Недостаток топлива во время войны значительно изредил как защитные насаждения, так и запасы этих подпор. За последние три года защитные насаждения, не укрытые бездорожьем, уничтожены в первую очередь, а леса, пополнявшие запасы подпор, настолько вырублены, что этот недостаток не пополняется.

Так, в 1923 году никто не захотел взять в аренду сад Саллар из-за отсутствия подпор, несмотря на обильный урожай: сад давал до тридцати тысяч пудов отборных фруктов.

Плодоводство в Крыму насчитывает десятки столетий. Оно было заведено греческими колонистами до Рождества Христова в горной части Крыма, где теплый климат и сравнительно лучшая обеспеченность водой давала им возможность сносного существования. Оно составляло заработок греков, татар и носило во времена крымских ханов промышленный характер, и из горной части Крыма вышло в долины Салгира, Карасу, Альмы, Качи и Булганака. Генуэзцы ввезли много косточковых плодов. Сильное потрясение эта отрасль хозяйства испытала тогда, когда по распоряжению русского правительства в конце 70-х годов XVIII века все христиане - греки и армяне - были вывезены на берег Дона в Нахичевань, Таганрог и Мариуполь, несмотря на все протесты последнего Крымского хана Шагин Гирея и населения. С присоединением Крыма к России были выписаны из Испании, Италии и Франции садоводы, которые и положили основание высоким сортам фруктов. Развивая и расширяя эти куль-

туры, крымские садоводы создали славу крымского садоводства.

Площадь садоводства за XIX столетие с 3000 десятин дошла 20.000. Плодовые насаждения запестрели по всему полуострову, где только была влага. В 80-х годах возникла в Крыму интенсивная культура плодов на карликах, которые с успехом конкурировали на столичных рынках с ввозными из-за границы грушами и яблоками. Эти культуры, требующие неустанного внимания и постоянной борьбы с вредителями, сильно искажены за последние годы.

1921 год - год небывало тяжелый для плодоводства. Совершенно расстроенное орошение, ливневые потоки, террор Бела Куна, набеги зеленых, отсутствие лечебных средств для садов, невежество и нелепость бесконечных распоряжений довели до того, что сбора плодов не было. Яблочковая моль почти объела все листья, а грибная болезнь *Fusiclodium* поразила уцелевшие плоды. Впечатление было сильное. Власти спохватились. Небольшие сады были возвращены владельцам, большие сады отданы кооперативам, совхозам, для сбыта была основана в Симферополе Фруктовая биржа из опытных садовладельцев, которые деятельно занялись прежде всего добычей материалов для лечения*.

При первом известии о нашествии непарного шелкопряда в Судаче, принятого начальником местного совхоза за саранчу, была организована громадная экспедиция с проф. Линдеманом во главе для борьбы, были доставлены медный купорос и парижская зелень. В следующем 1922 году уже был урожай, позволительно думать, что он не окупил расходов по содержанию садов, но все-таки надо отдать справедливость, много садов Салгира усилиями совхоза вышло из положения опасного в полосу сносного существования.

* До уничтожения большевиками земских учреждений земские сельскохозяйственные склады в Симферопольском, Ялтинском и Феодосийском уездах широко снабжали население всеми необходимыми материалами для лечения болезней растений и борьбы с вредителями садов.

Но степные сады, основанные на артезианских водах, на ключевых водах, искусственных водосборных сооружениях, - или погибли, или агонизируют. Исчезли сады Айвазовского, Горчакова, Голицына и др.

В 1923 году сады, попавшие в прочные руки, стали правильно функционировать и сбор был сносный; в 1923 году съезд в Крыму был очень большой и очень оживленный. Сановники и нэпманы, которые привезли с собой много денег на южный берег, подняли цены на плоды. Чуть-чуть оживилась садовая промышленность. Тотчас же последовали налоги, сборы и изъятие из рук хозяев мелких садов, отведенных им в 1921 г.; в результате оставшаяся часть плодов погнила и не могла быть вывезена из Крыма.

Вот что пишут 15 ноября 23 года с южного берега:

"Урожай фруктов был неравномерный, цен на них нет; французские сорта пошли по 1 р. 25 коп. - 1 р. 50 коп."...

А вот что ожидалось в 1924 г. В номере 144 от 26 июня газеты "Красный Крым" напечатано:

"Для проведения фруктовой кампании в Крыму нужен кредит в 75 тысяч червонцев.

Заявки организаций

Сельскохозяйственная секция Крымплана выяснила, что Крымсовхоз, имея 814 десятин сада, предполагает получить до 100 тысяч пудов урожая фруктов, из которых 50 тысяч пудов являются экспортными. Для проведения фруктовой кампании Крымсовхозу нужен кредит в 20 тысяч червонцев. Крымсельсоюз по договорам с кооперированным населением предполагает заготовить до 150 тысяч пудов зимних груш и яблок, и кроме имеющихся собственных средств, нуждается в кредите в 30 тысяч червонцев.

Центросоюз из урожая собственных садов предполагает получить 45 тысяч пудов экспортных зимних сортов фруктов, через садовладельцев будет заготовлено кроме того до 100 тысяч пудов. Для проведения операции нужен кредит в 35 тысяч червонцев. Госторг, предполагая заготовить 150 тысяч пудов фруктов, нуждается в 10 тысячах червонцев. Крымсоюз заготовок проводить не предполагает, за счет продукции своих садов намерен эксплуатировать 10 тысяч пудов и нуждается в кредите в 2 тысячи червонцев. Требуется, кроме того, кредит в 14 тысяч

червонцев для обеспечения проведения договоров Крымсельсоюза и Центросоюза на заготовку фруктов для нужд местных консервных фабрик. Нужда в кредите мелких, сравнительно, экспортеров, как ТПО, ЦУ военпромхоз и др., не учтена.

Что должны дать банки

Таким образом общая потребность в кредите на проведение фруктовой кампании определяется в 100 тысяч червонцев. Кредит этот вместе с собственными средствами местных организаций даст возможность заготовить для экспорта 460 тыс. пудов фруктов и для потребностей местных консервных фабрик 40 тысяч пудов фруктов. Местное отделение Всекобанка для финансирования фруктовых операций сможет выделить 20 тысяч червонцев, общество сельскохозяйственного кредита - 5 тысяч. Об отпуске недостающих 75 тысяч червонцев с.-х. секция признала необходимым ходатайствовать перед правлением Госбанка. Средства, по мнению секции, должны быть отпущены в срочном порядке, так как в противном случае кампания может быть сорвана.

Кредит Госбанка должен покрыть 30 процентов стоимости заготовок. Стоимость пуда экспортных фруктов франко вагон станция отправления определяется в 5 рублей при заготовительной стоимости пуда фруктов в 2 рубля 25 копеек. Из пяти рублей 40 процентов уходит на оплату фруктов, 15 процентов на рабочую силу, 21 процент на упаковочный материал и 24 процента на транспортные расходы. Стоимость намеченного к экспорту количества фруктов составляет в итоге 250 тысяч червонцев, и Госбанк, предоставив 75 тысяч червонцев, покроет лишь 30 процентов стоимости фруктов. За счет этого кредита можно будет покрыть расход лишь на рабочую силу и отчасти на упаковочный материал.

Формы кредита

Наиболее приемлемой формой с.-х. секция признала вексельный кредит, дающий возможность выдавать авансы под заготовку фруктов, оплачивать тару и рабочую силу. Кредит в форме ссуд под дубликаты приемлем лишь в ограниченных размерах.

Нужды местной промышленности

Промбанк решено просить об отпуске средств для финансирования местной консервной промышленности. За счет кредитов Промбанка прежде всего должна быть удовлетворена заявка консервтреста, нуждающегося для выполнения своей производственной программы в кредите в 14 тысяч червонцев".

Отразилось разрушение системы орошения и на виноградниках. Первый признак расстроенного орошения - это болезнь винограда, никогда у нас не бывавшая - *coup pouet* - 'теперь она обычное явление во всех долинах.

Виноградники в Крыму появились вместе с появлением греческих колоний на Черноморском побережье. До сих пор при земляных работах в Крыму находят большие глиняные амфоры емкостью в 20-25 ведер, в которых греки хранили вино. Химический анализ сухого остатка этих сосудов, сделанный химиком Магарачского училища Соломоном, показал его идентичность с сухим остатком наших вин.

Лоза Кокур, составляющая основное насаждение виноградных плантаций Судакской, Айсальской, Таракташской и других долин, вывезена с острова Корфу. Мускаты, появившиеся в окрестностях Феодосии, завезены генуэзцами. Во время татарского владычества все виноградники, принадлежавшие итальянцам, были доменами крымского хана. Ханское правительство отдавало их в аренду откупщикам, большею частью грекам.

Французский консул Пейонель при крымском хане Крым-Гирее писал о судакском вине, что оно по вкусу напоминает Бургонские вина и переносит далекий транспорт. Выселение христиан из Крыма точно так же понизило эту отрасль хозяйства в Крыму. Но через десять лет после присоединения Крыма к России в 1802 году было в Судаке основано училище виноградарства и виноделия, перенесенное в 28 году в Никиту, и с тех пор центр виноградарства перешел из Феодосийского уезда в Ялтинский. С этого времени могучую поддержку как в смысле улучшения, так и в смысле расширения виноградной культуры оказали два лица: князь Воронцов в первой половине XIX века и в самом конце князь Голицын. Воронцов не жалел средств на выписку опытных иностранцев и лучших сортов виноградных лоз Франции, Испании и Италии, заранее решив, что ничего хорошего нельзя найти на месте, и не хотел считаться с местными условиями. В виду как разнообразия выписанных лоз, так и разнообразия почвенных условий, а также отсутствия установившегося воззрения

на определенный сорт, в каждом винограднике появились смешанные насаждения, которые мешали крымскому вину выработать прочный определенный тип вина и конкурировать с заграничными винами, так как не было ни одного виноградника, где нельзя было бы насчитывать менее 60-70 сортов и урожайность их была различна, каждый год один и тот же виноградник давал другое вино в зависимости от преобладания того или другого сорта. Князь Голицын (имя которого, как это часто бывает, мало кто в России знает, но которое с большим уважением произносится в виноградных районах Франции - Жиронде, Реймсе), исходя из положения, что виноградарство и виноделие есть искусство и наука местности, прикрыл, если можно так выразиться, открытое широко Воронцовым окно в Европу и путем изучения растений и окружающей среды довел крымское виноделие до того, что крымский портвейн "Кушкая" на Бордовской выставке получил первую премию. Крымская мадера стала вытеснять заграничную и вообще все удельные вина стали с успехом конкурировать с заграничными. Ему, князю Голицыну, принадлежит заслуга классификации виноградных районов и установления типов вина.

В моих руках отзыв английских виноторговцев о крымских винах. Они пишут, что поражены тонкостью вкуса, аромата и выделкой русских вин.

В таком положении было крымское виноделие и виноградарство до объявления войны. С переходом на сухой режим лучшие крымские хозяйства должны были запечатать свои подвалы. Появился целый ряд мошеннических обходов этого распоряжения, а начальство становилось все строже и строже, угнетая тем лучшие хозяйства и поощряя ловких фальсификаторов*. Большевики вступили

* В декабре 1916 г. командующий войсками в Одессе прислал распоряжение о том, что портвейн даже для лазаретов не может быть отпущен без разрешения главного штаба в Одессе. Это распоряжение пришло к князю Голицыну за неделю до его смерти. Он послал ответную телеграмму следующего содержания:

ли в Крым в ноябре 1920 года; в 1921 году сбора винограда почти не было. Все виноградники были поражены болезнью милдью. По сведениям немецкой газеты "Хаймкер", количество виноградников в Крыму сократилось на 60%. В эти 60% должны войти степные виноградники и все те, которые были снесены ливневыми водами. В 1922 году дело было несколько лучше. Часть небольших виноградников, не более одной десятины, были возвращены владельцам, но в 1923 году сокращены до 1/4 десятины на южном берегу. Мне сообщали:

"Виноделие в 1922 году сравнительно с 1921 годом значительно лучше. Правда, запоздалая обработка виноградников, а частью и недостаточная, не могла не отразиться на качестве урожая, а несколько сухое лето вначале и затем дождливая осень понизили и ожидаемое качество его. Тем не менее урожай все же получился в общем удовлетворительным. В общем же все крупные хозяйства: Артек, Ай-Гурзуф, Болгатур, Гурзуф, Алупка, Кореиз и Ай-Тодор, вместе с бывшими удельными, дали до 50.000 пудов, из них до 30.000 ведер сделали крепких и сладких, а остальные столовых. Благодаря несвоевременному получению спирта, которого понадобилось до 3000 ведер, некоторые материалы для крепких перешли и получились суше предполагавшихся, т. е. отошли от типа. Сладкие же вина получились недостаточно сахаристые до 32%, так как завяливание на кустах, вследствие систематических краж, стало невозможным".

В 1923 году южно-бережским виноделам пришлось уже отказаться от приготовления высоких вин за отсутствием спирта, необходимых материалов и необходимых инструментов и сейчас же на смену им появилась фальсификация. Теперь в Севастополе изготавливаются, как когда-то в Кашине, "Мадера", "Портвейн" и т. д. Собрано вина - 300 тысяч ведер, т. е. 1/2 часть среднего количества, и вина

"Распоряжение Вашего Превосходительства получил. Вы позабыли русскую поговорку - пьяный проспится, дурак никогда. Русский винодел Голицын".

оказались крепкие - 13 градусов - т. е. ни крепкое вино, ни столовое не вернулись на старые позиции.

В весну 1924 года снесено несколько десятков десятин ливневыми потоками в Отузской, Судакской, Айсовской и Таракташской долинах.

Табакководство, сильно расширившееся во время войны, благодаря высоким ценам на этот продукт, вновь сократилось из-за отсутствия рабочих рук и бегству из Крыма греков и армян, главным образом занимавшихся этой культурой, и почти прекратило свое существование; но очень расширилась огородная культура и приусадебная, которая кроме обычных огородных овощей разводит еще в широких размерах озимую пшеницу, кукурузу и ячмень.

* * *

До присоединения Крыма к России зерновое хозяйство не носило промышленного характера, оно влекло жалкое существование, и зерновые хлеба, преимущественно яровая пшеница, овес и ячмень, засеивались только для покрытия потребностей самого хозяйства. Какою была техника этого хозяйства, можно судить по татарской поговорке: "Если Аллах пожелает, то даст хлеб и на камне". До 60-х годов промышленная культура зерновых хлебов ютилась в центре полуострова и только после открытия артезианской воды, устройства запруд, с вселением немцев-колонистов, в особенности меннонитов, полевое хозяйство в Крыму сделало быстрые шаги вперед, за счет овцеводства и скотоводства. Немцы-колонисты ввели трехпольное хозяйство сперва с зеленым, а потом с черным паром, они ввезли сельскохозяйственные орудия, которые дали возможность поднять тяжелые целинные степи Евпаторийского, Перекопского и Феодосийского уездов, до тех пор служивших исключительно для овцеводства.

В последнее десятилетие прошлого века появился пятипольный севооборот, тракторная вспашка и к 1914 году уже было под озимой пшеницей в Крыму 500.000 десятин и около 400.000 под яровыми - овсом и ячменем. Во время войны твердые цены, закон о ликвидации немецкого зем-

левладения, воспрещение Временным правительством сделок на землю повлекли за собой сильное сокращение площади посевов - на 25%, усиление овцеводства и форсированное развитие мукомольного дела. Для этих мельниц ввозился хлеб из Екатеринославской губернии, с севера Таврической и из Кубани.

Меннонитские хозяйства достигли того, что у них средний урожай с десятины за десять лет не падал ниже ста пудов, достигая в удачные годы двухсот. К 1917 году в этих хозяйствах были произведены такие опустошения, что немцы из производителей хлеба перешли в потребители. Возвращение земель Временным правительством не могло уже поправить дела.

С 1914 года колонии грабились систематически: сперва их грабила, эксплуатируя их ложное положение, губернская администрация, затем грабили их на основании закона о ликвидации немецкого землевладения, потом они были сильно потреплены четырехмесячным большевистским режимом в начале 1918 года. Сменившая большевиков германская армия компатриотов значительно сократила живой инвентарь колоний, затем Добровольческая армия, зачислив их в состав "благодарного населения".

В 1920 году советская власть получила полевое хозяйство в таком расстроеном виде, что ей не по силам было не только поднять, но и удержать его от дальнейшего стремительного ухудшения. Все попытки, зачастую нелепые и невежественные, еще больше усугубляли беду.

Площадь посевов озимой пшеницы сократилась к 1921 году на 80%, яровые погибли и населению пришлось заплатить тяжелой ценой за все ошибки и буйства добольшевистских и большевистских властей: наступил настоящий голод, перед ужасами которого бледнеют приволжские несчастья. Население городов уменьшилось на 2/3. Исчезли целые села, сократились наполовину крупные. Аграрный вопрос потерял остроту, выдвинув людской. Нет людей... Перешли к залежной системе. Сделано несколько попыток сдать в аренду немцам, одна попытка отдачи 40.000 десятин в Крыму мне стала известна в деталях, но осуществилось это дело или нет, не удалось установить.

Сеется столько, сколько необходимо, причем та озимая пшеница, которая составляла гордость южнорусского экспорта, исчезла, семена были съедены и появился новый вид пшеницы, ввезенный американцами. Эта же организация ввезла кукурузу, которая приобрела права гражданства как суррогат хлеба в Крыму. Хлебопашество появилось вновь в горной части Крыма, где эта культура была оставлена, как малопродуктивная с присоединением Крыма к России. Пшеница, ячмень и кукуруза, как в Китае, заняли место в огороде. С сокращением посевов увеличилось овцеводство.

Коневодство, верблюдоводство и скотоводство с расширением посевной площади в Крыму систематически падали. Точно так же сокращалось и овцеводство, но во время войны из всех этих отраслей животноводства усилилось овцеводство и свиноводство как отрасли, не подвергавшиеся реквизиции. О свиноводстве сведений не имеется в моем распоряжении, но овцеводство и козоводство усиленно расширяются. По сведениям, полученным мною, нет ни одного хозяйства в горах, где бы не было молочной козы и нескольких овец, а в степи только овец. Население с оружием в руках отстает всякую попытку реквизиции. В деревне Капсихор попытка реквизиции овец из общественного стада для продовольствия армии повлекла к тому, что все семь посланных были убиты. Карательный отряд должен был отступить, будучи засыпан камнями, облит кипятком и т. д. Овцы служат для покрытия потребностей населения в тканях и отчасти в пище. Необходимо отметить, что мериновое овцеводство совершенно исчезло, а племенные рассадники мясной овцы и каракулевой разрушены. Разводится крымская мясная овца малич и ее помеси.

Хозяйство крымского хозяина становится из менового ойкосным, стремясь обойтись без рынка, своими средствами. Он ввел в огород свой хлеб, ячмень, кукурузу, завел шерстно-молочную овцу и ушел из города.

После присоединения Таврической области к России было роздано завоевателям 650.000 десятин земли. Такое быстрое расхищение земель вызвало вопль местного насе-

ления, и Потемкин остановил эту раздачу, требуя, чтобы на каждый захват был представлен его "личный ордер и апробация". Тогда же возникли споры, которые продолжались почти целое столетие, а один из таких споров не был закончен до революции. Русская власть столкнулась с понятиями мусульманского права, которому неизвестно право собственности на землю. По магометанскому праву земля принадлежит тому, кто ее оживает и пока ее оживает. Чтобы привлечь на свою сторону наиболее влиятельный класс местного населения - крымских мурз, за этими последними были закреплены земли в границах ими указанных. В эти границы попали целые десятки сел с татарскими поселенцами, которые жили на испольной аренде и так называемых вакуфных землях. Низкий уровень хозяйства не вызывал недоразумений между мурзой и его поселенцами, но, чтобы привлечь мурз на свою сторону, русское правительство предоставило мурзам все права русского дворянства и не только тем, которые имели на это звание ярлыки хана, но и тем, которые доказывали свое мурзацкое происхождение. Таким образом все местное административно-хозяйственное самоуправление в Крыму попало в мурзацкие руки под руководством губернатора, потому что русского родовитого дворянства у нас не было и не было лучших традиций. Если мне память не изменяет, был допущен только один губернский предводитель дворянства Адильша Мурза Ширинский, а затем были выслужившиеся чиновники.

Но для мурз был создан целый ряд почетных должностей переводчиков, чиновников особых поручений, заседателей опеки и т. д. при губернаторе и при градоначальниках. С введением земских учреждений дворянство утратило всякое влияние, оставались периодические дворянские собрания с кутежами и праздниками, очень быстро разорившие крымских мурз. Например, в Феодосийском уезде из 400.000 десятин, числившихся за мурзаками, ко времени объявления войны оставалось около 10.000. Все эти земли перешли в руки более стойких хозяйственных единиц, главным образом немцев, греков, армян, караимов и русских. Немцы и другие новые владельцы, ведя более

интенсивное хозяйство, не могли удовлетворяться испольной арендой и плохой обработкой земли татарами. Татары должны были выселяться с насиженных мест в города или в Турцию или на вакуфные земли.

Вакуфными землями называются те земли, которые по духовному завещанию завещаны Аллаху, а право пользования ими - человеку, на известных определенных условиях.

После присоединения Крыма к России таких земель было 200.000 десятин. Особая комиссия, высочайше утвержденная в 1885 году, о вакуфах, успела уберечь только 86.000 десятин, а остальные были расхищены. Эта политика постоянного ухаживания за мурзами повлекла за собой полное расстройство татарского хозяйства, гибель мурз и переход всех полевых угодий в более стойкие руки.

С объявлением большевиками Татарской республики в Крыму началось точно такое же демагогическое ухаживание за татарами под руководством коммунистов. Вот что пишет один из моих корреспондентов:

"Одно досадное у нас явление - это, если можно так выразиться, "татаризация Крыма". Для пояснения приведу Вам такой факт. Айданильский виноградник выше шоссе, так называемый верхний Мартьян, около 15 десятин еще в прошлом году отнесен к татарскому землевладению Никитского района и за один год значительно запущен. Усадьбы, отошедшие в их пользование, совершенно разрушены и запущены. Так, имение Раевских "Партенит", разделенное между татарами, представляет из себя, из некогда цветущего и культурного уголка, полное запущение. Сады и парки начисто вырублены или заброшены, а здания разрушены. С болью в сердце смотрю на все творящееся и удивляюсь, как центральное правительство не примет самых срочных мер для прекращения вопиющего безобразия, совершаемого под видом наделения безземельного татарского крестьянства землей.

От Массандры уже отобрана часть земли, прилегающей к Ай-Василю и Дерекюю. Это влечет к гибели высших

культур Крыма, попадающих в наименее культурные руки”.

Так же, как сто лет тому назад, татары причислены ко всем местным органам власти, но фактически правят другие. Коммунистическая татарская молодежь буйно живет в городах. Только что приехавшая из Крыма рассказывает, что в Симферополе появились татарские танцульки. Несомненно, что молодежь татарская идет по тому же пути сжигания благополучия своих единоплеменников на огне сомнительных губернских удовольствий, как их единоплеменники - мурзы - это делали сто лет тому назад.

Самое печальное, самое грустное, с чем не хочет мириться мысль хозяина, - это гибель водоохранных лесов, упразднение работ по обводнению и расстройство водного хозяйства, плодов вековой совместной работы населения, правительства, земства, науки и искусства - главной артерии крымского интенсивного хозяйства.

Крымские степи отдохнут и вновь начнут давать библейские урожаи. Площадь садов и виноградников сократится, но всегда найдутся уголки, защищенные горами и бездорожьем от лихого человека, где будут свято храниться приемы и традиции правильной работы, но много времени, много труда и много средств надо будет, чтобы восстановить ирригационную систему, исправить все опустошения, наделанные потоками, изучить совершенно новые режимы рек. Эти вопросы встают во всей своей грандиозной важности и не только в Крыму, но и в Туркестане, и на Кавказе.

Первый описавший Крымский полуостров академик Зуев назвал его “малой землицей, самой натурой обильно снабженной для самостоятельного существования”, и на истории этого уголка Великой России можно установить положение, что не лозунги, не политические партии, не штыки и не расстрелы создают благополучие сельского хозяйства на земле, а работа и труд, труд свободный и для всех, а не для личной или классовой цели, не для личного или классового благополучия...

Понять дореволюционную Россию

Книга профессора Колумбийского университета (США) Марка Раева вышла в серии "Историческая библиотека"*. Она содержит семь глав. Первая посвящена Московской Руси. Главы со второй по четвертую – "Петровской революции" и ее последствиям. Главы с пятой по седьмую – Российской империи XIX века.

К середине XVII в., – пишет автор, – общественно-политическая жизнь Московского государства достигла высшей точки своего развития. Его институты были окончательно закреплены Уложением 1649 г. Начиная с этого времени, наблюдается ослабление, а затем явный и быстрый упадок московской цивилизации, который через поколение, к моменту смерти царя Алексея Михайловича (1676), привел государственные институты, общество и культуру к кризису, что подготовило почву для радикальных или прямо революционных преобразований, проведенных Петром I.

Анализируя это положение, автор, в отличие от традиционных точек зрения, считает царствование Алексея Михайловича не просто продолжением эпохи Ивана IV, или прологом петровских преобразований XVIII в., но самостоятельным периодом русской истории со своими индивидуальными социально-политическими чертами. Среди них М. Раев отмечает симбиоз церкви и государства, практику непрерывного престолонаследия правящей династии, концепцию божественной природы монаршей власти (легитимность царя). Говоря об административном устройстве государства, исследователь подчеркивает всеобщую государственную повинность, т. е. систему, при которой все общество находится в правовой зависимости от государства. "Общество было разделено на две части: одни несли эту повинность лично (дворяне и их челядь, служащие в армии и администрации); другие – своим достоянием, выплачивая налоги и подати (главным образом,

* М. Раев. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи. – Лондон: "Оверсиз", 1990. 304 сс.

крестьянство и рядовые горожане)" (с. 17-18). Принимая во внимание тот факт, что местная администрация, состоящая из дворян, играла роль подчиненной, автор делает следующий вывод: "Как бы парадоксально это ни казалось на первый взгляд, высшие слои московского общества были закабалены более полно и сурово, чем низшие" (с. 21). Подобная практика приводила помимо прочего к последствиям психологического порядка. Фундаментальный характер политической культуры страны встал под сомнение. Автор называет и другие факторы крушения московского общества: старообрядчество, мятежи, иноземный импорт. Присоединение Украины способствовало проникновению новых идей, новых культурных форм в среду духовенства и высших слоев населения. Это привело к отказу последних от старых традиций, и как следствие - к разрыву с народом, остававшимся верным Московской Руси.

В качестве системы ценностей, пришедшей на смену московским, выступил "западноевропейский образец". Система административной деятельности, политических и социально-экономических идей, заимствованная у Запада, соответствует концепциям регулярного (полицейского) государства и учения камералистики. Эти понятия М. Раев использует как ключ, анализируя смысл петровских реформ, и последующей эволюции гражданских учреждений и гражданского общества в России. С его точки зрения, в царствование Николая I были завершены реформы государственной системы, начатые Петром I. В связи с этим автор исследует "западный образец" особенно подробно.

"Эта "система"... сформировалась в течение XVII в. в рамках понятий о природе мира и человека, принесенных новой наукой и философией..." (с. 37). Воля и творческая энергия человека стали рассматриваться как главные движущие силы любой организации, любой политики. Таким образом прогресс неизбежно становится целью в себе и самодовлеющей ценностью, а для мыслителей и деятелей конца XVIII в. превращается в идеологию. Новая система нуждалась и в своем языке. Это был язык права. Предполагалось, что своды законов полностью отразят отношения между материальным миром и человеком, в отличие от старой Руси, где человеческие отношения определялись не правовыми, а духовными, нравственными критериями. Отношения, определенные сводами законов, "были способны к адаптации и "имманентному" расширению на службе обществу.

Политическое применение такого умонастроения и его философских посылок состояло прежде всего в том, чтобы

использовать "неимоверный запас" духовных, человеческих и материальных ресурсов, которые до сих пор не были реализованы обществом. Однако для этого необходимо было сначала победить традиционное направление мысли, опирающееся на концепцию Вселенной с ограниченными ресурсами. Таким образом, перед обществом встала глобальная задача – изменение человеческой психологии, – чтобы прикрепить человека к регулярному производительному труду, заставить его работать в расчете на будущую рентабельность, на отдаленные результаты" (с. 40). Из этого можно сделать немаловажный вывод о том, что уже в XVIII в. "западный образец" носит все основные черты тоталитарного государства*. "Вот в чем состоял предмет экспорта, который использовал Петр для замены гибнущей московской культуры динамичной системой по образцу, принесенному Западной и Центральной Европой" (с. 45). Этот вывод отчасти подтверждает неославянскую точку зрения о нерусском происхождении общественных, социально-политических и прочих тенденций, приведших Россию к революционному краху 1917 года.

Тоталитарный характер носила и новая модель государства. Монарх (и в его лице государство) перестает быть просто отправителем правосудия, пассивным инструментом охраны и защиты общества. Он становится проводником сознательной, последовательной, методичной политики. Поскольку, в принципе, пишет автор, это задача неограниченная, однажды начатое движение становится присущим системе и перерастает в самодовлеющую цель. При потере многих нравственных ориентиров подобные явления могли привести к трагическим последствиям.

Сохранив единоначалие, глава государства использовал обширный административный аппарат. С одной стороны, государство было вынуждено кооптировать различные социальные группы, классы, сословия, использовать "посредников", которые в изобилии водились в тогдашнем европейском обществе.

Деятельность регулярного государства наиболее успешна

* Многие исследователи, в частности, А. Авторханов в книге "Происхождение партократии" (Франкфурт-на-Майне, "Посев", 1981, т. 1, сс. 19, 21), отмечает следующие отличительные черты тоталитарного государства: наличие идеологии, стремление управлять внутренним миром человека. – *Прим. редф.*

тогда, когда правительству удается создать административный аппарат, в котором довольно гармонично сливаются деятельность центральной бюрократии и местных органов. Автор отмечает, что так было в странах среднего размера, где центральный аппарат мог раскинуть свои щупальца вплоть до деревень. Очевидно, что в России такая система не могла функционировать успешно. С другой стороны, ослабление привилегированных сословий вследствие Тридцатилетней войны и религиозных войн сыграло капитальную роль в распространении и успехе этой новой политической культуры. Напротив, в крупных европейских странах, которые лучше всего устояли в кризисах XVI–XVII вв., сохранились слишком сложные социальные структуры. Подчиненные частным интересам, они не позволяли государю эффективно проводить в жизнь политику администрирования. В качестве примеров таких стран автор называет Францию, Испанию и Англию. Однако Испания тоже пережила кризис в период османского ига и в последовавший за ним период инквизиции. Что касается Франции и Англии, то "слишком сложные государственные структуры, подчиненные частным интересам", довольно скоро привели к неблагоприятным последствиям: именно в этих странах впервые произошли революции. В России в силу отсутствия "кризисов XVI–XVII веков" привилегированный слой имел еще большее значение.

Таким образом, констатирует автор, "государственная власть стала империалистической в двух смыслах этого слова: она захватила в свои руки все области общественной жизни... и захватывала новые территории... для развертывания своей деятельности" (с. 45).

Характер проведения в жизнь петровских реформ М. Раев оценивает как поверхностный, не находящий опоры, недолговечный. Петр I не привлек к сотрудничеству достаточного числа людей из народа. Но в этот период началось формирование просвещенных верхов общества. Это, по мнению автора, было важным достижением царствования Петра Великого. Однако и верхи были лишены возможности развиваться в самостоятельное сословие. Самодержавное государство закрепило за собой абсолютный контроль социальной иерархии и, следовательно, подчинило своей воле дворянство. Табель о рангах обеспечивала первостепенную роль государя и его успешный контроль за верхами. Дворяне стали чиновниками, обязанными осуществлять задачи, поставленные государством и абсолютным монархом. Это положение было закреплено изданием Генерального Регламента 28 февраля 1720 года.

В отношении легитимности царской власти была выдвину-

та совершенно новая концепция. Она нашла отражение в трактате Феофана Прокоповича "Правда воли монаршей". Царь отныне терял священный ореол, его функции становились просто материальными и прагматичными.

Именно в бытность Петра I на престоле впервые была применена практика подчинения духовенства государству и использования церковных кадров в административных целях. Это привело к поискам мистической религиозности вне рамок официальной церкви: "Все эти вещи глубоко повлияли на культурную жизнь верхов и позднее привели к этическому народничеству", они "предшествовали формированию русской интеллигенции в первой половине XIX века и вошли в ее плоть и кровь" (с. 82)*.

Все перечисленные факторы привели к тому, что петровская система стала "испытывать трудности". Встал вопрос о ее преобразовании. Комиссия об Уложении, созданная Екатериной II в 1767 г., выявила, что русское общество выражало устремления прямо противоположные курсу на регулярное государство. Основы обновленного общества были заложены двумя жалованными грамотами - дворянству и городам. Представители дворянства приобрели значительную роль на местном уровне, широкое поле деятельности и некоторую автономию. Во внешней и административной политике, а также в культурной жизни Екатерина II продолжила линию, начатую Петром I.

Начало XIX в. было отмечено реформаторской деятельностью Павла I, включавшей в себя "план переустройства, который... предусматривал установление законной... если не прямо конституционной системы" (с. 139). Дворянство как привилегированный слой было потеснено. Это привело к дворцовому перевороту и убийству императора, "задуманного и совершенного группой офицеров и вельмож" (с. 141).

Александр I провел реорганизацию правительственной системы и завершил таким образом "дело Петра Великого в духе Екатерины II" (с. 142). Реформа центральной администрации и преобразование местной администрации, выработка новых правовых норм - свода законов, политика просвеще-

* Мистическая религиозность и народничество оцениваются как основные стимулы, побудившие часть русской интеллигенции принять большевистскую революцию. Например, в книге М. Агурского "Идеология национал-большевизма" (Париж, ИМКА-Пресс, 1980, сс. 16- 21, 34-39). - *Прим. ред.*

ния определили деятельность Александра I как попытку построить систему, опирающуюся на элитарное общество, социально-культурная деятельность которого станет независимой. Однако, утверждает М. Раев, заговорщикам 1801 г. их злодеяния так и не принесли ожидаемых выгод. Экономические меры Александра I расширяли поле деятельности частных лиц, давали крепостным возможность активно содействовать материальному развитию государства. Что касается дворян, то государь перестал одарять их "заселенными" землями. То есть Александр I пошел по пути Павла I, ограничившего барщину и считавшего, что государство должно улучшать крестьянскую судьбу, притом по социально-экономическим причинам. Подобное "разочарование" привело дворян к первому в истории России открытому антиправительственному выступлению, известному как восстание декабристов.

Не скрывая отрицательных черт эпохи Николая I, историк выявляет и положительные: административная деятельность, развитие профессионального образования, расцвет научной мысли. Это был один из наиболее динамичных периодов в истории русской интеллектуальной жизни.

В то время определились два постоянных фактора, определившие, в трактовке М. Раева, весь ход дальнейшей дореволюционной истории. Имеются в виду "два неподвижных полюса", препятствовавших созданию гражданского общества: консерваторы и радикальная интеллигенция. Последняя к тому времени выработала для себя определенную систему ценностей, которую можно назвать идеологией. Именно внесение в народ этой идеологии стало основной задачей интеллигенции. Она принципиально отвергала участие в производительной деятельности под руководством императорской администрации. Таким образом, интеллигенция стала оппозиционной силой. Ни плохие, ни хорошие начинания со стороны правительства ее не устраивали. Отвергалось решительно все, исходящее из высших сфер. Впервые эта тенденция проявилась в отношении реформ Александра II, а своего апогея достигла при Николае II, после учреждения Государственной Думы. Объектом нападок стала программа П. А. Столыпина. Автор отмечает, что и бюрократический консервативный слой, препятствующий любым изменениям государственной системы, и радикальная интеллигенция оставляли без внимания крестьянство – основную часть населения империи. Столыпин был первым, кто выступал за наделение крестьян землей, превращение их в свободных хозяев, первым, кто видел в них равноправных граждан нового конституционного государства.

Двойной гнет "слева" и "справа" не дал возможности довести до конца столыпинские реформы и привел в конце концов к уничтожению российской государственности.

Ю. С. Цурганов

Катынь

Профессор Университета Святой Марии (США) Станислав Свяневич - специалист по системам хозяйствования тоталитарных государств. Среди его работ: "Принудительный труд и экономическое развитие" (1965), "Ленин - экономист" (1930), "Экономическая политика гитлеровской Германии" (1938) и др. Реферируемая книга* представляет собой историческое исследование советско-польско-германских отношений накануне и в период Второй мировой войны, дает анализ катынской трагедии, включающий личные воспоминания автора, участника описываемых событий.

В первой главе ("Надвигающаяся буря") анализируется политическая ситуация в Европе в 30-е годы. В 1934 г. маршал Пилсудский подписал с Гитлером пакт о ненападении сроком на десять лет. Этот акт торпедировал заключение Договора четырех (Франция, Англия, Италия, Германия), призванного умерить германские аппетиты в Европе за счет Польши. Выдвигая на первый план вопросы аншлюса Австрии и Судетской области и провозглашая лозунги борьбы с коммунизмом, Гитлер вытеснял на второй план вопросы о польско-германских границах. Середину тридцатых годов автор монографии оценивает как лучшее время для достижения договоренности по ряду территориальных вопросов и улучшения взаимоотношений между Польшей и Германией. Однако польская пресса и левые круги имели антинемецкий настрой, что препятствовало такой возможности. На Западе продолжали считать, что в случае войны помощь Польше может быть оказана лишь при посредстве СССР. И Польше в этом случае следует согласиться на пропуск советских войск через свою территорию. "В будущем замаячил призрак нового раздела Польши, было два пути, ведущих к разделу. Первый германо-советский военный союз... Второй - союз России и западных держав против Германии" (с. 29). В первом случае советские войска вошли бы на польскую территорию как враги, во втором - как союзники, но конечный итог в обоих случаях был бы одинаков.

* Свяневич С. В тени Катыни. Л.: "Оверсиз", 1989, 400 сс.

В 1938 г. развернулась безудержная экспансия Гитлера в Европе: в августе - присоединение Австрии, в сентябре - начало судетского кризиса и мюнхенский договор западных держав. В марте 1939 г. - оккупация Чехословакии. К экономическому превосходству Германии добавилось превосходство стратегическое (Чехословакия наряду с Румынией и Венгрией составляла так называемую Малую Антанту). "Миновало время, когда с Германией можно было вести переговоры на равных" (с. 32). В речах Сталина в то время звучали открытые предложения к сотрудничеству с Гитлером. Со стороны Великобритании было сделано заявление о готовности сказать помощь Польше в случае нападения на нее Германией, после чего был подписан польско-английский военный договор. Ответом Гитлера был разрыв договора о ненападении от 1934 г. В германской прессе началась антипольская кампания, по судетскому сценарию был поднят вопрос о немецком меньшинстве в Польше.

23 августа 1939 г. подписан советско-германский договор о ненападении и секретный дополнительный протокол о разделе Польши и сфер интересов в Восточной Европе. 1 сентября Гитлер напал на Польшу и проявил себя тем самым как агрессор. Вопреки договору советские войска вошли в Польшу только 17 сентября 1939 г. и эта акция была оценена мировой общественностью уже не как агрессия, а как защита Западной Украины и Западной Белоруссии от немцев. Таким образом Советскому Союзу удалось переложить ответственность за развязывание Второй мировой войны целиком на плечи Германии.

28 сентября был подписан дополнительный советско-германский договор о дружбе и границе, а также секретное дополнение по территориальным вопросам и совместной борьбе против польского движения Сопротивления. 1-2 ноября 1939 г. Западная Украина и Западная Белоруссия были включены в состав СССР.

Значительная силы срочно мобилизованной польской армии оказалась в "советской части" государства. Они были разоружены и рассматривались как военнопленные. Офицеров, представлявших собой цвет польской интеллигенции, отделили от солдат и этапировали по маршруту Петруков - Киев - Путивль. В том районе были организованы три лагеря: в Козельске, Старобельске и Осташкове. Автор обращает внимание на то, по какому принципу размещались в лагерях пленные офицеры. Это была селекция на две группы. "В первую входили жители Литвы и польских территорий, оккупированных немцами, т. е. те, которых никак нельзя было причислить к советским гражданам. Во вторую группу входили жители восточных территорий, которые русские считали сво-

ими землями, и, следовательно, их население – советскими гражданами” (с. 103). По каждому из пленных проводилось следствие, на котором, в частности, определялась их “степень пригодности” для советского режима. “Степень пригодности” С. Свяневича (в то время узника Козельского лагеря), – как специалиста по германской экономике оказалась высокой. Он был направлен в Москву, где по приговору ОСО получил срок – 8 лет лагерей “за шпионаж против СССР”. Вплоть до “польской амнистии” 1941 г. он находился в северных лагерях (с. 129, 180).

Первый этап оставшихся после селекции офицеров был отправлен в Катынь 3 апреля 1940 г. из Козельска. После этого до середины мая оттуда каждые несколько дней уходили этапы по 300 человек. Впоследствии в живых были обнаружены только 150 офицеров, которых из Козельска направили в июне 1940 г. в Грязовец и Павлишев Бор, остальные были ликвидированы (с. 218). Одновременно этапировались узники Старобельска. Их расстреливали в неизвестном пока месте под Харьковом (с. 113). “Я был свидетелем, – продолжает автор, – приема администрацией лагеря по телефону приказов Москвы, в которых был указан даже персональный состав отдельных этапов” (с. 113). Это дает основания утверждать, что решение об уничтожении поляков было принято высшим руководством, а не на местном уровне, и что Московские представители вводили в заблуждение польское правительство, когда говорили, что им неизвестно, где находятся военнопленные (с. 228).

В 1941 г. Советский Союз восстановил по настоянию Англии дипломатические отношения с польским правительством в изгнании. Была объявлена “польская амнистия”, вследствие чего многие польские граждане, томившиеся в советских лагерях, были освобождены (с. 215). “Никто не знал точного числа депортированных между ноябрем 1939 г. и июнем 1941 г. поляков. Примерная цифра, называвшаяся в то время, была около 1,2 миллиона человек...” (с. 226). На территории СССР начали формироваться польские вооруженные силы под руководством генерала Владислава Андерса. При формировании армии обнаружилась нехватка примерно 15 тысяч офицеров, числившихся по списочному составу.

В феврале 1943 г. немцы объявили, что они обнаружили в Катынском лесу массовые захоронения тысяч убитых польских офицеров, каждый из которых был убит пулей в затылок. Польское правительство обратилось к Международному Красному Кресту с просьбой провести исследование могил (с. 313, 319–320).

“Ответ на вопрос о том, кто совершил преступление в Катынском лесу, однозначен – НКВД. И ответ этот основывается

не только на показаниях оставшихся в живых пленных, но и на выводах трех комиссий – германской, международной и польского Красного Креста... Кроме того, над этим вопросом независимо друг от друга работало много историков, пришедших к такому же выводу” (с. 322). В своей книге автор цитирует и упоминает следующие исторические исследования: А. Мошинский “Катынские листья”, проф. З. Шталь “Катынское преступление в свете документов”, проф. Дж. К. Заводный “Смерть в лесу”, Л. Гиббон “Катынь: беспрецедентное преступление”, Т. Виттлин “Время остановилось в 6.30”, Юзеф Мацкевич “Катынь”, проф. Г. де Монфор “Расстрел в Катыни...” и др. *

Международный трибунал в Нюрнберге не признал обоснованными обвинения советского прокурора, выдвинутые им против германских военных преступников, которые-де виноваты в Катынской трагедии. В советскую концепцию не укладываются такие факты, как отсутствие на трупах каких-либо документов, датированных позже мая 1940 г., наличие на трупах ран, нанесенных советским четырехгранным штыком, поросль на захоронениях молодых деревьев, возраст которых свидетельствует о том, что убийство было совершено в 1940 г. Восстановленные моменты расстрела “соответствуют приемам, принятым в НКВД еще со времен Дзержинского” (с. 336–339). Пули, найденные на месте преступления, были немецкого происхождения, производства до 1939 г. **

К 1943 г. советское правительство уже могло позволить себе не считаться с поляками. До этого вопросы о новых советско-польских границах, о проекте создания центрально-европейской федерации, о переводе польских дивизий под английское командование на Ближний Восток оставались открытыми. Решение польского правительства об исследовании

* В газете “Московские новости”, № 18, 5 мая 1991, с. 5, опубликована статья Г. Жаворонкова “Катынь – год после покаяния”, где указывается, что 14 апреля 1990 г. ТАСС официально признало вину СССР за трагическое событие 1940 г. – расстрел 15.000 польских пленных офицеров под Катынью, Харьковом и Тверью. – *Прим. реф.*

** Объяснение этому факту дано в книге М. Геллера и А. Некрича “Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней”. Лондон: “Оверсиз”, 1986, с. 444: “Пули этого образца продавались из Германии в Польшу, Советский Союз и Прибалтийские страны”. – *Прим. реф.*

катынских могил 18 апреля 1943 г. стало формальным поводом для СССР к разрыву отношений. Множество польских представительств на советской территории было разгромлено, их работники арестованы и отправлены в лагеря. В отношении их дальнейшей судьбы автор пишет: "Знаю только, что очень небольшая их часть была впоследствии освобождена, остальные пропали без вести, очевидно, они были расстреляны. То есть здесь мы стоим у новой, малой Катыни" (с. 301).

В заключительной части книги С. Свянович исследует "Диалектику Катыни": "...беспорядочность и жестокость немецкой политики были следствием поисков единой линии, в то время как в советской политике они были следствием самой системы... Это один из фундаментальных вопросов для тех, кто решил изучить коммунистическое движение и его принципы. И именно поэтому диалектика Катыни должна стать одной из важнейших тем в работе советологов" (с. 348).

Эта трагедия - камень преткновения, могущий на века испортить отношения между двумя странами. "Широко известно, что число евреев, уничтоженных гестапо, намного превышает число ликвидированных НКВД поляков. И тем не менее отношения между Германией и Израилем были нормализованы. И это произошло потому, что... все население Германии безапелляционно осудило жестокости гитлеровского режима" (с. 368). Автор призывает весь российский народ осудить это преступление и тех, кто его совершил, во имя дружбы между Россией и Польшей.

Ю. С. Цурганов

Книга о Белом движении

Монография В. Д. Матасова*, бывшего участника Белого движения, сочетает в себе историческое исследование и личные воспоминания автора. Книга состоит из девяти глав и приложений: открытое письмо участникам Белогвардейского движения, ответ ветеранов, биографии вождей ВСЮР (Вооруженных сил Юга России). Начальные пять глав описывают зарождение Белого движения после февраля 1917 г. и его первый период: гражданская война на Украине, Первый и Второй кубанский походы, "смятение на Дону". Шестая глава посвящена переломному моменту в истории описываемых событий - походу на Москву. Главы с седьмой по девятую

* Матасов В. Д. Белое движение на Юге России 1917-1920. Монреаль: "Монастери пресс", 1990, 211 с.

характеризуют завершающий этап: отступление Белых армий, борьбу в Крыму, эвакуацию.

Автор полагает, что именно отречение от престола Николая II, повлекшее за собой дестабилизацию власти в стране, послужило началом российской катастрофы, закончившейся установлением власти большевиков. Анализируя роль будущих белых вождей в февральской революции, исследователь пишет: "...руководители армии – как ген. Алексеев, так и ген. Рузский, – имели совершенно ложное представление о происходящем. Они верили, что в Петрограде правительство Гос. Думы, опирающееся на дисциплинированные полки. Они не знали, что все движение происходит под красным флагом. Ради возможности продолжать внешнюю войну они хотели, прежде всего, избежать междоусобия" (с. 10). "Но уже 3 марта* рано утром ген. Алексеев сказал, что никогда не простит себе, что поверил в искренность некоторых людей, послуживших им и послал телеграмму командующим фронтами по вопросу об отречении Государя от Престола" (с. 13).

Стремительному развалу армии верные присяге офицеры и генералы противопоставили создание боеспособных "ударных частей", "дружин смерти" и др. формирований, которые автор считает первыми ростками Белого (добровольческого) движения.

Однако после августовских событий 1917 г., вошедших в историю как "корниловский мятеж", группа наиболее активных генералов была отстранена от дел. Корнилов, Деникин, Марков, Эрдели и др. оказались в заточении в Быховской тюрьме, откуда были освобождены благодаря начальнику Штаба Ставки ген. Духонину лишь после октябрьского переворота.

Центр Белого движения сложился на Дону в Новочеркасске в ноябре 1917 г. Это был район, находившийся под властью ген. Каледина, не признавшего правительство большевиков. Здесь была обнародована Декларация Добровольческой армии и установлена верховная власть Юга России в лице триумvirата: Алексеев, Корнилов, Каледин.

Необходимые для формирования средства в пределах Дона были минимальными, и Добровольческая Армия была вынуждена выступить в первый поход, еще не будучи полностью укомплектованной.

Первый Кубанский поход начался в феврале 1918 г. Армия была невелика, что быстро сказалось на ходе военных

* То есть спустя сутки после отречения Николая II. – *Прим. реф.*

действий. Был оставлен Екатеринодар и вместе с ним надежды на приращение боевой силы и средств борьбы. Однако 11 марта представилась возможность объединения с другим крылом белых сил, оказавшихся за Кубанью. После объединения было принято решение о совместном повторном движении на Екатеринодар. Этот переход получил название "Ледяной", закрепившееся за Первым кубанским походом в целом.

Добровольческая армия прошла длинный путь по степям Дона и Кубани, покинув Ростов-на-Дону под давлением превосходящих сил красной гвардии. Поход унес многих видных руководителей Белого движения. Среди них были Корнилов, Неженцев, Рыковский, Плева и др. (с. 86, 87). Командование армией принял ген. А. И. Деникин, во главе корниловских частей стал полковник А. П. Кутепов. После ряда военных неудач поредевшие полки оказались перед выбором — либо распыление, либо борьба до конца, до последнего человека. Выбрали второе.

Ранней весной 1918 г. донские казаки подняли восстание против большевиков. Добровольческая армия и скитавшийся в Сальских степях казачий отряд ген. П. Х. Попова пришли на помощь восставшим. Гражданская война приняла новый размах, охватив большие пространства Юга России. К 3 мая 1918 г. вся полнота власти на территории Дона принадлежала белым. В освобожденном Новочеркасске казацки делегаты — "Круг спасения Дона" избрал атаманом ген. П. Н. Краснова, вручив ему право управления своим войском (с. 90).

После освобождения Дона от красных, отдыха и переформирования Добровольческая армия проделала Второй кубанский поход. Мошь ВСЮР росла. Под водительством ген. К. В. Скоблина корниловцы участвовали в очищении Северного Кавказа. В январе 1919 г. они были переброшены в Донецкий каменноугольный бассейн в распоряжение ген. Маймаевского. Четырехмесячные упорные бои с неизменно превосходящими силами красных закончились победой белых.

Однако и в этот период возникли определенные сложности. В связи с поражением Германии в Первой мировой войне оккупационные немецкие части начали покидать Украину (с. 94). С самостийными и пронемецкими правительствами Украины С. Петлюры и гетмана П. Скоропадского, пишет автор, белые не поддерживали союзнических отношений (с. 38-46). "С уходом немцев образовался новый Донецкий фронт протяжением в 600 верст. Потребовалось новое напряжение сил и помощь со стороны" (с. 94).

Надежды возлагались на союзников: англичан и французов. Их правительства приняли решение об оказании содействия ВСЮР, однако реальная помощь не спешила.

В это время (летом 1918 г.) большевики произвели круп-

ную организационную работу, сосредоточив против Дона армию в 130 тысяч бойцов (с. 95). Пропаганда красных обрела новую силу в ставке на крестьянина-единоличника, были упразднены "комитеты бедноты", терроризировавшие крестьянство. Утрата добытого тяжелыми боями, разочарование в союзниках деморализовало казаков, и Донская армия быстро начала таять. Авторитет атамана Краснова сильно упал, и 1 февраля на заседании Большого Войскового круга он вынужден был отказаться от занимаемого им поста.

Этот сложный период в истории Белого движения автор называет "смятением на Дону".

20 июня 1919 г. ген. Деникин издал так называемую "Московскую директиву" об общем наступлении на Москву. Согласно ей, трем группам войск: Кубанским частям ген. П. Н. Врангеля, Донской армии ген. Сидорина и группе войск Добровольческой армии, кубанцам и терцам ген. Май-Маевского - указывались фронты и направления наступления к конечной сходящейся точке - Москве, через Курск, Орел и Тулу. Несмотря на временные военные успехи белых в новой операции, общее наступление в конце концов захлебнулось. После неудачного штурма Тулы начался стремительный откат назад, уже не прекращавшийся до самого конца войны. 20 марта 1920 г. ген. Деникин, на котором лежала личная ответственность за провал операции, передал главнокомандование ВСЮР генерал-лейтенанту барону Врангелю.

Сосредоточив большие силы около Воронежа против Донской армии (главным образом конную армию Буденного), большевики образовали также сильную ударную группу на Курском направлении. Созданный здесь кулак перешел в

* Как сообщают другие исследователи, например, Н. Росс в книге "Врангель в Крыму" (Франкфурт-на-Майне, 1982, сс. 16-20), ген. Врангель с самого начала считал нецелесообразной "Московскую директиву" Деникина, учитывая растянутость фронта и общую малочисленность войск. Он отдавал предпочтение наступлению на восток для соединения с войсками Уфимской Директории адмирала А. В. Колчака, ведущими бои между Волгой и Уралом. Это позволило бы создать единый прочный фронт. Дальнейшие события показали правоту ген. Врангеля: московское наступление было сломлено именно не доходя Тулы, как и предсказывал Врангель; и армия Колчака, и Добровольческая армия вышли к Волге, но это произошло в разное время из-за нежелания Деникина скорректировать свои действия с действиями колчаковских войск. - *Прим. реф.*

октябре в наступление против Добровольческой армии.

Главная масса белогвардейских войск отступала с фронта по маршруту Курск-Орел-Воронеж-Царицын к Дону и Кубани, войска с Правобережной Украины стягивались к линии Кременчуг-Киев а район Одессы и далее к Крыму. Полуостров стал последним оплотом Белого движения. Но единственный сухопутный проход туда оставался практически свободен для большевиков. "Перекоп не был подготовлен к защите... Путь в Крым был открыт, и красные могли войти в него церемониальным маршем" (с. 137).

Помимо обороны Крыма и проведения дальнейших боевых операций, Врангель взял на себя решение еще ряда важных задач. Была реорганизована армия и переименована из Добровольческой в Русскую. Упорядочен вопрос довольствия войск и приведены в порядок дела Военно-Судебной части и гражданского судопроизводства. Восстановление понятия о законности было очень важно после революционного хаоса. Ген. Врангель знал, что для дальнейшего успеха необходимо привлечь основное по численности сословие России - крестьянство. Его законы "о земле" и "волостном земстве" явились адаптированными для условий Крыма проектами столыпинских реформ. В области внешней политики были реализованы возможности сотрудничества со всеми потенциальными союзниками, впервые была достигнута конкретная договоренность с европейскими правительствами.

Находясь, казалось бы, в катастрофическом положении, Русская армия под руководством Врангеля нанесла ряд серьезных ударов по красным, в частности, блестяще были проведены Заднеэстровская операция и операция в Северной Таврии (с. 154). Но так или иначе перевес был на стороне большевиков. 1 ноября 1920 г. стало последним днем борьбы за Крым.

Потерпевшая поражение, но не сдавшаяся Русская армия не стала добычей красных. "Генерал Врангель с честью вывел армию и флот, как обещал. На 126 судах было вывезено около 146 тысяч человек, в том числе 50 тысяч чинов армии и 6 тысяч раненых" (с. 163). Эвакуанты были временно размещены в лагерях на Лемносе, в Галлиполи, Бизерте, Чаталджи, откуда большинство из них затем переселилось в страны Юго-Восточной Европы. "С отъездом из Галлиполи, - заканчивает свою книгу автор, - закрылась еще одна страница Белого движения. Начался новый период - период идейной борьбы за спасение нашей угнетаемой Родины" (с. 180). 1 сентября 1924 г. ген. Врангель объявил о преобразовании армии в Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Идейно Белое движение продолжало существовать.

Ю. С. Цурганов

Вторая юность

(о журнале "Новая Юность")

В начале марта 1993 года в театре Михаила Жванецкого на Тверской-Ямской состоялась представление читателю журнала "Новая Юность".

Квартира, переоборудованная под театр, в прошлом, возможно, одна из "нехороших", вместила столько, скольких могла вместить, никого не оставив на улице. Лица всех узнавались всеми – так тесна стала литература, так тесна была квартира уютного, почти домашнего театра М. Жванецкого.

"Юность" рождалась во второй раз, рождение ее можно скорее назвать возвращением. Когда создавался одноименный журнал, почти никого из пришедших в этот раз в марте еще не было на свете. "Новую Юность" трудно назвать новым, только что созданным журналом. Люди, идеи, материалы, обстоятельства, возникшие однажды и воплотившие себя в журнале, лежащем на столе среди других достойных и интересных, и к стыду нашему всегда недочитанных, – всё вышло из-под обложки, из стен и коридоров "старой" теперь "Юности". Журнал вырастал из себя, самого себя попирая.

Художник, работавший над оформлением обложки, запечатлел это состояние (видимо, навсегда – наши журналы редко меняют свой облик при жизни). Слово "новая" вылучивается из "юности", деля с ним две буквы: "Н" и "О", выдавая этим нерастворимый осадок.

Подробности происшедшего год назад "раскола" интересны будут немногим. Старое это дело, да и не самый крупный из расколов, свидетелями которых мы стали. "Юность" и в самые "спокойные" времена оставалась "горячей точкой" журнальной империи. И если становился молодой писатель известным, что означало разрешенным, то только пройдя воду, огонь и "Юность". Она была последним порогом, за которым молодого художника ожидали (если ожидали) андеграунд, самиздат, безденежье, отчаянье, вражеские голоса, Сорбонна, Кембридж, рассеянье... "Юность" правила границами юности, постепенно размывая их, подавая всё еще молодых пятидесятилетних и с опаскою пуская на свои страницы совсем юных дебютантов – тридцатипятилетних.

Глядя сегодня на восьмилетнего оптовика, профессионально сбывающего свой товар в палатки, под само собой ослабевшим родительским взором испуганной мамы, которую он уже кормит, больше не поражает воображение, как 16-летний дед экс-вице-премьера справлялся с полком. Шестнадцать мальчику исполнится через восемь лет.

"Юность" долгое время пытались обновить изнутри – про-

бывая, протаскивая заветные рукописи, добиваясь выхода полных компромисса рубрик, удивляя читателя причудливым контекстом очередного номера.

Раскол существовал всегда и носил диалектический характер. Главный редактор устоял. "Путчисты" от "Юности" боролись и были побеждены. Но, как все мы знаем, проигравший получает всё. После года неизбежных, почти узаконенных в нашей общей ситуации мытарств журнал вышел в свет, редакция расположилась в маленькой комнатке. От нее и пошла "Новая Юность".

Наконец читатель может сам разобраться, какой же стремилась быть "Юность", какой ей не давали быть сначала идеологические шоры, а после просто живые люди, не прикрытые более никакими шорами.

Сами создатели журнала от идеалов "Юности" не отказались. Ссылаясь на роль, какую сыграл журнал в судьбе поколений шестидесятых годов, они надеются занять то же место в умах поколений, приходящих жить сегодня. "Ни погружать кого-либо во тьму низких истин, ни возвышать - не намерены" (из предисловия от ред.). Делая попытку обрести читателя, журнал заранее готовит к одиночеству и себя, и своего одинокого, затерянного в толпе митинговой или базарной, в "жалком мы" (предисл. от ред.) читателя.

Но проблемы, доступные пониманию немногих избранных, обреченных, жмущихся друг к другу на московских кухнях с календарем семьдесят какого-то года, сегодня волнуют многих и многих. Журнал, избѣжав включения скандальных, продажных материалов, не стал журналом "элитарным", каким и не может стать молодежный журнал, даже если захочет.

Марина Мареева, Боб Дилан, Вацлав Гавел, Федор Шехтель, Гиппиус-Крайний, Юрий Арабов, Джери Рубин, Михаил Задорнов, Егор Радов, Егор Марсович, Игорь Яркевич и др. - авторы, чье соседство под одной обложкой будет понятно читателю, давшему себе труд увидеть контекст. Журнал по строению напоминает мост через реку.

"Тоталитарный роман" М. Мареевой основательно бетонирует обжитый берег и медленно, уверенно вползает далеко в реку. Временной и тематический пласт романа - поле стоптанное. Полностью оправдывая название, роман не социоморфен, как большая часть подобных по теме, раскрывающих сущность системы, пользуясь человеком как ключом, сгибая или вовсе ломая его. В романе человек обращен к человеку. Можно отважиться и для себя назвать его "1968".

Е. Габрилович, предчувствуя возможные замечания со стороны прозаиков-"профессионалов", называет роман "кинопрозой". Что ж, тем лучше, он еще и кинопроза.

"Пошла писать губерния" - губернские литературные ведомости, отдельная тетрадь в журнале. В первом номере представлена Татария. Политически существуя на правах самостоятельного государства, Татария осталась литературной губернией и будет ею до тех пор, пока хоть один человек, русский или татарин, создает произведения на русском языке. Адель Хаиров, Тимур Алдошин, Этгар Бартеньев - казанские авторы. Адель Хаиров в очерке-эссе "Между Кабаном и Волгой" пишет о Казани так, словно кто-нибудь из "проклятых поэтов" писал о родном городе. Казань разрастается, становится видна, даже притягательна, создает пространство для живописи, поэзии, любви. Поэзия Тимура Алдошина вызывает у коренных читателей московских журналов улыбку - искания метафористов всех видов середины восьмидесятых слиты в одну пробирку. Вот они временные пояса культуры. От Москвы до Казани.

Статья Юрия Арабова "Требования Веры" - главная опора моста-контекста. Выбор духовной цели. Боб Дилан, Вацлав Гавел, Джери Рубин - люди, делавшие свой выбор приблизительно в одно историческое время. Обращение к шестидесятым связывает материалы номера. Время, когда молодежная и "новая культура" победили в мире, дав растворить себя в организме западной цивилизации, замолчав, полысев, слившись с толпой, но неся с собой нерастворимый осадок. Читая материалы "Новой Юности", каждый может подумать, что, наблюдая за тем, что происходило с молодыми людьми четверть века назад, события, окружающие нашу жизнь сегодня, логичны и неизбежны. Внимательно всматриваясь в лица совсем молодых, читая их неумелую прозу, стихи прирученной души, всё, чего они громко или немо требуют от мира и от человека в мире, хочется уловить будущее. И заранее запасти соль, спички, табак и хорошую белую бумагу. "Новая Юность" - для тех, кто читает время в словах.

Виталий Пуханов

**Это он - Эдичка,
или**

Плохо слепленный горбатый

К тринадцатилетнему юбилею русского издания

Одна моя знакомая ленинградская барышня лет этак десять назад явилась ко мне с литературным проектом... дескать, ей необходимо написать книгу о своей половой жизни. "Что ж, напиши", - сказал я: "Задача вполне почтенная. Тем-

ные аллеи”, скажем, тоже могли бы соответствовать этой краткой аннотации”. Но Иван Алексеевич Бунин барышню не долыхал. Ее долыхал другой эмигрантский автор, поэтому она предложила: “Но не простую книгу, а написанную стилем журнала “Юность”! И переправить ее на Запад”. Запад, полагала она, превыше всего ценит стиль журнала “Юность”. Так она поняла от папы-мамы – высокооплачиваемого семейства творческой интеллигенции с сильными связями в клане шестидесятников. (Теперь, кстати, у всего семейства есть возможность проверить степень предрасположенности Запада к стилю журнала “Юность”:) Две главы из ее предполагаемой книги, удачно названной “Солдаты хвалят”, с рассказом о первых шести любовниках, пылятся до сих пор в моей ленинградской квартире, не найдя продолжения – расчетливая барышня сообразила, что если шесть любовников заняли две полуобщины тетрадки за 48 копеек, то сколько же займут насчитанные на тот момент две, что ли, их сотни? И она решила пока лучше жить, чем писать о жизни. Ну и правильно.

Тринадцать лет назад в Америке, в октябре 1979 года, под маркой издательства *Индекс Пресс* вышел роман Эдуарда Лимонова, так возбудивший креативно-коммерческие рефлексии моей ленинградской знакомой. На сегодняшний день он уже несколько раз издан на родине автора, то есть не совсем, конечно, на родине – в Москве, а не в Харькове, принадлежащем, как известно, совсем другому *независимому государству*.

В отличие от первого русского издания непохоже, чтоб эти вызвали какой-либо особенный скандал среди критики и публики, и автору в порядке рекламной кампании приходится позировать с “Калашниковым” среди приднестровских витязей и записываться министром культуры и госбезопасности во все будущие российские правительства. Это его дело. Политические взгляды Эдуарда Лимонова сами по себе меня мало интересуют, как же как, скажем, политические взгляды Иосифа Кобзона. Меня интересует книжка, которую на некоторое время удалось сделать почти легендарной, и интересует, почему это время пришло.

Дело, конечно, не в том, что Лимонов плохо пишет. Тысячи книг написаны еще хуже, а продаются еще лучше, чем эта. Матерные слова прописью? Нынче, после конца советской цивилизации, мат, ее второй официальный язык, превратился в такой же музейный раритет, как и всё остальное, к ней принадлежащее. Он читается, как все прочие слова советского языка, разве что с легкой ностальгией. Секс? Безусловно, Лимонов со своей попыткой усидеть на двух стульях прова-

ливається в яму между общедоступной порнухой, которую даже читать не надо, и эротикой высокого стиля, которой интересуются Настоящие Интеллектуалы, когда выходят из порношопа. Борьба с истеблишментом? Советский народ истеблишмента, конечно, не любит, но имеет собственные представления о его физиономии и о борьбе с ним, а несоветский народ – на большую часть сам состоит из истеблишмента и очень обожает, когда с ним борются с помощью развлекательных книжек.

Так что, я полагаю, стоит взглянуть в существо, отвлекшись от нехитрых трюков, которыми Эдуарду Лимонову 13 лет назад удалось пронять простодушных эмигрантов: мат, секс, антиамериканизм (что обеспечило, кстати, французского издателя), нападки на священных коров и т. д.

Существом дела является заглавный образ, с позволения сказать, что подтверждает в послесловии к московскому изданию и сам Лимонов, сравнивая своего Эдичку, то есть себя самого (знаем, знаем про лирического героя, но в данном случае это не канает – книжка явно спекулирует на nonfiction), с "вечными образами" – Лолитой и Григорием Мелеховым. Цитирую: "Неуничтожимость же героя – самая большая гордость для писателя. Всё остальное – чушь собачья и муть зеленая".

Меня не смущает ничуть сам образ этого героя – его язык с этакой детгизовской живостью, вроде вышеприведенной "чуши" и "мути" – это обычный язык подростка из провинциального среднего класса, – а почему бы и нет? Его завистливость, агрессивность, сентиментальность, даже просто глупость – себя не выбирают, уж какой есть, такой и есть. Хотя уровень личности основных персонажей – вещь немаловажная для окончательного уровня книги, на чем, например, в свое время, потерпел крушение "Доктор Живаго", по большому счету, конечно. Даже забавная мысль – взять харьковского прибалтненского подростка, с его характерными льстивостью, наглостью, с неудовлетворенной претензией на лидерство в банде, со страстью к клеветному прикиду, с восхищением перед всяким насилием, кроме государственного, что, как известно, "западло" (в переводе на нынешний, частично англоязычный лимоновский язык это и есть ненависть к истеблишменту) – так вот, взять и перенести его в Нью-Йорк со всем его уровнем развития не выше этажерки. Могла бы получиться смешная книга, если бы в уличном кодексе, сформировавшем личность Лимонова, хоть как-то ценилось чувство юмора.

Но нет – настоящий блатной трагически-серьезно относит-

ся к себе. А вслед за ним и бегающий ему за папиросами мальчишка. И получилась блатная песня в прозе. Жанр, любимый интеллигентней в спокойные времена, на кухне – а теперь, когда блатная стихия вырывается на просторы не только России, но и Европы, как-то не до стилизаций.

В результате, всё здание романа оказывается построено на трещине земной, которая с течением времени расплзается всё шире и шире и в которую сползает, цепляясь за автомат Калашникова, главный герой, претендент в вечные спутники.

Всё его самоуважение и все его претензии к окружающему миру держатся на одном единственном факте – что он, Эдичка, "знаменитый в России поэт". Единственная надежда автора, что читатель поверит в это без всяких доказательств, и тогда провинциальный волчонок превратится в новое издание русского Байрона. Эдуард Лимонов писал стихи несколько лучше, чем он сейчас пишет прозу, но не только "знаменитым и лучшим", хотя дело и не в этом, а и просто сколько-нибудь существенным стихотворцем никогда не был. Был одним из многих московских гениев, каких и сейчас много, и сам это знает очень хорошо. Постоянный его упор на звание поэта напоминает поведение мелкого карманника, переведенного из одной зоны в другую и начинающего "лепить горбатого" – и уважали его дескать в старой зоне, и пришел он там дескать одного-двух "мужиков", и вообще он "в законе". И действует некоторое время; пока, рано ли поздно, не срывается тюремный телеграф. Что тогда происходит, Эдуарду Лимонову хорошо известно – собственно, во всех своих приключениях с "большими неграми" он подсознательно и прорабатывает этот вариант, как бы стараясь изжить наваждение.

Эдичку ведет по Нью-Йорку, а писателя Лимонова по жизни поиск *слабых*, считающих себя несправедливо обиженными, завидующих – чтобы стать среди них самым сильным, самым несправедливо обиженным, самым завистливым и жестоким. В этом смысле неважно кто – трюксисты, уголовные негры, замученные эмигрантским истеблишментом авангардисты или приднестровские самостийники. Своим полууголовным-полумилицейским чутьем Эдичка **наверняка** чувствует социально-близких, носителей криминализованного сознания, обладателей самозванческой трещины – "слепленного горбатого" – в своем человеческом и социальном основании. А правыми они называются или левыми – безразлично.

Вопрос о "переводных успехах", которыми так гордится Эдуард Лимонов, мы обсуждать не будем. Знакомо ли вам имя: Аля Рахманова? Нет? Она умерла в прошлом году в

Швейцарии 93 лет отроду. Ее книги – романы, воспоминания и проч. были переведены на 21 язык и распроданы тиражом больше 2 миллионов. Иных переводят, иных не переводят – дело торговое, зависит от многих внешних обстоятельств. А дальше – как угодишь публике. Кстати, Лимонов имел бы несомненно большой коммерческий успех, если бы не защитная маска "поэта". Для широкой западной публики лучше бы он выдал себя за космонавта, несмотря даже на ее, публики, склонность к стилю журнала "Юность". А широкую русскочитающую публику нам остается только поздравить с тринадцатилетием жизни с Эдичкой.

Олег Юрьев

Замок Солитюд, Штутгарт.

С комсоргами не стреляются

Рецензия на рецензию

В номере 165 журнала "Грани" опубликован текст Виктора Куллэ в интересном жанре одновременно "интервью у самого себя" и "рецензии на свою собственную книжку". Детское бесстыдство обоих этих жанров не очень бы меня заинтересовало, если бы в тексте В. Куллэ не обнаружилось несколько хлестких замечаний в адрес поэта Дмитрия Закса и литературной ассоциации "Камера хранения", в которую Дм. Закс входит так же, как и я. Так вышло, что сочинение Куллэ соседствует на страницах журнала с моим собственным текстом, что создает для меня неприятную необходимость высказаться.

Речь идет о рецензии на сборник "Латинский квартал", составленный В. Куллэ из стихов студентов Литинститута. На этот сборник Дм. Закс имел несчастье полтора года назад написать для радио "Свобода" коротенькую рецензию. Вообще, когда мы пишем "неположительную" рецензию, всякий из нас, бедных рецензентов, имеет в виду, что любви он к себе этим не прибавит. Долг рецензента высказать свою точку зрения и постараться убедить в ее правильности читателя. Разумеется, никто не рассчитывает убедить автора плохой книги в том, что эта книга плоха. Но никто из нормальных людей не претендует на окончательность своего суждения: литературный процесс в конечном итоге – игра личных мнений. Но выступление Куллэ есть пример выражения т а к и х форм "обиды на рецензента", которые свидетельствуют, что

русский литературный быт пришел к полному разрушению этики отношений.

Истерика по поводу маленькой рецензии, давным-давно растаявшей в эфире, началась примерно год назад на страницах московской газетки "Литературные записки", где Григорий Марговский обвинил моего товарища в антисемитизме, продаже родины, лысости и пристрастии к немецкому пиву на основании следующего пассажа (из радио-рецензии Дм. Закса? - Ред. "Граней"):

"Пассеистское направление представлено в сборнике Григорием Марговским и Игорем Меламедом.

Повествовательное море
Созвучьями не соблазнить.
Суровая сучится нить
При свете эпоса в каморе.

Это первый.

"Мир не бессмыслен, но так
В нем тяжело и больно очень,
Что даже смерть сама пустяк
В сравнении с тем, как долги ночи".

Это второй. А могло быть и наоборот. Или это всё вместе сочинил кто-то третий, четвертый, пятый".

И это всё о Меламеде с Марговским.

По всей видимости, Григорий Марговский сам рецензии не слышал, а был науськан своими более опытными товарищами, воспользовавшимися его наивностью, простодушием и скандальностью, так трогательно описанными в сочинении Куллэ. Иначе бы ему не показалось, что весь "шквал своего свободно конвертируемого сарказма" рецензент обрушил именно на него с Меламедом.

Но Бог с ним, с Марговским, гораздо интереснее наш "интервьюер самого себя". Он определяет жанр выступления Дм. Закса как "пасквиль" и утверждает, что в нем присутствуют "личные оскорбления и откровенная клевета". Ну, что же, обратимся к первоисточнику (по рукописи /радиорецензии? - Ред. "Граней"/, любезно, хотя и неохотно предоставленной автором, которому изрядно поднадоело это комсомольское собрание):

"...Составитель, Виктор Куллэ, в прошлом секретарь комитета комсомола института, в стихах своих далеко не обнаруживает той яркости и выразительности, коими блещут его предисловия. Видно, что в свободное от общественной работы время он достаточно основательно ознакомился с метареалистической школой, ничем не выделяясь из ее общего потока:

Шоколадный пигмей синегубые скользкие тени
Я усну на траве, промотав деревянные деньги
Отражение голых зеркал не приснится лицу..."

Вот, собственно, и все "личности" в рецензии Дм. Закса. Клевета? Надеюсь, что еще живо немало свидетелей тому факту, что В. Куллэ несколько лет был комсоргом Литературного института имени Горького. Да и сам стиль его отповеди напоминает о хорошей комсомольской выучке. Чего стоит хотя выражение "поливать грязью", два раза употребленное на одной странице – так и тянет от него если не "Правдой", то "Комсомольской правдой" уж точно. Что, собственно, значит "поливать грязью" Литинститут? Литинститут – созданная большевиками "кузница литературных кадров", продолжает выполнять свою уже никому не нужную функцию, такова посылка Дмитрия Закса, и нормальному человеку совершенно непонятно; отчего этого взгляда не может придерживаться тот, кто в этом Литинституте некоторое время проучился. Что-то есть в противоположном взгляде от блатной "круговой поруки", так характерной для советских организаций, особенно "творческих".

В рецензии Дм. Закса речь вкратце шла обо всех русскоязычных авторах "Латинского квартала" (переводы В. Куллэ из иноязычных коллег вряд ли позволили бы сделать об их творчестве какое-либо умозаключение), и надо признаться, что ко всем ним рецензент отнесся довольно иронически, кроме, конечно, Александра Еременко, которого он назвал "поэтом по-настоящему хорошим" – но ведь и сам Куллэ признается, что Еременко был принят в "Латинский квартал" на должность "свадебного генерала". На трех страницах физически невозможно дать характеристику десятку авторов, да еще и "облить их грязью", если только под этим "обливанием" не понимается само суждение о стихах, а именно так оно, как видно и происходит. Я не буду останавливаться на вопиющем утверждении В. Куллэ, что "участники "Камеры" ревниво оберегают свой статус самых молодых стихотворцев эмиграции (? – О. М.) и не очень приветствуют возможность создания каких-либо коллективных сборников".

Приходится писать всякие рецензии – отрицательных приходится писать больше, чем хороших, но комсорг забывает (или хочет забыть), что мы, слава Богу, живем не в то время, когда "отрицательная рецензия" закрывала возможности для дальнейших публикаций и оказывала влияние на личную судьбу "раскритикованного".

Ну, а что касается нелепейшего разговора о дуэли, то от него и вообще несет слюнявой романтикой, а применительно

к данному конкретному случаю мое отношение к нему просто вынесено в заглавие настоящего текста.

Ольга Мартынова

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом замечании от редакции мы не пытаемся принять чью-либо сторону. Было бы нелепо вмешиваться в борьбу "творческих союзов" - битва будут обе стороны. Мы только хотели бы воспользоваться случаем, чтобы несколько определить нашу позицию.

Тот или иной, как теперь принято выражаться, текст, поступающий в редакцию, рассматривается не по авторской личности - наше в каком-то смысле счастье еще до недавнего времени в том и состояло, что авторы были нам не известны, а потому мы имели дело только с текстами. И, скажем, попади такой стих В. Кулз, какой приведен Дм. Заксом в его радио-рецензии, он не был бы напечатан - такое нам просто не нравится, но вовсе не потому, что сам автор - комсорг, профорг, пролетарий, академик или член ЦК. Дм. Заксу не нравятся стихи Меламеда, а нам какие-то из полученной через третьи руки подборки, понравились, равно как таким же путем попавшие к нам стихи В. Еременко, на котором, кажется, "в данном конкретном случае" и обе стороны сходятся в положительном мнении. Бывают ли при таком подходе ошибки? О, еще сколько! Но это ошибки вкуса и недостатка общей культуры редакции, но уж во-всяком случае не тенденциозности подхода.

Возможно, что когда-нибудь кто-то даст себе труд и напишет исследование о том, что качество литературы, как, впрочем, не только ее, находится в прямой зависимости от занимаемых авторами постов, позиций, членства не в той партии, комсомоле, пионерии, октябриии (можно так сказать?) и от того, учились ли авторы в какой-то "большевистской кузнице ...ных кадров". Интересно, что из упомянутой литературной "кузницы" численно вышло столько же настоящих поэтов, писателей и вообще литераторов, сколько и из тех, что были на горьких "вольных хлебах" - то есть, мягко говоря, немного. Потому что их и в природе немного. И не в том вопрос - благодаря ли "кузнечному процессу" или вопреки ему. То ли кузнечным мехам времена огня было маловато, то ли "кузнецы" (такие, как К. Паустовский, а теперь, скажем, Паум Коржавин или С. С. Аверинцев - если ограничиться только ими) подчас "саботировали" и "не то" топливо подбрасывали. Если и есть счет к этой "кузнице" то, пожалуй, по другой мерке: сколько было в ней загублено и искажено просто душ?! Тоже, наверное, пропорционально не меньше, чем "на воле".

Что же касается литературной критики и рецензий, то мы, счи-

тая эти разделы вообще одними из самых важных для любого литературного журнала, предпочли бы, конечно, чтобы на каждую так называемую отрицательную рецензию или отзыв следовал бы ответ по литературному существу обсуждаемого. Если публикуется нечто, как кому-то представится, задававшее большого поэта или писателя (как, впрочем, и восхвалявшее нечто негодное), то мы вправе ожидать ответа не по личности задавшего, а с доказательствами, что большой литератор и есть большой, и уважаемый (непреренно, уважаемый! — столько тонкого сарказма можно вложить в это обращение, что перед ним померкнут все личные выпады) оппонент или коллега был в своем суждении не прав...

Судить-то всё равно, уважаемые коллеги, не нам, а читателю и времени! У нас же с вами есть только право на собственное мнение и вкус — и место, то есть страницы журнала, чтобы это выразить читателю.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

От редакции

Редакция нашего журнала убедительно просит авторов и тех, кто передает в редакцию рукописи, прилагать хотя бы краткие авторские биографические данные - не более того, что автор сам о себе хотел бы сказать. Иной раз нам приходится "конструировать" эти данные по публикуемому тексту, что, во-первых, далеко не всегда возможно, а, во-вторых, может оказаться просто неверным или нежелательным для автора.

Это нужно не нам, а читателям. Авторская биография определенно накладывает отпечаток и на его творчество, а, следовательно, помогает читателю лучше понять и автора и само произведение.

В о л ь ф Сергей - современный петербургский поэт.

Д у г а н о в Андрей - писать начал более тридцати лет назад, рассылал рукописи в разные издания, откуда получал положительные отзывы и формальные отписки о невозможности опубликования в "настоящее время". Это "настоящее время" продолжается для него, как и для многих других, и сейчас - только уже под знаком "рынка". Рассказ, напечатанный в этом номере - первая публикация автора. Живет в одном из сел Тамбовской области.

З а т у л о в с к и й Леонид Миронович, род. в 1932 г., по образованию и профессии инженер. Стихи пишет более 25 лет. Подборка стихов, представленная в этом номере - одна из немногих публикаций поэта. Живет в Санкт-Петербурге.

К р ы м Соломон Самойлович - видный общественный и государственный деятель Крыма первых двух десятиле-

тий нашего века, пользовавшийся большой и заслуженной известностью и уважением широких кругов крымского населения, отличавшегося широким социальным и этническим спектром. У редакции нет систематических сведений по биографии С. С. Крыма, поэтому мы приведем несколько выдержек из книги В. А. Оболенского "Моя жизнь. Мои современники" (УМКА-PRESS, Париж, 1988. Серия "Все-российская мемуарная библиотека). В. А. был близко знаком с С. С. Крымом по совместной общественной и государственной работе в Крыму. Вот что пишет В. А. в связи с выдвижением кандидатуры С. С. Крыма на возглавление Крымского правительства, образованного в 1918 году перед самым уходом немцев из Крыма перед самым вступлением в Крым Добровольческой армии ген. Деникина (С. С. Крым возглавлял земское правительство полуострова с ноября 1918 по март 1919 гг. - до временного занятия Крыма большевиками):

"Принадлежа к партии Народной Свободы, он никогда не занимал боевых позиций в ее борьбе с другими партиями, так как не обладал боевым темпераментом и всегда был склонен к компромиссу в политических разногласиях. Поэтому к нему с симпатией относились люди разных политических направлений. Как старый либеральный земец, он имел обширные связи в кругах социалистического третьего элемента, как крупный землевладелец и бывший член Государственного Совета - пользовался авторитетом в более правых кругах, наконец, мы надеялись на его популярность среди татар, которые его, как своего кандидата, избирали выборщиком во все Государственные Думы. В бытность свою членом Думы и Государственного Совета он постоянно поддерживал связи с татарами и горячо защищал их интересы. Заменяя татарское правительство русским, нам нужно было показать татарам, что мы не намерены вести политики, враждебной татарскому населению, и фигура С. С. Крыма во главе правительства, как нам казалось, давала достаточные гарантии в этом отношении".

Увы, мы недооценивали влияния на татарские массы националистических демагогов, делавших карьеру при правительстве Сулькевича. Когда образовалось новое правительство, они повели отчаянную атаку против новой власти, и все прежние заслуги С. С. Крыма были забыты. Именно на нем, больше чем на ком-нибудь другом, сосредоточилась ненависть татар. Как раз то,

что он свободно говорил по-татарски и считался в татарской среде более или менее своим человеком, теперь, в атмосфере разгоряченных национальных страстей, создало ему, крымскому патриоту и искреннему другу татар, облик "изменника". Психологически это было понятно, но было большой трагедией для С. С. Крыма, попавшего в такое положение. Тогда, однако, никому из нас не могло придти в голову, что именно он станет мишенью национальной травли, клеветы и инсинуаций".

Подводя итоги недолгой деятельности самого земского правительства В. А. Оболенский пишет:

"Положение крымского правительства, каждый шаг которого вызывал на него нарекания то справа, то слева, вынужденного считаться и с бесчинствующими военными, и с социалистической оппозицией, было поистине трагично. Однако для мирных обывателей Крыма период его управления, так же как и период управления правительства Сулькевича, был сравнительно счастливым временем.

Не было, если не считать отдельных фактов насилий со стороны контрразведок и тылового офицерства, крупных нарушений порядка, не было впоследствии развившихся грабежей. В области экономической тоже было сравнительно благополучно. Правительство не только справлялось со своим бюджетом, но имело возможность отпускать значительные средства в распоряжение Добровольческой армии на оборону Крыма, а также производить расходы по поддержанию Севастопольской крепости, ремонту военных судов и т. д... Хлеб был сравнительно дешев и в других продуктах первой необходимости недостатка не чувствовалось.

Но крымское правительство не удержалось у власти, и Крым попал в руки большевиков...

В военных кругах вину за падение Крыма, конечно, возложили на местную власть, якобы "мироволившую большевикам". Крымских министров, в особенности еврея Вячавера и караима Соломона Крыма, стали шельмовать на всех перекрестках. Однако после того, как Крым пережил еще две - деникинскую и врангелевскую - катастрофы, уже не может быть сомнения, что и в первой катастрофе крымское правительство было ни при чем. Не имея своих войск, оно не могло ее предотвратить, не могло и управлять так, как считало нужным. Но всё-таки дало временный отдых измученному смутами населению".

Л и н н и к Юрий Владимирович. Поэт, литературный критик, историк русской литературы, публицист. Доктор

филологических наук. Автор многочисленных статей и книг. Собиратель и коллекционер. Живет в Петрозаводске. В № 164 "Граней" была опубликована его статья о поэзии Игоря Чиннова "Его судьба - песочные часы" - это часть готовящейся книги очерков о поэтах русской эмиграции.

М а р к о в Анатолий - живет в Москве. Рассказ, напечатанный в этом номере - вторая публикация А. Маркова в "Гранях". Первый рассказ "Хроника № 7" был опубликован в № 167 "Граней". Как нам стало известно, эти рассказы - части большой работы, состоящей из подобных "Хроник".

М у р а в ь е в а Ирина, род. в Москве в 1952 году. По образованию филолог. В Москве занималась переводами английской и немецкой поэзии, много писала о Пушкине. Эмигрировала в 1985 году. В настоящее время живет в Бостоне (США), преподает в Гарвардском университете. Регулярно печатается в русских изданиях эмиграции. Автор "Граней". После августа 1991 года побывала в России - результатом стала целая серия очерков о современной России, печатавшихся (в том числе и в "Гранях) и продолжающих печататься в русской периодике Зарубежья.

О к у л о в Андрей. Родился в Ленинграде в 1960 году. Эмигрировал с семьей в конце 70-х годов. Журналистское образование получил в Англии. Член редколлегии журнала "Посев", в котором опубликовал большое число статей и заметок. Первая литературная попытка автора "Леший камень" была опубликована в № 159 "Граней".

П а л а м а р ч у к Петр Георгиевич. Канд. юридических наук. Автор книг прозы и исторических исследований, в числе которых художественное исследование "Ключ" к Гоголю" (1985), составленные им сборник "Гоголь: история и современность" (1985) и книга прозы Г. Державина и К. Батюшкова (1984 и 1987). П. Паламарчук

является автором в свое время анонимного огромного труда "Сорок сороков", вышедшего в 3 томах в издательстве IMCA-PRESS в Париже (1988, 1989, 1990 - сама рукопись попала на Запад в начале 80-х годов) - энциклопедия московских церквей. В 1986 вышла первая книга художественных произведений "Един Державин", в 1989 роман "Ивановская горка", в 1992 - роман "Векопись", половина которого в журнальном варианте была опубликована в "Гранях" (№ 161, 1991).

П у х а н о в Виталий, молодой московский поэт. Первый лауреат учрежденной в 1991 году литературной премии им. Осипа Мандельштама. Автор и составитель нескольких стихотворных подборок для "Граней". Участник поэтического сборника "Латинский квартал". В настоящее время учится в аспирантуре Литературного института.

С е н д е р о в Валерий Анатольевич родился в 1945 году в Москве. Математик. Закончил Московский физико-технический институт. В 1968 году перед самой защитой диплома был исключен из института со стандартной формулировкой - "за поведение, недостойное звания советского студента, которое проявилось в чтении, распространении и обсуждении философской литературы". В 1970 году, после двухлетней борьбы с чиновниками от образования, диплом было разрешено защитить. В том же году В. Сендеров поступил в аспирантуру Московского областного пединститута, откуда через год был отчислен за написание работы "Философия Ницше". С тех пор - редчайший в научной практике случай - вольный (как противовес "невольному", служащему) математик. К настоящему времени автор нескольких десятков работ по функциональному анализу, почетный член Американской Академии Наук, один из авторов задачника для одаренных школьников "Физико-математические олимпиады" (М., "Знание", 1977), постоянный член жюри юношеских математических олимпиад, автор (совместно с Б. Каневским) самиздатской ра-

боты "Интеллектуальный геноцид", в которой авторы протестовали против дискриминации евреев при поступлении в вузы в период, известный под названием "застойного".

В апреле 1982 года у В. Сендерова был проведен обыск, изъяты рукописи, книги, материалы НТС. Сознывая неизбежный арест, он сделал заявление для прессы, в котором просил считать момент ареста моментом его самоприема в Народно-Трудовой Союз российских солидаристов. 17 июня 1982 года В. Сендеров был арестован, ему было предъявлено обвинение в издании Информационных бюллетеней СМОТа, в распространении их в России и передаче материалов в "Посев". Приговор: 7 лет лагерей плюс 5 - ссылки.

В связи с горбачевской "перестройкой" был выпущен осенью 1987 года и тут же, как и прежде, включился в общественную деятельность, став открытым представителем НТС в Москве. В апреле 1993 года был включен в состав Исполнительного Бюро НТС. Член редколлегии и постоянный автор общественно-политического журнала "Посев", а также автор "Граней", редакции которого он помогает как собственными материалами, так и нахождением новых авторов.

Черных Борис, писатель. Бывший политзаключенный. После публикации окончания его "Писем из провинции" - "Озими"; начаты в данном номере "Граней", мы, возможно, будем в состоянии добавить еще некоторые данные.

Н. В. Богословскому

Предистория нижеследующего письма редакции известному советскому композитору Никите Владимировичу Богословскому такова.

В начале этого года московский представитель журнала "Посев" получил от него письмо довольно грозного содержания, в котором Н. В. настоятельно просил передать его претензию в редакцию журнала "Грани". Претензия эта состояла в том, что Н. В. счел себя несколько уязвленным фактом опубликования в журнале фрагмента из романа Бориса Фалькова "Во сне земного бытия" ("Грани" № 146, 1987 г.). В романе несколько действующих лиц имеют имена реальных и достаточно широко известных людей, в частности один из героев носит имя Н. В. Богословского. Н. В. считает, что именно он представлен в романе не в том виде, в каком он хотел бы себя видеть, равно как счел необходимым выразить свое весьма невысокое мнение о прозе Б. Фалькова.

В свое время я как редактор, принимая к печати отрывок из романа, не увидела в образе, обозначенном под именем Н. В., ничего оскорбительного для реального лица с таким же именем, скорее, персонаж был представлен очень доброжелательно. К тому же мне как москвичке чуть не с детства были известны ходившие в московских культурных кругах легенды о розыгрышах Н. В. Да и читатель, если открывает "Литературную газету", может нередко прочитать очень смешные рассказы самого Н. В. о собственных "пробделках". Потому-то и показалось, что "олитературенный" пересказ Б. Фальковым одной из подобных легенд не может оскорбить прототип.

И всё же письмо Н. В. было достаточно суровым, и я решила пойти к нему на поклон с повинной головой. И была полностью ублажена. После вежливых угроз подать на журнал в суд с требованием довольно ощутимого денежного вознаграждения Н. В. довольно быстро понял (у меня же возникло чувство, что он и до вызова меня "на ковер" знал это), что требовать он может только с меня, поскольку только я и отвечаю за содержание, взять же с меня нечего. И, наконец, он объявил мне свой вердикт: в качестве сатисфакции он настоятельно просит опубликовать письмо от редакции, а вместо денежного вознаграждения за моральный ущерб он требует бесплатной подписки на "Грани" с доставкой на дом.

Побольше бы нашим авторам такого чувства юмора!

Дорогой Никита Владимирович!

В ответ на Вашу претензию к публикации в "Гранях" редакция приносит Вам свои глубокие извинения, если это доставило Вам личное огорчение. В свою защиту мы можем сказать только одно - никаких дурных намерений, даже самых отдаленных, обидеть лично Вас у редакции не было и быть не могло. Мы также готовы не спорить с Вашим мнением, что в данном случае нам изменил литературный вкус - но, как ни банально, о вкусах не спорят, а если испортят, то во всяком случае не в судебном порядке.

Спасибо Вам за добрый великодушный юмор. И, конечно, наши московские представители будут доставлять Вам очередные номера "Граней" на дом. С искренним уважением от редакции

Е. А. Самсонова-Брейтбарт

II

Людмила Глебовна Редлих, публикация которой "Письма отца" была в "Гранях" № 167(1), 1993 (с. 169-182), просит напечатать перечень исправлений к напечатанному:

а) с. 169, строка 11 сверху: пропущено слово: "Свершилось" (итог цепи диверсионных и террористических акций). Следует читать: "Свершилось! Не стало короля...";

б) с. 170, строка 5 сверху: следует читать: "...родился в 1891 г." (вместо 1870 г.);

в) с. 171, строка 8 снизу: текст в рукописи: Г. Т. с женой покинул родину вместе со своим боевым товарищем Константином Николаевичем Григорьевым;

д) с. 173, строка 15 сверху: пропущено слово "русская" ("русская женщина");

е) с. 182, строка 12 сверху: цензуры нету, а пропущены подчеркнутые слова: и пр. и пр. и прочая по-прежнему никогда не забываю о двух...;

ж) с. 182 - завершать публикацию должна была фраза: "После этого письма никаких известий ни устных, ни письменных о судьбе Глеба Тимофеевича Скуратова, а также сына его Константина и друга Константина Николаевича Григорьева больше не было".

Георгий Константинович Гинс
"Предприниматель"
224 сс., тв. пер.
© "Посев"

Издательство "Посев", существующее в эмиграции более 45 лет остановило свой выбор на этой книге в качестве своего первого издания на родине. Г. К. Гинс (1887-1971) - русский ученый-правовед, экономист, социолог, первым предложивший солидаристическую модель общества, в котором граждане исповедуют принципы солидаризма (не как идеологии, а как правил "мирного гражданского сосуществования" в обществе), роль же государства в обществе сведена к роли правового регулятора, светофора". Написана книга была в конце 30-х годов и издана в Харбине в 1940 г. очень малым тиражом. Но в то время миру было не до экономики, а потому книга не получила должного распространения. После войны восстановление разгромленной Германии пошло фактически по пути, предложенному Гинсом. С этой книги издательство "Посев" начинает свою жизнь на родине.

Книга "Предприниматель" - это не пособие к вопросу, как медленно разбогатеть. Свободное общество - синоним свободной экономики, рынка. Не может быть свободного общества без свободной, неполитизированной экономики, которая не должна быть ни капиталистической, ни социалистической, ни еще какой-то, а должна быть просто здоровой, чтобы обеспечить человеку в обществе экономическое достоинство. И как не родит земля без хозяина, без крестьянина, так и нет здоровой экономики без здорового предпринимательства, без созидательного предпринимателя.

В книге интересно и без потерь для научных принципов рассказывается об истории мирового предпринимательства, в том числе и российского, о том, как создавались богатства в мире, как они использовались на благо общества, говорится о психологии предпринимательства, о механике взаимоотношений предпринимательства и государства и т. п.

Книга может и должна стать настольным учебником для вступающего во взрослую жизнь нового поколения России. Но она интересна и для самого широкого читательского круга.

Индивидуальные и оптовые заказы принимаются экспедицией московского Филиала издательства "Посев": Россия, 140102 г. Раменское Моск. обл., а/я 9. Цена - договорная.

Подписано к печати **8.07.93** Формат 84 X 108 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20.

Усл. кр.-отт. 15. Уч.-изд. л. 16.

Тираж 3 000 экз. Заказ **1490**.

Издательство "Посев" - Филиал в Москве.
127018, Москва, Сушеvский вал, 3/5А-23

Отпечатано в Калужской типографии стандартов.
248006, Калуга, ул. Московская, 256

ЖУРНАЛ "ПОСЕВ"

"Посев" - общественно-политический журнал, выходящий с 1945 года. До 1990 г. "Посев" выходил за рубежом и был органом свободной российской оппозиции, трибуной свободного слова из России. И вот третий год журнал выходит в самой России, следуя своим прежним принципам участия во внутрirosсийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

- поддерживает российское освободительное движение во всех его гуманных проявлениях;

- стоит на позициях национально-государственных интересов России;

- участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

- стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

Журнал "Посев" выходит 6 раз в год (каждый второй месяц) на 128 страницах.

**"ГРАНИ". Журнал литературы, искусства
науки и общественно-политической мысли
"ПОСЕВ". Общественно-политический журнал
Франкфурт-на-Майне - Москва**

Открыта подписка
на журналы на 1993 год

**ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
НА ЖУРНАЛЫ В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ**

Индексы по каталогу "Роспечати"
(раздел "Журналы")

"Грани" - 73078

Стоимость подписки на полгода - 70 РУБЛЕЙ
Журнал выходит четыре раза в год.

"Посев" - 73308

Стоимость подписки на полгода - 81 РУБЛЬ
Журнал выходит шесть раз в год

Редакции расположены
во Франкфурте/М. (ФРГ) и в Москве (Россия)

Подписка и заказы также принимаются
в московском Филиале издательства

"Посев" по адресу:

140102 г. Раменское Моск. обл.
а/я 9

Экспедиция Филиала издательства "Посев"
Расч. счет № 1810591 в Марьиноороцинском ОСБ
(ОПЕРУ МБ СБ РФ в г. Москве.

Кор./сч. банка: № 164110, код ВА.

С указанием на бланке перевода: "Посев"-Филиал).
Доставка - по обратному адресу на бланке перевода.

ISBN 5-85824-002-X